

**Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ**

12

1997

Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКИЙ СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Сборник научных трудов

12

**Издательство Саратовского педагогического института
1997**

ББК 46.3.2

Ч 49

В сборнике продолжены традиции предшествующих выпусков. Исследуются историко-литературные, литературно-критические, художественные и общественные позиции Н.Г.Чернышевского в их целостности и противоречивости. Изучается литературно-критическое наследие эпохи. Разрабатывается пыпинская тема. Приводятся биографические и цензурные материалы.

Для широкого круга филологов и историков.

Редакционная коллегия: док. филол.наук Г.Н.Антонова (зам. отв. редактора); док. филос.наук проф. Я.Ф.Аскин; зам директора по науке музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского С.В.Беспалова (отв.секретарь); док. филол.наук проф. А.А.Демченко(отв редактор); директор музея-усадьбы Н.Г.Чернышевского Г.П.Муренина; док.филол.наук проф. Е.П.Никитина; док.ист.наук проф. И.В.Порох; док. филол. наук проф. В.В.Прозоров.

Ч 4603010000-55 без объявл.
Я79(03)-97

ББК 46.3.2

ISBN 5-87077-018-1

© Издательство Саратовского
педагогического института,
1997 г.

Очередной выпуск межвузовского сборника выходит после довольно продолжительного перерыва. Причину этого связывают с кризисной ситуацией, в какой последние годы оказалось наследие Чернышевского как представителя русской революционной демократии. Начавшийся в общественном сознании вполне исторически оправданный пересмотр собственной истории коснулся и имен, не столь давно с обязательностью вставлявшихся в идеологическую обойму. Чернышевского неизменно включали в этот ряд. Между тем, отказ от прежней идеологии обернулся резким отрицанием самих имен, что неизбежно приводит к насилию над историей и чревато нежелательными последствиями. Задача состоит не в том, чтобы теперь в угоду такого рода конъюнктуре только негативно трактовать фигуру Чернышевского. В самом процессе изучения его биографии и творчества важно сохранить объективность и научность в оценках и характеристиках, избегая сакраментальности, принижения и любых других односторонних трактовок и опираясь на конкретно-историческое понимание его личности и событий его эпохи.

В этом смысле предлагаемый читателю сборник продолжает традицию предшествующих выпусков. Внимание авторов сосредоточено на выяснении историко-литературной, литературно-критической, художественной, общественной позиции Чернышевского в ее целостности, противоречивости и сложности.

Изучению литературно-критического наследия эпохи и его трансформации в последующие десятилетия посвящены статьи "Самообоснование литературной критики и творческий опыт Н.Г.Чернышевского", "Две статьи о В.А.Жуковском: Н.Г.Чернышевский и Н.А.Полевой", "А.В.Дружинин о В.В.Гоголе", "А.А.Фет - критик Н.Г.Чернышевского", "Литературно-юбилейная статья как социокультурный факт и литературный жанр". Интерес представляют новые наблюдения над творчеством Л.Н.Толстого и А.П.Чехова, соотносенных с именем Чернышевского. Традиционно для серии присутствует пыпинская тема: "Журнал "Вестник Европы" и славянофильство", "А.Н.Пыпин в полемике о народничестве", "А.Н.Пыпин и его старшая дочь", "Н.Россов о А.Н.Пыпине" и др. Впервые в связи с автором "Что делать?" предложено изучение основательно забытого романа Д.Л.Мордовцева "Новые русские люди", публикуются также письма Д.Л.Мордовцева к М.И.Семевскому 1862 года и биографические материалы о литературном секретаре Чернышевского М.А.Воронове. Источниковедческое значение приобретают результаты изучения статьи украинского писателя П.А.Грабовского о Чернышевском, а также цензурных материалов, связанных с известным переводом Чернышевского "Истории 18 столетия" Ф.Шлоссера и уличных юмористических листков начала 1860-х годов. По-прежнему редакция сборника внимательна к документам родословной Чернышевского ("Студенские - семья деда Н.Г.Чернышевского").

Сборник посвящается 40-летию первого выпуска серии, у истоков которой стояли профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского А.П.Скафтымов; Ю.Г.Оксман, Е.И.Покусаев, зачинатели саратовской филологической школы. За прошедшие годы серия приобрела достаточно широкую популярность в научных кругах, ее выпуски всегда встречали заинтересованное внимание и побуждали к авторскому участию.

Ссылки на труды Чернышевского даются по изданию: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 16т. М., 1935-1953.

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

М.Г.Зельдович

САМООБОСНОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Достаточно полное изучение наследия критика (тем более - критика выдающегося или даже классика), оценка его исторической роли, значимости для последующих эпох и, прежде всего, для нашего времени, не могут быть достаточно полными и доказательными без постижения такой своеобразной особенности его творчества, как программность и, в частности, программность по отношению к самой литературной критике.

С другой стороны, программность критики как ее самообоснование трудно изучить достаточно полно и конкретно без специального анализа творческого опыта крупных критиков, тем более - классиков.

Двуединство этих обстоятельств определило как обращение к нашей теме, так и способы ее разработки¹.

Хотя основным предметом литературной критики, естественно, является художественное творчество, приущая ей программность обращена также к самой критике (и, разумеется, всегда к реципиенту литературы и критики - читателю)². В этом смысле критика постоянно занята и самообоснованием, причем по всем параметрам, которые в ней определились в данное время - от эстетических критериев, исследовательского метода до стиля и стилистики.

В сущности, разграничение программности критики в двух сферах ее деятельности, в двух областях творчества в большой степени условно. И уже хотя бы потому, что программность по отношению к художественному творчеству во многом, притом применительно как раз к принципиальным особенностям критики, фактически является в своем объективном (и поэтому на практике опознаваемом различными авторами и направлениями в неодинаковой степени) содержании. Реальность критической статьи воплощает и конкретный анализ литературных явлений (не исключая, разумеется, и негативного по оценке объекта - как своего рода предупреждения о грозящей опасности: таковы, например, статьи Белинского о Бенедиктове, Мирлинском) и обобщения разливного характера и масштаба, и - как раз поэтому - также эстетические критерии, сам метод, послужившие ориентиром в "разборах и размышлениях", определенный тип статьи со свойственным ему соотношением начал эстетико-художественного и публицистического. До возникновения собственно теории и истории критики, а потом и в содружестве с ними, критики прежде всего именно таким образом учились друг у друга, утверждали в своей области традиции и преемственность - на них зиждилось и новаторство - опять-таки по всем основным параметрам критического творчества. Программность по отношению к литературе вытекает как своеобразная форма программности применительно и к литературной критике³.

Итак, стремясь изучить опыт Чернышевского в самообосновании критики, следует прежде всего под этим углом зрения рассмотреть его аналитические статьи, которые он сам - в принципе, конечно - считает наиболее характерным воплощением таланта критика. Но здесь мы сразу же сталкиваемся с несколько необычным обстоятельством, которое имеет не просто даже "смыслообразующее", но и собственное методологическое значение.

... Кому не приходилось - и притом многократно - встречаться с новым прочтением художественного произведения или отдельных его

"составляющих" и даже с теоретическим обоснованием - от А.Потебни до наших дней - этого феномена? Вместе с тем уникальны случаи нового прочтения - прочтения, а не переоценки - работы литературоведческой, особенно по истории искусства слова и критики. Между тем масштабность предмета и привлеченного материала, емкость и многоаспектность содержания, недогоматичность выводов в исследовательском труде тоже могут создать необходимые условия для обнаружения в нем новых смысловых пластов, существенных проблемно-тематических аспектов, не только того, что "сказано", но и того, что "сказалось", по знаменитой формулировке Добролюбова.

Именно с таким случаем мы сталкиваемся, обращаясь к самообоснованию критики в аналитических статьях Чернышевского, что и побуждает ставить этот раздел нашей темы несколько необычно - посредством некоторого "домысливания" (сказать: переосмысления едва ли было бы точно, хотя и этот оттенок обоснован) уже осуществленного исследования, хотя оно прямо и непосредственно посвящено... другой проблематике. Имеем в виду известную книгу Б.Бурсова "Мастерство Чернышевского-критика", относительно которой уже доводилось писать, что она недооценена как работа также по теории и методологии критики⁴.

Б.Бурсов изучает мастерство Чернышевского многосторонне - и в "определении задач и перспектив литературного развития", и в "основных принципах и приемах анализа художественного произведения", и в "построении литературно-критических статей", и в "особенностях... языка и стиля"⁵. Как видим, "мастерство в определении задач и перспектив литературного развития" (формула эта, получившая в науке права гражданства, кстати сказать, и принадлежит Б.Бурсову) выделено в особую главу - и вполне правомерно для целей автора. Но в то же время такое "обособление" сугубо условно, и ученый это, конечно, прекрасно понимает, - хотя бы потому, что эта же проблематика в будущем изучается, пусть и в различной степени, также и в последующих разделах. Знаменателен вывод исследователя: "Мастерство Чернышевского в определении задач и перспектив литературного развития стоит на большой высоте и потому, что он владел всеми средствами литературно-критического анализа" (С.94). Это, помимо всего остального, означает: "все средства литературно-критического анализа" активно участвуют в формировании программы критики и, следовательно, их постижение в данном аспекте, демонстрация критики Чернышевского в действии объективно становится и характеристикой способов, приемов, форм программности. Прежде всего - по отношению к "перспективам литературного развития", а через их исследование и применительно к общей идейно-методологической направленности и творческой программе самой литературной критики.

Едва ли не каждая существенная особенность мастерства Чернышевского Федоров и Б.Бурсов, и Б.Егоров оправданно рассматривают их в сложных связях

с критическим методом) это у него еще и не прямое, имплицитное обоснование важнейших параметров критики с помощью собственного творческого опыта. (Само собою разумеется, что различные компоненты этой "необъявленной" программности, - таково правило, - в различной мере убедительны и отвечают запросам времени, различных критических направлений, что, наконец, эти компоненты обладают неодинаковой творческой "воспроизводимостью", "реализуемостью" в критической практике).

Когда Б. Бурсов исследует многообразные цели и принципы, пути и способы анализа в статьях Чернышевского отдельных произведениях, - Л. Толстого или И. Тургенева, Н. Щедрина или Н. Успенского, - его концепции, художественной структуры, соотношенности с литературным процессом, - ученый тем самым показывает, каким опытом (конечно же не единственно результативным, но имеющим право на внимание и, так сказать, перепроверку) обогащает Чернышевский современную критику. Это, разумеется, не нормативность, а целеустремленное следование своей программе, которая может стать - и нередко, во всяком случае, кажется, чаще, чем мы себе представляем на уровне нынешних знаний о демократической критике - становилась символом веры соратников и последователей.

Когда Б. Бурсов изучает подход Чернышевского к индивидуальности писателя, способы и средства ее постижения и тактически вдумчивого воздействия на нее, конкретный, нешаблонный смысл таких категорий, как содержание и форма, изощренное искусство Чернышевского в оперировании ими, - исследователь определяет не только его мастерство, но и практический вклад в совершенствование современной критики применительно к данной сфере ее деятельности. Вклад тем более значительный, что он обращен к критике не только своим ближайшим, непосредственным содержанием, но и его общеэтическим (не общеэстетическим!) творческим потенциалом⁷.

Когда Б. Бурсов определяет особенности стратегии и тактики Чернышевского, принципы отношения к литературному процессу, и прежде всего - умение уловить зреющие перспективные тенденции в нем, плодотворно влиять на них через воздействие на отдельных писателей и - в связи также с этим - избежать нормативности, предписывания литературе чужеродного для нее, ученый опять-таки показывает, как, какими способами Чернышевский достигает доказательности, конкретности историзма, осуществимости своей программы литературного развития.

Разумеется, выводы исследователя отражают то в наследии Чернышевского, что дано увидеть, что актуально в свете нынешнего критико-эстетического опыта (и сообразно установкам, интересам самого ученого), а отнюдь не с нечerpывающей, "абстрактной" полнотой, и возможно не всегда в тех аспектах, которые были главными для современников Чернышевского. Но это означает только то, что следует разграничивать *воспринятую* программу Чернышевского (для суждения на сей счет ценный материал дают отклики критики, дискусии, полемические схватки, например, спор с Дружининым по поводу сочинений Писемского, творческая история статьи "Об искренности в критике") и программу, *объективно заложенную* в его произведениях. А восприятие должно было, вообще говоря, быть тем более активным, что время Чернышевского требовало самоопределения как литературы, так и критики по сугубо принципиальным проблемам, выбора творческого пути в каждой из этих областей.

знаменательно, что Чернышевский целенаправленно избирателен в своей программной проблематике и последовательно меняет ее - сообразно динамике литературного процесса и своей тактике по отношению к нему. В первых статьях - это проблема содержательности в различных ее проявлениях, уровнях и соответствующий понятийный аппарат критики: в разборе "Губернских очерков" - творческий метод Щедрина, и прежде всего принцип социальной установки художника и критерий критика; в суждениях о Толстом - типология психологического анализа как явления искусства и вместе с тем - категории критического исследования; в работе о гургеневской "Асе" - как метод интерпретации, социальной типологии, а в статье о Н. Успенском - возведение конкретных разборов к емким общественно-политическим и литературным проблемам превращались и в неназванный урок современной критики.

Разглядеть некоторые нераспознанные аспекты работы Б. Бурсова (и других авторов) о Чернышевском - не значит, конечно же, ограничиваться наблюдением и обобщениями ученого. Не заказаны пути и для новых наблюдений, непосредственно отражающих роль разборов Чернышевского в самообосновании критики. Например, его рецензий на поэтические сборники, исследовательских установок и приемов в этой отрасли критической работы⁸.

Едва ли не главное состояло здесь в том, что Чернышевский, опираясь на идеи Белинского, но в ситуации начавшегося "возрождения" русской поэзии после недооценки в 40-х годах ее возможностей, разрабатывает и показывает в действии опорные категории (они же, как это вообще принято, выступают и в качестве критериев) постижения и оценки поэзии как искусства в ее связях и соотносительности с жизнью, с личностью поэта и литературным движением.

Может показаться тавтологией (чисто словесно это и в самом деле так), но Чернышевский прежде всего отстаивает необходимость поэзии, поэтической фантазии в поэзии: критерий возникает как концентрированное выражение самой сущности явления и получает двойную мотивировку - и в теоретических определениях, и в самом анализе, в прямых оценках произведений (скажем, Бенедиктова или Щербинны - III, 610; IV, 529, 538 и др.⁹). В определенном смысле, если проследживать логические связи, "производным" от понятия поэзии является ближайшим образом категория таланта, которая неизменно, чуть ли не подчеркнуто активно применяется Чернышевским при анализе, характеристике поэтических произведений. Недаром, заканчивая рецензию на сборник Огарева, Чернышевский говорит о намерении поместить и специальную статью о "поэтическом таланте" (III, 568) сподвижника Герцена.

Обычно теоретик или критик усматривает сущность таланта в способности в совершенстве осуществлять то, что он считает главным в данной сфере творчества (для приверженца реализма талант - это прежде всего верность социально осмысленной правде жизни, человеческих взаимоотношений). Чернышевский не составляет исключения. Поэтический талант для него заключается в способности отзывчиво, взволнованно открывать поэзию действительности, особыми средствами постигать динамизм, противоречия, страсть, красоту человека и жизни¹⁰. Проблема таланта в различных ее поворотах закономерно становится едва ли не центральной при анализе сборников Никитина (III, 496-497), Щербинны (IV, 528-543), причем она и в целом, и в отдельных своих аспектах подчинена основной для Чернышевского в каждом случае литературно-тактической задаче, отчего сама опорная категория приобретает поучительную конкретность.

Выражением галанга и вместе с тем опять-таки критерием его, средством анализа отношения поэта к действительности, опровержения расхожих мнений и репутаций выступает в разборах Чернышевского категория пафоса. Это и понятно, поскольку, вслед за Белинским, он понимает под ним "существенный характер, внутренниий смысл, задушевную идею" (III, 453) творчества художника¹¹. Особенно отчетливо сказались возможности этой категории в анализе, хотя и с противоположными знаками сборников Е.Растолчиной и И.Огарева.

Разбор поэтических произведений существенно конкретизирует, проясняет общетеоретические посылки с помощью двуединого у Чернышевского понятия лирическое Я - личность автора. Понятия, помогающего в процессе анализа определить и обобщенный "тип" (термин Чернышевского (III, 565)), чьи переживания и мысли воплощены в стихотворениях, и его соотношение с поэтом как реальной личностью.

Это дает возможность типологизировать оба "действующие лица", показать жизненные истоки бытия каждого из них, меру значимости и характеристики для действительности и литературы. В этом плане выразительны в своем сходстве и контрастах опять-таки статьи о сборниках, с одной стороны, Е.Растолчиной (III, 455-457), с другой - И.Огарева (III, 562-565).

Чернышевский, в этих случаях, не теоретизируя, а анализируя, как бы представляет на общественный, читательский суд не только свои ближайшие "предметные" выводы, но и сам способ, инструментарий анализа, его логику и последовательность. Включаясь в такой форме также в дискуссии начала 60-х годов о поэзии вообще и творчестве Огарева, в частности, Чернышевский и ставил свои работы перед пристрастным судом других критиков, и содействовал прояснению методологического, программного содержания основных обсуждавшихся вопросов¹².

Так осуществляется в творчестве Чернышевского одна из разновидностей программности - "скрытое", "необъявленное" самообоснование критики.

Типологически другой способ обоснования критики в творчестве Чернышевского - прямая, в той или иной форме, с различной степенью приближения к критической практике, "объявленная" программность. В свою очередь, она включает в себя, во-первых, общеэстетическое обоснование критики, во-вторых, непосредственную разработку теории критики, в-третьих, утверждение ее на материале истории этого рода творчества.

Короче всего можно сказать о первом из названных способов, поскольку эстетический трактат и эстетические идеи Чернышевского в целом обстоятельно изучены, причем и в соотношении с литературой его времени¹³. Главное, в чем заключался потенциал программности диссертации Чернышевского по отношению к критике, - это материалистическое истолкование природы искусства и его эстетических отношений к действительности, формирование самого подхода к искусству, художественному произведению, принципам и системы критериев его интерпретации и оценки (приоритет действительности, единство содержания и формы, объективно обоснованный демократический идейный пафос, художественность и ее предпосылки и др.). Разумеется, с генерализующего языка эстетики все это должно быть творчески трансформировано в самой критической практике с присущим ей многообразием.

Скрытая программность трактата Чернышевского была сразу же опознана. Уже в официальном отзыве А.В. Пикитенко писал, что "автор обратился в своем рассуждении к самым основным началам, от которых зависит правильный взгляд на литературу и здоровья о ней критика"¹⁴. И.Ф. Даниельсон в 1873 г. в письме К. Марксу заметил: "Теоретическая основа" "Эстетических отношений" "послужила исходным пунктом для деятельности Чернышевского и Добролюбова как критиков"¹⁵. Автор первой значительной книги о Добролюбове, критик-демократ П. Бибииков, опирался на конкретный материал, когда писал в 1865 г. по живым следам события, что в диссертации Чернышевского "изложены основания реальной эстетической критики, обусловливаемой духом нового времени, неумолимо рвущейся в жизнь..." И далее, связывая деятельность Добролюбова с "брошюрой" Чернышевского: "историк нашего времени отметит столько же автора брошюры, сколько покойного Добролюбова, который с необыкновенным талантом приложил основания этой критики к современным литературным художественным произведениям..."¹⁶. Программность эстетического обоснования демократической критики Чернышевским становилась реальным слагаемым литературного развития.

Прямое обращение Чернышевского к вопросам теории критики определялось общественно-литературной ситуацией его времени, стремлением воздействовать посредством критики на современную литературу, а для этого (вернее - также и для этого) - и на самую критику, возродить в ней традиции Белинского, а поначалу - элементарную основательность и принципиальность. В сущности, ранние статьи Чернышевского отчасти своей явной программностью смыкаются с теорией критики, а в большой мере и прямо ей посвящены. В таком двуединстве - одна из важных особенностей не просто структуры этих статей, но тактики Чернышевского: он как бы ставит лицом к лицу литературную практику "мрачного семилетия" и постепенно формирующуюся, усложняющуюся систему требований к ней, программу критики, способной добиваться осуществления этих критериев.

Так выясняется и другая особенность теоретико-критических суждений Чернышевского. Они в одно и то же время сосредоточены и на инструментари, и на тактических установках, приемах критики. Чернышевского не отпугивает даже явный оттенок наставительности его первых (заметьте: первых!) статей. При этом определяется и своеобразное разделение функций: аналитическая часть статей воплощает - нередко так сказать, от противного, несостоявшиеся в произведениях М.Авдеева, Евг. Тур и др. отстаиваемые Чернышевским эстетические критерии (содержательность, хотя бы стремление к мысли, правдоподобие характеров, выдержанность тона повествования и под.), а теоретико-критические фрагменты мотивируют, разъясняют их, и вместе с тем показывают, какого должна быть по своим устремлениям и ориентациям сама критика.

Едва ли не наиболее убедительное подтверждение - известная статья Чернышевского "Об искренности в критике" (1854) - насквозь полемичная и одновременно конструктивная, и в обоих планах внешне программная и для литературы, и для критики¹⁷. Целостность и целеустремленность этой работе придает утверждение ряда существенных идейно-эстетических критериев и связанных с ними принципов критики, которые позволили бы ей осуществиться в сложившихся обстоятельствах свое призвание. Чернышевский выдвигает определение критики, подчеркивающее именно общественную значимость и

ответственность ее, четко обозначает общий характер критики, роль по отношению к литературе и читателю. Логикой своих рассуждений (напомним: они идут в постоянном соотношении с оценкой по-своему знаменательных произведений литературы) Чернышевский при этом раскрывал связь таких ключевых понятий, как сущность критики, ее общественная позиция и идейно-эстетические критерии и принципы.

Постепенно Чернышевский осуществляет восхождение от критики к критическому методу, пусть в первоначальной постановке этой в своем роде итоговой проблемы теории критики.

Уже в прямом обосновании своих теоретико-критических идей в статье о А. Погорельском Чернышевский привлекает в качестве доказательного и наглядного аргумента факты истории русской критики.

При всем том он пока ограничивается просто обширными выписками из "Московского телеграфа" и "Молвы", полагаясь на то, что в них отчетливо проступают серьезность и "разборчивость" (II, 388) критериев, принципиальность, прямота и взыскательность оценок, сосредоточенность не на частностях, а на произведении как художественном целом. Комментарии и обобщения Чернышевский пока намеренно избегает. Так теория предстает в "скрытом" виде на материале уже не художественно-литературном, а собственно критическом.

Иначе, хотя опять-таки весьма своеобразно, обстоит дело с использованием критического наследия в цикле статей о Пушкине, явившемся новым словом Чернышевского в обосновании передовой критики¹⁸. Особую значимость циклу придает то обстоятельство, что решение всех основных проблем связано в нем с анализом важнейших эстетических категорий и критериев (искусство и действительность, концепция произведения, художественность, мысль и творчество), снособствовавших кристаллизации критического метода. Не довольствуясь такой характеристикой в прямой связи с творчеством Пушкина, Чернышевский теперь не просто ссылается и на критику, а исследует ряд значительных ее явлений 20-40-х годов. Преследуя конкретные полемические цели, в частности, опровержение дружининской концепции творчества Пушкина и всецело негативного отношения к критике пушкинской поры, Чернышевский вместе с тем ориентируется и на заботы критики современной. Принципиальность /это не всегда означает - справедливость/ критериев и суждений, гибкость и социальная отзывчивость тактики, представительство мнений читателей - вот что прежде всего ценит Чернышевский в "основаниях... суждений" (II, 496) современной поэту критики.

В четвертой статье о Пушкине, верный своей тактике и прощической констатации: "мы живем в ретроспективное время" (II, 515), Чернышевский противопоставляет взглядам Дружинина на поэта концепцию Беллинского. И теперь уже намеренно генерализует и подчеркивает некоторые идеи Беллинского и выводы из его статей, открывая в тех и других принципиально программную направленность и содержание (это не исключало и "старого" приема Чернышевского - самачподбором выписок, их проблематикой и логикой служить самосознанию критики). И тогда, например, получает обоснование публицистичность критики: "для истинного критика рассматриваемое сочинение очень часто бывает только поводом к развитию собственного взгляда на предмет, которого оно касается вскользь или односторонне (трудно не увидеть здесь одну

из основополагающих идей не только практики, но и теории "реальной критики" (М.З.). Так произошла большая часть эпизодов, которыми богаты статьи (Белинского. - М.З.) о Пушкине" (II, 501). Или обосновывается значимость для критики "проницательности анализа и пламенной любви к истине" (II, 501). ее критерии и последовательность. Выводы Чернышевского соизмеримы с проблематикой и идеями пушкинского цикла Белинского.

Постепенно и в общем неуклонно, с векторной целенаправленностью (и в этом смысле статьи о Пушкине - связующее звено между первыми работами Чернышевского и "Очерками гоголевского периода русской литературы") все более отчетливо вырисовывается, набирает силу в историографических фрагментах и статьях Чернышевского теоретическое осознание основных параметров и программы критики в ближайшем будущем. Причем роль истории критики как материала и аргумента становится все значительнее, о чем непрерываемо свидетельствуют уникальные "Очерки" Чернышевского. Подчеркнем: уникальные и как труд по теории критики¹⁹, поскольку автор поставил перед собою задачу показать, какую должна быть критика, чтобы справиться со своим назначением, стать влиятельным слагаемым литературного процесса, содействовать развитию реалистического направления. Следует только уточнить: неверно полагать, будто *история критики* в теоретическом осмыслении вытесняет в "Очерках" *собственно теорию критики* с присущими ей проблемностью и масштабностью. Напротив, - такова одна из самых почетных сторон опыта Чернышевского, - без взаимодействия и "взаимоподдержки" этих двух форм теории его программный замысел вообще не мог быть осуществлен столь широко и основательно, обрести надежную определенность - вплоть до конкретных прогнозов.

Замысел Чернышевского был двуединым - изучить мнения критики о творчестве Гоголя, пути развития русской литературы и вместе с тем проследить эволюцию самой критики, выделить и теоретически осмыслить в ее наследии самое значительное и перспективное, отвечающее запросам нового периода. И если со столь масштабной задачей удалось совладать, то, думается, еще и потому, что суждения критиков берутся Чернышевским не "враздробь", а возводятся к их общим "понятиям об искусстве" (III, 36), причем к "системе понятий", к "системе убеждений" (III, 37), к "общему характеру критической деятельности" (III, 44), "принципам... критики." (III, 92). Отказ в отдельных случаях, например, применительно к статьям Шевырева, от такого подхода становится нескрываемо-негативной оценкой писаний критика.

У Чернышевского возникает возможность сосредоточиться и на конкретных суждениях, и на стоящих за ними эстетических критериях, а заодно - полемически интерпретировать то и другое сообразно своим конечным целям. В ряду критериев по логике изложения центральное место принадлежит художественности в ее соотношении с действительностью, способами создания характеров, с мерой их жизненной достоверности и убедительности. Не утрачивая самостоятельности, критерий художественности переходит в критерий правдивости. Однако как бы ни были важны для критики "научные понятия, служащие ей основанием" (III, 182), они только условные, предпосылка творческой деятельности, нуждающаяся в адекватном методе, в надежных принципах анализа произведения, соотношения его с действительностью и литературным процессом. Так и эта кардинальная проблема закономерно и все настоятельнее входит в программные разработки

Чернышевского. До обращения к Белинскому наиболее подробно и развернуто это показано при разборе статей Надеждина, а затем в итоговых, ориентированных и на современную критику характеристиках системы его воззрений, принципов (III, 163, 164, 177 и др.). Сошлемся хотя бы на выразительный перечень опорных категорий и исследовательских принципов, которыми Надеждин обогатил русскую критику. "Он первым начал строго и верно рассматривать, понята ли и прочувствована ли идея, выраженная в произведении, есть ли в нем художественное единство, выдержаны ли и верны ли человеческой природе, условиях времени и народности характеры действующих лиц, стекают ли подробности произведения из его идеи, естественно ли, по закону поэтической необходимости, развивается весь ход событий, воплощающих идею автора, из данных характеров и положений..." (III, 164).

Исследование наследия Белинского в "Очерках" - новая фаза в освоении опыта гениального предшественника Чернышевского, а также в фундаментальном совершенствовании приемов, способов самообоснования критики (именно это, а не сама по себе защита наследия Белинского была главной задачей "Очерков"). Восстановление в правах программных идей Белинского осуществляется Чернышевским в форме доказательства его закономерности для русской действительности, общественно-литературного движения, критики. Причем Чернышевский, не без некоторой условности, различает закономерность и конечных, наивысших творческих завоеваний и Белинского, и самого процесса эволюции, идейно-эстетического развития его. Чернышевский находит оптимальный, как бы само собой разумеющийся способ анализа и доказательства обеих закономерностей - исследование идейно-творческого пути Белинского в его динамике и творческих результатах, вершинных завоеваниях. В итоге оказывается, что формирование и обоснование критериев и принципов современной критики - опять-таки естественно и аргументированно - служат обе доминирующие линии в студиях Чернышевского, линии, которые как бы поддерживают и взаимобогащают друг друга.

Качественно новое содержание приобретает вообще-то не новые для "Очерков" параметры характеристики пути Белинского - параметры эстетических критериев, критического метода, в частности, соотношения эстетического и публицистического начал в статьях Белинского. С прямой ориентацией и на современность путь его в 40-х годах прежде всего обозначен Чернышевским такими словами: "Критика Белинского все более и более проникалась новыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием" (III, 226). Последовательность анализа и теоретико-методологической по своему пафосу характеристики статей Белинского - это в "Очерках" способ не только аргументации, но и демонстрации уроков великого критика, включения их в дело современной критики.

Конструктивным целям Чернышевского неизменно служила и полемика, во многом определяя и расстановку акцентов, и преимущественное внимание к определенным граням проблематики, и направленность выводов, и, разумеется, прямые оценки позиций инакомыслящих. Искусство теоретика и полемиста заключалось, в частности, в том, чтобы, не поддаваясь обстоятельствам

превходящим, второстепенным. целеустремленно формировать программу критической деятельности. Наиболее отчетливо это сказалось у Чернышевского в тех же "Очерках", особенно в последней главе, в большой мере посвященной опровержению первой части (вторая еще не была опубликована) манифеста А. Дружинина "Критика гоголевского периода русской литературы и наши в ней отношения". (Сопоставление принципов и способов обоснования критики Чернышевским и Дружининым, как, впрочем, и другими современниками, - специальная тема). Особенно значим стратегически дальновидный выбор Чернышевским основного объекта спора - истолкование природы и задач как литературы, так и критики в их единстве, а затем и специально критики. В самом деле, разве спор об эстетических критериях, то есть о закономерном, ценном и "противоестественном" в искусстве слова не обращен именно в эти два адреса? Или спор о критическом методе не является и спором о том, как понимать литературное творчество и как - сообразно с этим пониманием - подходить к произведению, соотносить его с жизнью - общественной и литературной? Критика предстает у Чернышевского - перефразируем знаменитое изречение - в качестве своеобразного продолжения литературы, и это подтверждает необходимость и органичность внутренних перемен в критике, закономерность динамики ее самообновления - в ответ на перемены в самом художественном творчестве.

Сперва полемика Чернышевского с Дружининым ведется по-прежнему на материале истории критики, в связи с концепцией мировоззрения и творчества Белинского, поскольку именно этот круг вопросов составлял костяк статьи последнего и служил плацдармом для всех его эстетических и литературных построений. Но затем Чернышевский выходит за пределы этой тематики, выделяя для развернутого специального обсуждения проблему "искусство для искусства" - и опять-таки "в два адреса". Прием, который позволяет и на этот раз превратить спор с Дружининым в обоснование передовой критики с присущими ей воззрениями на суть искусства и творческого процесса, понятиями о художественности, поэзии, роли мысли в искусстве, соотношении искусства с общественно-литературным движением.

В результате обогащаются и изоцируются понятийный инструмент критики, система ее критериев, больше того - сам тип отношения к литературе и действительности. И не столько важны отдельные "формулы" Чернышевского, сколько утверждавшееся им само направление и главные ориентиры творческих поисков критики переломных шестидесятых годов.

Динамизм и конкретность творческой мысли, целесообразная смена объектов преимущественного внимания, гибкость тактики и последовательность стратегии, многообразие жанров, способов, приемов, убедительность анализов и обобщений - без претейзий на непогрешимость, реальная действенность творческого примера, идей, прогнозов - вот что прежде всего отличает опыт Чернышевского в обосновании литературной критики. И если наша попытка присмотреться к этому опыту привнесет нечто важное в оценку наследия и исторической роли Чернышевского, будем считать задачей этой статьи выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Характер темы сделал практически неизбежными и некоторые повторения уже высказанных в литературе вопроса, в том числе и автором этих строк.

наблюдений и выводов. Но, думается, стоит и на это пойти ради конечной цели, о которой сказано выше.

² Подробно в кн.: *Зельдович М.Г.* В поисках закономерностей: О литературной критике и путях ее изучения. Харьков, 1989

³ Уместно в этой связи заметить, что функция идеологических явлений шире, емче и не всегда и не во всем совпадает с сознательно заданной целью, "теологией", либо вовсе не задана, не предустановлена /ср.: *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1968. С.192-193/. В частности, функционирование литературной критики обнаруживает себя и в программности, хотя последняя далеко не всегда целеустремленно предполагается самим автором, в особенности, как самообоснование критики. Интересные и нетривиальные наблюдения над природой литературоведческого знания см.: *Мани Ю.* Диалектика художественного образа. М., 1987. С.305-318.

⁴ См.: *Зельдович М.Г.* Чернышевский и современные вопросы теории критики // *Н.Г.Чернышевский.* Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1978. Вып.8. С.195.

⁵ *Бурсов Б.* Мастерство Чернышевского - критика. Л., 1956. С.125 В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте с указанием страницы.

⁶ См.: *Егоров Б.* О мастерстве литературной критики: Жанры, композиция, стиль. Л.: 1980.

⁷ Обобщая наблюдения над процессом идейно-художественного анализа в критике Чернышевского, Б.Бурсов пишет: "Начинается он с определения своеобразия таланта писателя; следующий шаг - выяснение структуры его индивидуального художественного метода, характера соотношения между формой и содержанием; потом - переход к писательскому мастерству" /С.134/. Такова общая логическая схема на практике многообразно варьируемая.

⁸ О некоторых общих проблемах критики поэзии в ситуации эпохи Чернышевского см.: *Зельдович М.Г.* Страницы истории русской литературной критики. Харьков, 1984. С.96-149.

⁹ Ссылки даются в тексте на издание: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16т. М.: Гослитиздат, 1939-1953. - причем римской цифрой в тексте обозначается том, арабской - страница.

¹⁰ См.: *Салиев А.* Жизнь - в стихах. Фрунзе: Изд-во АН УССР, 1962. С.96-113.

¹¹ См.: *Руднева Е.Г.* Пафос художественного произведения: Из истории проблемы. Изд-во Московск. ун-та, 1977.

¹² См., в частности: *Путинцев В.А., Н.П.Огарев.* Жизнь, мировоззрение, творчество. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Сысоева Н.П., Н.П.Огарев* и русская критика // Проблемы русской поэзии, критики, драматургии XIX в. Куйбышев, 1978.

¹³ См.: *Соловьев Г.* Эстетические воззрения Чернышевского. М., 1978; *Зельдович М.Г.* Чернышевский и проблемы критики. Харьков, 1968; *Фрилендер Г.* Литература в движении времени. М.; 1983.

¹⁴ Новые материалы о диссертации Чернышевского. Вводная статья Н.Ф.Бельчикова // *Красный архив*, 1938, №6 /91/, С.280; *Демченко А.А.* Н.Г.Чернышевский: Научная биография. Часть вторая. Изд-во Сарат. ун-та, 1984. С.40-42.

¹⁵ Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951 С.95.

¹⁶ *Бибиков П.* "Эстетические отношения..." Изд. 2-е // *Книжный вестник*, 1865. №9. С.183. См. также: *Зотов В.* Странное мнение о современной русской

литературе // Отечествен. записки. 1855. №10. Отд. IУ. С.105; *Его же*. Деятельность русской журналистики за первую треть 1856 года // Пантеон. 1856. Кн. III. От. ХП.С.9.

¹⁷ См.: *Бурсов Б.* Мастерство Чернышевского-критика: Зельдович М.Г. Чернышевский и проблемы критики; *Его же*. Незвестный отклик на статью Н.Г.Чернышевского "Об искренности в критике" // Н.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Саратов. ун-та, 1971. Вып.6.

¹⁸ См.: *Мотольская Д.К.* Работа Н.Г.Чернышевского над анненскими материалами для биографии А.С.Пушкина // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 245, 1963; *Зельдович М.Г.* Статьи Н.Г.Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов // В.Г.Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Саратов. ун-та. 1965. Вып.4; *Макаровская Г.В.* Пушкин в оценке Чернышевского: Проблемы историзма в литературно-критической концепции Чернышевского середины 50-х годов. // Там же. Вып.8. 1978.

¹⁹ См.: *Жук А.А.* "Очерки гоголевского периода русской литературы" и общественно-литературное движение середины XIX века // Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. М.: Худож. лит., 1984; *Зельдович М.Г.* Чернышевский и проблемы критики.

О.Я. Гусакова

ДВЕ СТАТЬИ О В.А.ЖУКОВСКОМ Н.Г.Чернышевский и Н.А.Полевой

Рецензия Н.Г.Чернышевского на четыре дополнительные тома пятого издания сочинений В.А.Жуковского относится к 1857 году и вместе с другими рецензиями и отзывами на издания русских писателей 1854-1857гг. служит довольно разносторонним источником для выяснения позиции Чернышевского как историка литературы.

Известно, что именно в 50-е годы складывается историко-литературная концепция критика, основанная на системе эстетических воззрений, предусматривающих определяющую роль содержания в художественном произведении. Но ясно также и то, что тезис о приоритете содержания, являясь, несомненно, чрезвычайно важным, все же не исчерпывает всей концепции Чернышевского.

В работах Чернышевского этого периода отчетливо виден острый интерес к проблеме личности.

В 1855 году Чернышевский, с энтузиазмом встретивший издание П.В.Анненковым "Материалов для биографии Александра Сергеевича Пушкина", приветствовал его словами: "Это первый труд, который надлежащим образом удовлетворяет столь сильно развившемуся в последнее время стремлению русской публики познакомиться с личностями деятелей русской литературы и образованности"¹. Там же Чернышевский свидетельствовал, что потребность эта уже вызвала довольно много монографий, отличающихся основательностью и подробностью библиографических и биографических исследований. В начале 50-х годов вышла целая серия работ о современниках А.С.Пушкина: Аксаков С.Г. Записки. Биографический очерк. (1853); Гаевский В.П. Дельвиг. (1855);

Гачахов А. Материалы для определения литературной деятельности Жуковского (1853); Бунаков Н. Батюшков. Критико-биографический очерк. (1855); Кулиш П.А. Опыт биографии Н.В.Гоголя. (1854). Опыт биографического исследования был предпринят и самим Чернышевским, целью которого было рассказать о жизни А.С.Пушкина по существующим печатным материалам, при этом составитель, по его собственному признанию, отдавал предпочтение "фактам, рельефно представляющим грудоподобную, благородную и могучую личность" поэта (III.310).

Многие рецензии Чернышевского 1855-1857гг. обращены к личности писателя, к его внутреннему миру. Его оценки литературных произведений в этот период во многом определяются теми нравственными переживаниями, которые вызывают эти произведения. Так, очевидно, что восторженный отклик Чернышевского на книгу стихотворений Н.Огарева (М., 1856) был вызван особым чувством теплоты, которое испытывал критик к поэту за стихотворение "Старый дом". Обвиняя критику и публику в устойчивом крайне сдержанном отношении к Огареву², Чернышевский, со своей стороны, отмечает высокое нравственное начало его поэзии и потому оставляет за ним право занимать одну из самых "блестящих и чистых страниц" в истории нашей литературы.

В другом месте находим размышления критика о способности Л.Толстого к глубокому и тонкому психологическому анализу. В этом особом даре писателя Чернышевский видел доказательство внимательного изучения автором "Детства и отрочества" "тайны жизни человеческого духа в самом себе". Знание человеческого сердца Чернышевский называл драгоценным качеством в таланте, едва ли не самым прочным правом на славу истинно замечательного писателя. Талант же Толстого, на его взгляд, преисполнен чистотой нравственной идеи, сообщающей его произведениям "чрезвычайно замечательную свежесть". Эта чистота в одно и то же время есть совершенное достоинство писателя и отличительная особенность духа времени. "Никогда, - читаем у Чернышевского, - общественная нравственность не достигала такого высокого уровня, как в наше благородное и прекрасное время, несмотря на все остатки ветхой грязи, потому что все силы напрягает оно, чтобы омыться и очиститься от наследных грехов. И литература нашего времени, во всех замечательных своих произведениях, без исключения, есть благородное проявление чистейшего нравственного чувства" (II.40).

В рецензии на стихотворения Н.Щербины (1857) Чернышевский занят мыслями о необходимости нравственного усилия художника над самим собой: "(От поэта) можно требовать только того, чтоб он старался развить себя, как человека. Это развитие человека в поэте составляет великое преимущество Н.Щербины перед многими: он не может не быть гуманен, не может не сочувствовать живым вопросам современности" (II.63).

Интерес Чернышевского к проблеме личности в 50-е годы, с одной стороны, был реализацией и требованием времени, с другой, работая над статьями о Пушкине и "Очерками гоголевского периода русской литературы", он настолько основательно изучил журналы 30-х годов, что не мог не отметить сосредоточенности вегетической и нравственно-философской концепции лучшего из журналов - журнала Н.Полевого - на проблеме личности. Не мог не увлечься тем энтузиазмом, с каким Полевой пропагандировал культ романтической личности на страницах "Московского телеграфа".

Не лишним будет напомнить и о том, что в этот же период Чернышевский с особой страстностью отстаивает очевидность постепенного хода развития русской литературы ("Нет нигде перерыва или пробела, всякий новый шаг вперед основывается на предыдущем" - II.248).

Рецензируя в 1855 году новое издание стихотворений П.Козлова, критик довольно зло высмеивает неких "трудолюбивых собирателей библиографических данных", имеющих неосторожность сказать, что история русской литературы с Ломоносова до Пушкина являет собою "предмет новый, не объясненный никем ... не исследованный основательно"; что "все прежние суждения о достоинствах наших писателей, о значении их сочинений, о ходе развития нашей литературы - поверхностны и ошибочны".

Чернышевскому, ясно осознающему, как много остается еще сделать русским писателям "для удовлетворения нуждам настоящего", всякая трата времени и мыслей на переделку того, что уже сделано предшественниками, представлялась движением назад, бессмысленным топтанием на месте.

Тридцать с лишним лет назад было обращено внимание на то, что Чернышевский, упрекая современных историков литературы, не сумевших сказать нового слова в науке и не знавших тех, кто до них трудился в области истории литературы, в значительной мере снижает значение "открытий", которые в изобилии делались в начале 50-х годов. В числе же предшественников самого критика называются не только Белинский и Надеждин, но и Полевой³. Выводы, сделанные исследователем на основе анализа статей и рецензий Чернышевского 1853-1854 гг., были восприняты литературной наукой, но практически этот вопрос остается мало разработанным до сих пор.

Между тем представляется, что связи Чернышевского с Полевым гораздо более ощутимы, чем принято думать. С этой точки зрения, любопытно прочтение статей двух критиков о В.А. Жуковском.

Сам тон статьи Чернышевского "Сочинения В. Жуковского" (1857), ее композиция возвращают читателя к статье Полевого "Баллады и повести В.А. Жуковского" (1831). Некоторые рассуждения Чернышевского можно рассматривать как "ответ" Полевому. Так, в самом начале статьи Чернышевский, отметив, что художественное и историческое значение произведений Жуковского давно определено⁴, обещает сказать о двух других не менее важных и мало исследованных сторонах его деятельности. О первой стороне критик говорит определенно и ясно, однако остается загадкой, о какой второй стороне идет речь. Пропущенная в печатном тексте фраза восстановлена и приводится в комментариях ко 2-му тому издания "Литературной критики" Н.Г. Чернышевского (1981): "Вторая сторона, еще гораздо более многозначительная, - характер его, как воспитателя ныне благополучно царствующего государя императора⁵. Изложение этой последней, самой важной деятельности Жуковского принадлежит еще будущей истории" (II,289). Этой стороны деятельности Жуковского касался и Полевой, желавший видеть в писателе достойного воспитателя наследника престола: "Да и бог, чтобы он (Жуковский) прожил еще долго для чести отчизны, для того великого дела, которое взял он на себя перед лицом отечества, дав обещание способствовать воспитанию будущего царя России, царя наших детей, залога будущего благоденствия отчизны в грядущих поколениях"⁶. Как видим, Полевой верил и хотел надеяться, что у Жуковского хватит сил надлежащим образом исполнить возложенные на него обязанности. Чернышевский же через двадцать с лишним лет засвидетельствовал значительность успешной деятельности государя.

Размышления Чернышевского о роли Жуковского как воспитателя царя в его статье никакого самостоятельного значения не имеют (по ним неясно даже, как именно - положительно или отрицательно - оценивает он эту сторону деятельности писателя, и, напротив, совершенно ясно, что давать подобные оценки он считает делом преждевременным), и это могло стать одной из причин исключения из текста указанного фрагмента самим Чернышевским и дает основание для предположения, что вообще речь об этом заходит здесь оттого, что критик к моменту написания своей статьи еще находился под впечатлением от прочитанного у Полевого.

Но есть и более веское обстоятельство, позволяющее считать правомерным сопоставительный идейный анализ статей Полевого и Чернышевского. В 1839 году в рецензии на "Очерки русской литературы" Н. Полевого Белинский назвал его статью о Державине, Жуковском и Пушкине лучшим из того, что было прежде написано об этих писателях¹. И если уж Белинский указывал на Полевого как на своего предшественника, с которым, по его мнению, нельзя было не считаться, Чернышевский не мог оставить без внимания одну из программных статей "Телеграфа".

В своей статье Полевой собирается рассмотреть Жуковского вполне как литератора русского, "предречь ему беспристрастным суждением голос будущего". Вместе с тем, пытаясь определить место, Жуковского на русском Парнасе, Полевой апеллирует такими понятиями, которые характеризуют Жуковского как личность, и в результате возникает некий безраздельный образ поэта-человека.

Для Полевого Жуковский - поэт. И в этом он видит его отличие от предшественников - Ломоносова ("собственно учебного") и Карамзина ("литератора") - и место его в истории русской литературы. Но направление поэзии Жуковского критик в полной мере определяет его особой внутренней настроенностью: "Тихий, кроткий, задумчивый характер, светлая душа, нежное сердце влекли его в уединение, и он решился поевятить себя дружбе, семейной жизни и уединенной беседе с музами". Возвращаясь к началу литературной деятельности поэта, Полевой пишет: "Душе Жуковского не могло нравиться тогдашнее литературное направление. ... Душа его была глубоко проникнута унынием, таинственною тоскою души, грустью", которая ... от земли подымается к небу, возбуждает в душе непонятно ей самой стремление в могилу, как в отчизну родному. Эта грусть по небу подобна швейцарской тоске по родине" (203, 204).

Полевой сумел первым разглядеть особую природу грусти, владившей Жуковским, и призывал не путать ее с той щегольской меланхолией, которая одушевляла тогда многих.

Критик несколько не сомневается, что именно "совершенное недовольство собою, миром, людьми; молитва сердца любящего и утомленного борьбой; стремление к груди о прошедшем, к безнадежной унылости в будущем; нежная, сострадательная дружба к скорби ближнего; мысль возвести в идеалы ужасы кладбища и смерти" явились основанием поэзии Жуковского.

Лучшим из всего написанного Полевой считал "собственные песни" Жуковского: "К Филалету" (1808), "Вечер" (1806), "К Нине" (1808). "И здесь, писал он, - заключены вся его поэзия, вся его душа, вся жизнь. Все остальное в его поэзии есть только дополнение к сим преносходным созданиям" (213).

Считая стремление Жуковского к идеалу неземных чувств односторонней идеей его произведений, Полевой предостерегает, может быть, не только

настоящих, но и будущих критиков от желания видеть в этом стремлении "младенчество души".

Односторонность идеи в творениях Жуковского удивляет Полевого, и в то же время он полагает, что ее было достаточно не только на жизнь человека, на то, чтобы "певца, ею вдохновенного, поставить на высокую чреду поэзии и жизни", но ее оказалось достаточно для того, чтобы "сердца современников сильно отозвались на нее".

Стремясь сохранить для потомства прекрасные черты души, дополняющие изображение Жуковского как человека и поэта, Полевой напоминает о нем как о неизменном друге Батюшкова, хранителе "благоговения к дарованиям" Карамзина, как о первом из современников, кто с любовью встретил и приветствовал "юное дарование" Пушкина, наконец, как о воспитателе будущего царя России.

Чернышевского о Жуковский интересует как "человек с данным настроением души и образом мыслей", оказавший сильное влияние на характер произведений некоторых замечательных писателей, находившихся с ним в тесной дружбе, особенно на Пушкина и Гоголя в последние годы их жизни. Четыре дополнительных тома, изданные по высочайшему повелению, представляли Чернышевскому довольно многочисленные, хотя, конечно, далеко еще не полные, материалы для точного определения этой стороны его исторической деятельности.

Коротко остановившись на содержании десятого тома, куда вошли поэтические произведения Жуковского, Чернышевский обращается к неизвестному ранее отрывку поэмы "Агасфер, вечный жид". Выбор критика во многом определен художественно-религиозными достоинствами отрывка: "Дух поэмы - высоко христианский, неполненный смирения перед путями правосудно карающего провидения, непостижимыми гордому уму, но постигаемыми во всей благоворности своей сердцу, смиренному страданием и просветленному поучением христианским" (II, 81).

Еще в большей степени идей высокого христианского смирения, по мнению Чернышевского, проникнуты материалы одиннадцатого тома: статьи, размышления и замечания, краткие душевные мысли, занимавшие ум и сердце Жуковского.

Внутреннюю настроенность к божественному и небесному и имел в виду Чернышевский, говоря о Жуковском как о человеке "с данным настроением души". И здесь мы видим, как близко подошли друг к другу Полевой и Чернышевский. Не то, что для одного явилось итогом суждений, другому послужило основанием для новых догадок.

Заостренность рецензии Чернышевского на выявлении принципов религиозного благочестия и христианской любви в мирозерцании Жуковского объясняется той ролью, которую, по мнению критика, он (Жуковский) играл в формировании созерцательно-христианской настроенности Гоголя. Этим объясняется и отбор анализируемых Чернышевским текстов, куда относятся и три письма Жуковского к Гоголю, которые проникнуты тем же духом христианского прозорливого благочестия. В том же смысле его интересовало и будущее издание биографии и корреспонденции Жуковского.

После краткого анализа писем, опубликованных в издании, Чернышевский приходит к заключению: "Нет никакого сомнения, что беседы, письма и советы Жуковского, который был ближайшим к Гоголю человеком в долгие годы

проведенные за границу. - Жуковского. мнения и советы которого Гоголь высоко ценил уже и потому, что Жуковский был посредником между ним и высшими сферами жизни, и потому, что Жуковский заслуженно пользовался высоким уважением от всех, чьими чувствами дорожил Гоголь, и потому, наконец, что Жуковский был образованнее его, - нет никакого сомнения в том, что беседы, письма и советы Жуковского имели очень сильное участие в развитии созерцательно-христианского направления, которому предается Гоголь" (II,87). С целью закрепления этой мысли Чернышевский обращается и к выяснению общественной позиции Жуковского. Считая поэтический источник в этом случае довольно односторонним, обобщающим и идеализирующим воззрения, критик обращается к статьям, которые на его взгляд прямо знакомят с образом мыслей поэта: "О смертной казни", "Иосиф Радовитц, биографический очерк", "Письмо к графу Ш. о происшествии 1848 года".

Доказательства близости статей двух литераторов будут неполными, если не ответить на вопрос, было ли в статье Полевого сказано о Жуковском что-то такое, что могло бы определить и направление размышлений Чернышевского относительно влияния писателя на Гоголя (при этом речь, конечно, не идет об умалении значения самостоятельных наблюдений критика). Дело в том, что Полевой первым, имея в виду безотчетность поэта в стремлении к идеалу чувств, высказался о том, что "на земле только высочайший фанатизм и высокое сумасшествие могут выразить и то одну темную сторону . . . идеала неземных чувств!" (205). Позднее мысли о невозможности реализации такого идеала нашли свое художественное воплощение в повестях Полевого "Блаженство безумия" и "Эмма" (1834). К подобным итоговым суждениям приходит и Чернышевский.

Для Чернышевского Жуковский был идеалистом, но "отличался умеренностью характера, не допускавшего его ни до каких крайностей". И как свидетельство того, что идеализм и возвышенность чувств не мешали практической основательности Жуковского, Чернышевский и приводит его статью "О смертной казни". Гоголь же, по мнению критика, по натуре своей был эстезиаст, не отступавший ни перед чем в эпоху увлечения, насильно подчиняющий себя правилам смирения. Им владел дух ослепленного аскетизма, нравственного изнеможения. "Тогда как Жуковский, - замечает Полевой, - воссоздал идеал неземных чувств в душе своей". "И он, - как бы добавляет Чернышевский, - не мешал практической жизни".

Сам Полевой, столь хорошо осознающий опасность увлечения идеальным самосовершенствованием, мог быть, с точки зрения Чернышевского, спасением для Гоголя. Однако "мнение петербургского литературного кружка, в котором жил Гоголь, воспринимало сближение его с другими тогдашними литераторами, которые одни могли бы иметь полезное влияние на его умственное развитие.." (II,184).

Вопрос об отношении Чернышевского к Полевому представляет определенную трудность для его разрешения за недостатком прямых указаний на знакомство Чернышевского с той или иной публикацией Полевого. Но очевидно, что сам Полевой периода "Московского телеграфа", нравственно-философская концепция его журнала (в особенности сосредоточенность этой концепции на проблеме личности) были интересны критику и занимали особое место в развитии его собственной историко-литературной концепции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Чернышевский Н.Г.* Литературная критика: В 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1, С. 129-130. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием римскими цифрами тома и арабскими - страницы.

² Впрочем, Чернышевский готов признать, что, быть может, та и другая правы со своей точки зрения.

³ *Мотольская Д.К.* Вопросы истории литературы в рецензиях Чернышевского 1853-1854гг. //Учен. зап. ЛГПИ им.А.И.Герцена. 1957. Т. 134.

⁴ На вопрос, кем определено историческое значение произведений Жуковского, в комментариях находим имя одного Белинского, как будто не сам же Белинский отмечал значимость работы Полевого о писателе и не она заставила критика всерьез полемизировать с Полевым в "Литературных мечтаниях".

⁵ Александр II.

⁶ *Полевой Н.А., Полевой К.* Литературная критика. Л., 1990. С. 194. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁷ *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 2. С. 246.

Л.И.Черемиснинова

А.А.ФЕТ - КРИТИК Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Прозанческое наследие А.А.Фета, довольно объемное и разнообразное в жанровом отношении, на сегодняшний день остается почти не изученной сферой его творчества. Не является исключением и литературно-эстетическая проза поэта, несмотря на внимание многих серьезных исследователей к проблемам фетовской эстетики¹. Это объясняется прежде всего отсутствием научного издания полного собрания сочинения А.Фета, критики - в том числе. Статьи об искусстве разбросаны по разным источникам². Из четырех, публиковавшихся в 50-60-е годы XIX века, в настоящее время переиздана только одна, "О стихотворениях Тютчева"³. Две работы, не увидевшие свет при жизни поэта, напечатаны "Литературным наследием"⁴. Это статьи о романах Н.Г.Чернышевского "Что делать?" и Л.Н.Толстого "Анна Каренина". Участие в статье о Чернышевском В.П.Боткина предполагает решение проблемы авторства. Необходимо также рассмотреть судьбу статьи и основные вопросы полемики Фета с Чернышевским.

Статья "Что делать? Из рассказов о новых людях". Роман Н.Г. Чернышевского" была написана летом 1863г., вскоре после появления в "Современнике" нашумевшего произведения писателя-демократа. О ее судьбе Фет рассказывает в книге своих воспоминаний: "Зашли мы с Боткиным как-то к Каткову, и, конечно, разговор кончился по поводу Польского восстания и вообще того разлагающего элемента, который наши враги так обильно вливали в нашу жизнь, чему блистательным образчиком мог служить произведший такое впечатление роман Чернышевского "Что делать?". Мы с Катковым не могли прийти в себя от недоумения и не знали только, чему удивляться более: цинической ли нелепости всего романа или явному сообщничеству существующей цензуры с проповедью двоеженства, фальшивых паспортов, преднамеренной проповеди атеизма и анархии со стороны духовного законоучителя, которому такая пропаганда в

каченных заведениях тем сподручнее, что он профессор и цит. Катков просил меня написать рецензию на "Что делать?"; а Боткин, собиравшийся в Степановку, обещал свое сотрудничество в этом деле"⁵.

Встреча, о которой повествует Фет, состоялась в мае 1863г. В конце этого месяца он вернулся из Москвы в свою Степановку (Орловской губернии), а в начале июня к нему приехал погостить В.П.Боткин. "Во исполнение просьбы Каткова, - пишет Фет, - я тогда же принялся за разбор романа "Что делать?". А Боткин, между прочим, иллюстрировал мой разбор коммунистическими эпизодами парижской жизни, конх был в 1848 году свидетелем"⁶.

На основании этого признания авторами данной статьи справедливо принято считать А.А.Фета и В.П.Боткина, что тем не менее не решает вполне проблему авторства. Первая атрибуция интересующей нас работы А.А.Фета была проведена ее публикаторами Ю.Стекловым (автор вступительной статьи) и Г.Волковым (составитель примечаний). Опираясь на воспоминания А.А.Фета, они восстановили (правда, пунктирно, насколько позволил имеющийся фактический материал) историю создания статьи о романе Чернышевского "Что делать?", ее судьбу и авторство. Для точной атрибуции необходимо проведение дальнейших текстологических исследований. Выявление в ней "фетовского" и "боткинского" начал, на первый взгляд, не представляет особой сложности, тем не менее требует доказательств.

В.П.Боткину обычно приписывают третью, последнюю часть статьи. Так, по мнению Ю.Стеклова, основной ствол исследования о Чернышевском принадлежит Фету (1 и 2 главы); к нему "искусственно" присоединена третья глава, "боткинская", что обвиняет "слабость архитектоники" сочинения в целом и является одной из причин, по которой его не опубликовали в "Русском вестнике". "Боткин, - пишет Ю.Стеклов, - должен был своей западной "ученостью" подкрепить беспомощное офицерское бормотание плангатора Фета и дискредитировать социальные утопии в самом их источнике". "Заключительная часть статьи, - вторит ему Г.Волков, - с критикой социалистических идей Чернышевского и его западного предшественника Фурье, по-видимому, целиком написана Фетом со слов Боткина"⁸.

Данное положение является весьма приблизительным и спорным. Перу В.П.Боткина принадлежит не вся третья глава, а ее центральная часть. Она специально обособлена Фетом, ибо и в содержательном, и в стилистическом отношении "выбивается" из общего текста. Вероятно, в рукописи этот фрагмент был выделен графически, что повлекло его типографское выделение отчеркивающей линией.

Поставив перед собой задачу "вывести несомненные положения доктрины из романа "Что делать?" с помощью самого романа"⁹ Фет последовательно и неуклонно выполнял ее, подробно пересказывая содержание произведения и акцентировав внимание на основных "положениях доктрины" Чернышевского. По окончании "разбора" он как бы перекинул мостик в "боткинскую" часть текста: "Передав содержание романа, мы хотим показать, в какой мере самобытны и новы (разрядка принадлежит А.А.Фету - Л.Ч.) доктрины, послужившие ему краеугольными камнями. Для наглядного доказательства, что эта прекрасная вера (доктрина) *bonne foides Nouveautees* несколько не новость, а старая жвачка, за совершенной нег одностью всюду с презрением выброшенного тряпца предлагаем вкратце историю этого учения и печальную судьбу его во Франции" (С.525).

Далее идет обзор последствий французской революции, рассказ о судьбе порожденных ею социальных утопий. Автор этого обзора - В.П.Боткин. Окончание указанного фрагмента выделено графическим отчерком, за которым следует фетовский текст. "Связующий" абзац перекликается с аналогичным, предшествующим боткинской части статьи: "Изложив главнейшие основания и печальную судьбу этих доктрин в одной Франции, так как в других европейских государствах роль их была более чем ничтожна, мы невольно приходим к вопросу, какое существенное приложение может вся эта галлюцинация найти в нашем отечестве?" (С.531). Затем Фет в свойственной ему публицистической манере (парадоксальной, несколько вызывающей, эпатирующей) доказывает неслепоту попытки реализации социально-утопических идей Ш.Фурье в условиях сессии. Вот пример: "Крикните у нас кому хотите: пойдем в фаланстер уплачивать английский долг курными яйцами. - всякий захочет" (С.532) и т.п.

Таким образом, большая часть третьей главы из статьи о романе Н.Г.Чернышевского "Что делать?" написана Фетом. Ее первая половина (С.517-526) является продолжением аналитического пересказа романа, которому посвящена фактически вся вторая глава. Боткинская часть (С.526-531) раскрывает истоки доктрины Чернышевского, сущность и судьбу социально-утопических воззрений во Франции. Далее следует фетовское размышление о несообразности этих учений на русской почве, подведение итогов анализа романа (С.531-532).

Не до конца ясна судьба интересующей нас статьи. Известно, что не позднее 8 августа 1863г. (ст. стиля) В.П.Боткин передал ее заказчику, М.Н.Каткову, о чем сообщил Фету в письме¹⁰. Однако в печати она не появилась. "Сначала Катков горячо благодарил за статью о Чернышевском, - писал Боткин Фету 21 августа 1863г., - но потом как-то охладел, а Леонтьев хныкает о том, что она очень велика"¹¹.

Объем статьи действительно превышал обычные для книжной рецензии размеры. Он составлял около четырех печатных листов. Работа перегружена обильным цитированием из романа Чернышевского, однако такая позиция была принципиально важна для поэта: "...оговоримся, почему мы, насколько было возможно, передавали содержание романа словами самого автора. Во-первых, мы решительно и смиренно уступаем автору пальму своего рода искусства, которым он без всякой неуместности и а г л о с т и, впряме гордится. Никто не сумеет при усиленной желании выразить серьезные и высоко поучительные истины - писать такие уморительные вещи. А во-вторых, передавая содержание своими словами, мы рисковали услышать возражение: "Он этого не говорит". Теперь такая отговорка невозможна, потому что все сокращено, ни одна йота текста не изменена" (С.523). Итак, желание быть как можно ближе к тексту оригинала обуславливалось, с одной стороны, спецификой эпохи (дабы не быть уличенным в искажении мыслей оппонента), с другой - своеобразием "таланта" Чернышевского, который, по мнению Фета, подобно унтер-офицерской жене, сам себя высек.

С точки зрения Ю.Стеклова, причина, по которой Катков не напечатал статью в "Русском Вестнике", - не только в ее многословности и растянутости: "... избытки цитатами из запретного романа, статья способна была дать агитационный материал вовсе не тем элементам, для которых она предназначалась"¹².

Так или иначе, в течение двух лет статья о романе Чернышевского "Что делать?" пролежала в редакции "Русского вестника". Все это время Фет и его окружение ждали ее публикации. С.В.Энгельгардт пыталась объяснить дрящуюся отсрочку то конъюнктурными соображениями редакторов¹³, то непрофессионализмом Н.А.Любимова, который возглавлял литературный отдел и, по выражению Софьи Владимировны, будучи физиком, обращался "со статьями и повестями, как с химическими препаратами"¹⁴. Видимо, Фет долгое время так и оставался в неведении по поводу судьбы своего детища.

Характерно, что в эти годы М.Н.Катков опубликовал три очерка поэта "Из деревни"¹⁵, в которых излагается фетовская концепция преобразования русской деревни, концепция, подкрепленная его собственной фермерской практикой. Многие идеи этих очерков перекликаются с основными положениями статьи "Что делать? Из рассказов о новых людях". Так, например, в них проводится мысль о невозможности общинного ведения хозяйства в условиях пореформенной России; о развитии частного предпринимательства, о несовместимости утопических иллюзий Фурье с реалиями русской жизни, о "тенденциозности" в искусстве, о сущности и пользе истинного искусства и т.д. Что касается литературно-критических статей А.Фета, то их Катков упорно замалчивал. Так было со статьями о романах Л.Н.Толстого.

В начале 1866г. Фет с помощью Богкина получил рукопись обратно, переработал ее, подготовив к публикации в новых условиях. Характеризуя причину умолчания статьи в 1863г., он писал: "В период его (романа "Что делать?" - Л.Ч.) появления условия нашей гласности были до того стеснительны, что, исключая почти всякую возможность прямых и ясных указаний на явления, развивали только в известном кругу писателей искусство говорить шифрованной азбукой, от которой незатейливый ключ находился в руках всякого - кроме цензора. В настоящее время цензор сошел в ряды простых смертных - и виртуозность на языке глухонемых и умеющих, уступая место общепонятному слову, сошла со сцены. Перед нами полная возможность говорить и о романе, и о целом направлении, которого он является ярким и единственно конкретным представителем" (С.486). Таким образом, в ряду причин, по которым статья не была напечатана "по горячим следам"; появилась еще одна, названная Фетом, - цензурные ограничения.

Надежды на опубликование ее не оправдались и на этот раз. Фет и Богкин намеревались увидеть ее в журнале С.С.Дудышкина "Отечественные записки". Стоит несколько задержаться на этом факте и устранить одну неточность, которая вкралась в литературоведение с легкой руки, по-видимому, А.Фета.

В письме В.П.Богкина, адресованном А.А.Фету, от 10 февраля 1866 г. есть такая фраза: "Наконец получил твою статью от Каткова и вчера отдал ее Дудышкину (редактору "Библиотеки для чтения"). какой будет ответ от него - сообщу"¹⁶. Внесенное в скобки пояснение "редактору "Библиотеки для чтения", по всей вероятности, принадлежит А.Фету - первому публикатору богкинских писем. Известно (это установлено Б.Я.Бухштабом), что, включая письма своих корреспондентов - Богкина, Толстого, Тургенева и др. - в книгу "Мои воспоминания", А.Фет допускал много неточностей. Одной из них, по-видимому, является данное пояснение.

Дело в том, что Степан Семенович Дудышкин был ведущим сотрудником журнала "Отечественные записки" на протяжении двадцати лет (1847-1866гг.).

А с осени 1960г. он стал его редактором и возглавлял журнал до самой смерти (16 сентября 1866г.)¹⁷. Журнал "Библиотека для чтения", с 1863г. возглавлявшийся П.Д.Боборыки-ным, существовал до 1865 года. Последний его номер - за апрель 1865 г. - вышел в свет в июне. В этом номере была напечатана статья Н.И. Страхова "Счастливые люди", посвященная роману Н.Г.Чернышевского¹⁸.

Следовательно, статья В.П.Боткина и А.А.Фета о романе Чернышевского предзнаначалась для публикации в "Отечественных записках". Однако С.С.Дудышкин отказался печатать ее в своем журнале. Его аргументация приведена Боткиным в письме к Фету от 10 марта 1866г.: "Дудышкин возвратил мне статью твою о романе "Что делать?". Он не может напечатать ее. Во-первых, потому, что очень много там выписок из романа, которые потому и лишни, что смысл романа и без того для всех обнаружился. А потом для всех ясно, к чему повело учреждение так называемых "общих комнат", женских мастерских и "новых людей", действовавших заодно с поляками. Словом, тенденция романа есть тенденция "Панургова стада", а сам Чернышевский был одним из пастухов его. Статья в той форме, как она написана, могла бы быть помещена тотчас по выходе романа, но не теперь. Теперь все это износилось, опошлилось не для одних здравомыслящих"¹⁹.

Итак, в 1863г. статья была слишком "горяча", злободневна, так что лучше было ее вовсе не публиковать; а в 1866г. она стала не актуальна. И в том и в другом случае редакторам мешал ее большой объем, образовавшийся вследствие обильного цитирования романа.

Статья "Что делать?" Из рассказов о новых людях" раскрывает эстетические и социальные взгляды А.А.Фета в 60-е годы XIXвека. В жанровом отношении она занимает некое промежуточное положение между литературно-критической статьёй и публицистической. Несмотря на накал политических страстей в 60-е годы, Фету не свойственно было "смешивать два эти ремесла". Подобно тому, как в его лирике не было места для "будничной жизни", его критика не отдавалась на откуп злобе дня, не вмешивалась в политику.

Статья о Чернышевском является в этом смысле исключением. Дело в том, что Фет не воспринял роман "Что делать?" как произведение искусства. По его мнению, это зашифрованное изложение социалистической доктрины, чрезвычайно наивное и в то же время опасное. Механизм его воздействия на общество поэт изложил в форме аполога: "Теленок не хочет идти с привольного и прохладного луга в темный и душный хлев. У бабл нет в руке лакомого куска хлеба, напоенного молоком. Но это не беда для умеющей. Она идет перед теленком, показывая ему пустую горсть - и вот он незаметно для самого себя очутился в западне. В этом-то и состоит уместность" (С.439). Заманивание с "привольного луга" в "душный хлев" путем обмана, фикции - вот что такое, по Фету, социализм вообще и воплощение его идей в романе Чернышевского, в частности.

Цель Чернышевского, как ее понял Фет, - пропаганда. "Сущность не в романе, - писал он, - не в творчестве, а в истине, в пропаганде" (С.489). Это определенно направленность фетовской статьи: "Наша задача - вывести несомненные положения доктрины из романа "Что делать?" с помощью самого романа. Но мы бы положительно отказались от такой задачи, видя перед собой художественное произведение" (С.490). А.Фет прекрасно сознавал

внестетический характер поставленной задачи, но иного подхода и не искал, ибо видел перед собой "безразличную массу романа и в ней - истину" (С.490).

Доктрина Чернышевского, как и ее многосторонние источники, не при нималась Фетом по многим причинам. Он не признавал идеи насильственного переустройства жизни ради осуществления социального идеала. Нельзя, по мнению поэта, ломать веками сложившийся жизненный уклад в угоду теории, какой бы прекрасной и заманчивой она ни была. "Нет и не может быть науки для устройства жизни", - утверждал Фет (С.510), "Природа не терпит скачков. Если бы весеннее солнце, вызывающее растения к новой жизни, не застало землю, покрытую отжившими травами, то это же благоприятное светило посушило бы землю и убило бы новые ростки при самом их появлении. Высокое древо христианства не вдруг покрыло Европу своею тенью, а в свою очередь выбивалось из умирающих терний язычества. Наше время, стараясь энергически освобождаться от пассивной покорности бессознательным силам вещей, выставило на своем знамени гордый девиз: *служение идее* и тем самым поставило себя в величайшую ответственность, какую когда-либо человеческий дух принимал на себя" (С.485).

"Органическое" восприятие жизни, свойственное Фету, служило своеобразной прививкой против теорий "насильственного улучшения рода человеческого" (С.524). Показывая их абсурдность, поэт использовал аллегорические образы: "сеятель" - человека, решившего искоренить плутон все дико растущие растения" (С.486), не сообразуясь с последствиями такого шага, и "садовник", который "в пылу преобразований вздумал пересадить весь сад вверх корнями" (С.486). Смысл этих аллегорий достаточно прозрачен. Революционное переустройство общества ни к чему хорошему не приведет, ибо противоестественно, является насильем над жизнью, над "совокупной силой обстоятельств", образующей судьбу народа (С.485).

Соня эстетические идеи, согласно воззрениям Фета, опасны разлагающим пафосом отрицания, абсурдной идеей всеобщего равенства и тем, что в итоге натравливают "народ на народ, сословие на сословие и даже поколение на поколение" (С.532). В то же время эти идеи наивны и беспомощны, требуют специальных адептов для своего претворения в жизнь. В характерной, несколько гротескной манере повествования Фет подчеркивает их утопичность: "Ты дай-ка всем твоим благополучием, - обращает он к "публике", - распорядиться г.г. Чернышевским, Кирсановым да Лопуховым - они тебе вмиг все устоят в наилучшем мире. Мгновенно потонешь по горло в вилочных берегах и сливочных струях, как о том гласят книги, которыми Лопухов перевоспитывает Верочку" (С.497).

В своей статье Фет не ограничивается социально-экономической полемикой с Чернышевским. Он вступает с ним в эстетический диалог и высказывает ряд любопытных суждений об искусстве и "механизме" его воздействия на людей. "Поэзия, как и все искусство, хотя и почерпают свое содержание и берут материал для воплощения своих задач из действительного мира, - тем не менее не только не тождественны с ним, но едва-ли ему не противоположны", - так начинает Фет свой диалог, отчаянная центральную для его эстетики идею противоположности искусства и "будничной жизни". В противовес демократическому направлению, Фет отвергает примат реальной жизни над искусством. "...Реальность, - пишет он, - является только неизбежным условием, но не основаньем Основаньем искусства и дужат те вешние колебания духа, которые в

данный исключительный момент способны достигать неизмеримой высоты. На этих-то высотах и для этих-то высот творит вечное искусство. Что же тут общего с действительной будничной жизнью? Ничего”(С.520). С течением времени эти фетовские мысли развивались, несколько варьировались, но никогда не изменялись по сути. Они запечатлены в обширном эпистолярном наследии поэта, в его мемуарах, публицистике, в эстетических статьях, в предисловиях к сборникам “Вечерних огней” и к переводам римских поэтов.

Уникально, так как не имеет аналогов и повторов, выражено в статье отношение поэта к такому животрепещущему вопросу современности, как вопрос о пользе искусства. Явленная здесь позиция Фета обогащает, расширяет представление о поэзии “чистого искусства”. Будучи, как известно, “защитником “бестенденционного” искусства, признанный лирик вовсе не отвергал его нравственного содержания и “пользы”. Он писал: “Мы толкуем о пользе искусства - эта польза огромна и исключительна. Ночная сцена Ромео и Юлии не затем существует, чтобы учить юношей лазить по окнам; этому всякий мощенник научит гораздо лучше Шекспира. Но для ее уразумения необходимо, чтобы среди обычных волнений духа, хотя одна волна его, хотя на миг достигла той высоты, на которой воздвиглась эта сцена у Шекспира. *А вызывать дух на подобные высокие колебания - значит очищать его и укреплять духовной гимнастикой. Это возвышение, очищение и укрепление духа есть исключительное призвание искусства. Другого у него нет*”(С.520).

Таким образом, не служение идее, не спиюминутная полезность отличает истинное искусство, а способность “возвышать, очищать и укреплять дух”. Причем такое воздействие художества обеспечивается только посредством сотворчества читателя с автором.

Парирруя найадки “Современника и К” на “искусство для искусства”, Фет в то же время отдает им должное. “Обвинение, возводимое там на искусство, - пишет он, - само по себе справедливо. Искусство действительно не заботится о реальной жизни - прямо и непосредственно, оно *влияет на человеческую жизнь* - иным путем - возвышая дух, от которого зависит эта жизнь” (С.520). Такова эстетическая концепция Фета, выраженная в статье “Что делать? Из рассказов о новых людях”. Роман Н.Г.Чернышевского”. Статья эта имеет огромное значение для истории литературы. Особенно важна она для проникновения в сложную личность А.Фета, для изучения его эстетики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бухштаб Б.Я. Эстетические взгляды Фета // Литературная учеба. 1936. № 12; Бухштаб Б.Я. А.А.Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974; Благой Д. Мир как красота. О “Вечерних огнях” А.Фета. М., 1975.

² См. об этом: Тархов А.Е. Комментарии // Фет А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т.2. С.385.

³ Первая публикация статьи А.Фета “О стихотворениях Тютчева” была в журнале “Русское слово” (1859. №2: Отдел 2. С.63-84). В наше время статья перепечатывалась трижды в изданиях: “Мастерская. Уроки литературного мастерства”. Вып.2. М., 1976; Фет А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т.2 Проза/Подгот. текста, сост., коммент. А.Е. Тархова. 1982; Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма/ Вступ. ст.А.Е. Тархова; сост. и примеч. Г.Д.Аслановой. Н.Г.Охотина и А.Е.Тархова. М., 1988.

⁴ "Что делать? Из рассказов о новых людях". Роман Н.Г.Чернышевского / "Современник" 1963 года за март, апрель и май//Литературное наследство. М., 1936. Т.25-26. С.485-532: "Что случилось по смерти Анны Карениной в "Русском вестнике" //Литературное наследство, Т.37-38. Кн.2. С.231-238.

⁵ *Фет Афанасий*. Воспоминания. Репринтное издание 1890 г. Издательское объединение "Культура". Т.1-2. 1992. Т.1. С.429-430.

⁶ Там же. С.451.

⁷ *Стеклова Ю.* Непзданная статья А.А.Фета о романе Н.Г.Чернышевского "Что делать?" //Литературное наследство. Т.25-26. С.477, 482.

⁸ *Ватков Г.* Примечания //Там же. С.533.

⁹ *Фет А.А.* "Что делать? Из рассказов о новых людях". Роман Н.Г.Чернышевского //Литературное наследство. М., 1936. Т.25-26. С.489. Далее в тексте указывается номер цитируемой страницы.

¹⁰ *Фет А.А.* Воспоминания. С.435.

¹¹ Там же. С.436.

¹² *Стеклова Ю.* Указ.соч. С.484.

¹³ В письме к А.А.Фету от 11/23/ апреля 1864 г. С.В.Энгельгардт сетовала: "Я, право, не понимаю, как не совестно печатать "Двух генералов" Григоровича, между тем как Ваши статьи не печатаются. Редакторы соображаются с потребностями публики и угощают ее такой дрянью, что грустно становится, когда об ней вспомнишь". См.: "...Я так давно привык к вашим дружеским письмам..." (34 письма С.В.Энгельгардт к А.А.Фету) Публикация *И.П.Генераловой* //А.А.Фет. Проблемы изучения жизни и творчества: Сборник научных трудов. Курск, 1994. С.194.

¹⁴ Там же. С.194.

¹⁵ *Фет А.* Из деревни //Русский вестник.1863. №1; №3; 1864. №4.

¹⁶ *Фет А.* Воспоминания. Т.2. С.83.

¹⁷ О деятельности журнала "Отечественные записки" и его сотрудника, а затем и редактора С.С.Дудышкина см.: *Егорова Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.,1991. С.209-252.

¹⁸ *Страхов Н.Н.* Счастливые люди //Библиотека для чтения. 1865. №7-8.

¹⁹ *Фет А.* Воспоминания. Т. 2. С. 87.

Н.Б.Алдонина

А.В.ДРУЖИНИН О ГОГОЛЕ По новым материалам

В литературоведении неоднократно обращалось внимание не только на творчество А.В.Дружинина, но и на творчество Гоголя в духе так называемого "чистого искусства" в статье "Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения", "Военные рассказы графа Л.Н.Толстого", "Губернские очерки" Н.Щедрина. М.Г.Зельдович справедливо связывал появление нового взгляда на Гоголя с "тактическими маневрами Дружинина, который своей "новой" (а в сущности повторившей) ставянойфильские теории) оценкой пытался "отделить" Гоголя от критической рецензии а заодно и опровергнуть концепцию Бетинского"¹. Немаловажно и то, что в 1855 г. в его письмах Бетинику². По каким именно, под влиянием каких обстоятельств в письмах произошло изменение во взглядах критика на Гоголя несомненно,

В этом смысле особый интерес представляли бы заметки Дружинина о Гоголе, относящиеся к августу 1855 г. и, видимо, связанные с выходом в свет нового собрания сочинений писателя, пяти глав из второго тома "Мертвых душ" и "авторской исповеди", изданных Н.П.Трушковским. Об их существовании впервые упомянуто Б.Ф.Егоровым, процитировавшим в статье "Критическая деятельность А.И.Рыжова" отрывок из тогда еще не опубликованного дневника Дружинина, в котором он записал 22 августа 1855 года: "Начал набрасывать заметки о Гоголе, ибо, вероятно, "Б.Д.чт." приступит ко мне с рецензией"³. Упомянутые наброски были обнаружены М.Г.Зельдовичем⁴. Действительно, в РГАЛИ сохранился фрагмент неопубликованных и, по всей вероятности, незавершенных статей Дружинина о Гоголе (как увидим ниже, речь должна идти именно о статьях) и - что особенно важно - тезисы к ним, проливающие свет на содержание работы в целом⁵.

Справедливо считая, что заметки о Гоголе предшествовали статье "критика гоголевского периода", М.Г.Зельдович тем не менее не ставил задачей проанализировать эти "заготовки", проследить историю их создания, определить полемическую направленность. В данной статье предпринимается попытка ответить на некоторые из этих вопросов.

Замысел статей Дружинина о Гоголе восходит еще к середине 40-х годов XIX века. В дневниковой записи от 8 августа 1855 года читаем: "Около десяти лет копилась во мне эти мысли, и довольно понятно, что при первой okazji они рвутся все наружу..."⁶. Непосредственным же толчком к созданию статей явились события, связанные с начавшейся полемикой о пушкинском и гоголевском направлениях в литературе.

Вытесненный Н.Г.Чернышевским из "Современника", Дружинин, как известно, продолжил спор с ним на страницах других изданий. Так, в статье "А.С.Пушкин и последнее издание его сочинений" он пишет: "Наша текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением... Против того сатирического направления, к которому привело нас неумеренное подражание Гоголю, поэзия Пушкина может служить лучшим орудием"⁷. Одновременно Дружинин пытается, так сказать, "взорвать" "Современник" изнутри, чтобы добиться удаления из него Чернышевского. Этой цели служила и предпринятая им в мае-июне 1855 года совместно с В.П.Боткиным и Д.В.Григоровичем поездка в Спасское-Лутовиново, в ходе которой критику удалось добиться согласования действий писателей по отношению к Чернышевскому⁸.

Достигнутое соглашение, однако, оказалось непрочным. Очевидность этого обнаружилось после получения Дружининым письма от Боткина от 27 июня 1855 года, содержавшего отзыв Тургенева о статьях критика о Пушкине. "Статью о Пушкине я прочел - с великим наслаждением, - писал Тургенев Боткину 17 июня 1855 года, - благородно, тепло, дельно и верно"⁹. С сочувствием восприняв отзыв Тургенева о статьях о Пушкине, Дружинин не мог не заметить в нем полемики с автором. Тургеневу была близка высказанная Дружининым мысль о необходимости выдвижения чисто художественной и начала в русской литературе, но стремление критика заменить гоголевское направление пушкинским, как и попытка в доказательство своего мнения опереться на авторитет Тургенева, вызвала решительное возражение писателя. От внимания Тургенева не ускользнула тенденциозность автора, выражающаяся в недооценке исторического значения Гоголя, его влияния на русское общество. В цитированном выше письме

к Боткину Тургенев писал: "Бывают эпохи, где литература не может быть только искусством - а есть интересы высшие поэтических интересов... Многое из того, что он (Дружинин. - Н.А.) говорит, нужно нынешним литераторам мотать себе на ус - и я первый знаю, ou le soulier de Gogolissime... но о Пушкине он говорит с любовью, а Гоголю отдает только справедливость, что, в сущности, никогда не бывает справедливо" (II, 282). По Тургеневу, оптимальным вариантом явилось бы дополнение гоголевского направления пушкинским, и только в этом смысле он желал противодействия первому¹⁰.

Настораживала Дружинина и позиция Боткина, в это время жившего с Некрасовым на даче в Петровском парке в Москве. В литературно-общественной борьбе 50-х годов Боткин, как известно, занимал крайне неустойчивую позицию. На его воззрения попеременно оказывали влияние то Дружинин, то Некрасов. В самом деле, Боткин принял участие в коллективном фарсе, разыгранном в Спасском-Лутовинове и в карикатурном виде представлявшем Чернышевского; одобрил идею фельетона Дружинина, метившего в критика-демократа, и дал согласие на использование в нем своего имени; вместе с Григоровичем и Дружининым внушал Некрасову мысли о необходимости удаления Чернышевского из "Современника". Именно Боткин прислал Тургеневу статьи Дружинина о Пушкине и настоял на их вторичном чтении Некрасовым. В то же время, сообщая Дружинину отзыв Тургенева о его статьях о Пушкине, Боткин опустил фразу: "Это лучшая вещь, написанная Дружининым" (II, 282). И далее, полемизируя с автором, заявлял: "Оба направления - необходимы"¹¹.

Несогласие с оценкой Гоголя Тургеневым и отчасти Боткиным и явилось той самой "оказией", побудившей Дружинина к размышлениям о писателе. 8 августа 1855 года он запишет в дневнике: "разбирая идею "искусства для искусства", я сам себя озадачил глубиной и новизной некоторых выводов. Оно уже случилось со мной недавно, когда я ехал домой от Трефорта (знакомый Дружинина. - Н.А.) и обдумывал то, что мог бы сказать я Тургеневу по поводу Гоголя"¹². Сознывая новаторский характер своего мнения о Гоголе, Дружинин только в начале августа решает облечь его в форму статьи. "Вчера вечером, - записывает он в дневнике 8 августа 1855 года, - обдумывал я будущую статью о Гоголе с жаром..."¹³ Но, занятый другими делами, Дружинин откладывал работу над статьей. "Впрочем, - признается он, - статья о Гоголе, по причине других работ, пишется только в голове..."¹⁴ Замысел Дружинина, возможно, так и остался бы нереализованным, если бы не выход в свет сочинений Гоголя, грозивший нарушить все планы критика.

Первые же письма - Некрасова и Боткина от 6 августа 1855 года - вызвали опасения Дружинина. Выше говорилось о той обработке, которой подвергся в Москве Некрасов Дружининым, Григоровичем и Боткиным. Дружинину казалось, что Некрасов "весьма дружелюбно" воспринимал советы друзей относительно удаления Чернышевского из "Современника"¹⁵. По настоянию Боткина, Некрасов перечитал статьи Дружинина о Пушкине, результатом чего явился хвалебный отзыв о них в "Заметках о журналах за июль 1855 года". "Вот статьи, каких мы желали бы как можно более, - писал Некрасов, - вот какова должна бы быть русская критика! "Умно, благородно, верно, светло и горячо!"¹⁶

Высоко оценивая статьи Дружинина о Пушкине, Некрасов, без сомнения, был искренен. Многое ему в них нравилось и прежде всего страницы, посвященные личности поэта, суждения о непреходящем значении его творчества чего не было, в частности, в статьях о Пушкине Чернышевского. Однако хвалебный отзыв

Некрасова о статьях Дружинина вовсе не означал, что он полностью солидаризировался с воззрениями автора на Пушкина и Гоголя. Характерно, что, не вступая в прямую полемику с Дружининым, Некрасов полемизировал с ним косвенно, заявляя велед за Чернышевским: "Нет науки для науки, нет искусства для искусства - все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами" (IX, 296)¹⁷. Предвосхищая суждения критика-демократа в "Очерках гоголевского периода русской литературы", он намекал на то, что защитники "чистого искусства" заботятся вовсе не о "чистом" искусстве, а преследуют вполне конкретные интересы, но какие именно, пока не раскрывал. Более того, Некрасов вступал в полемику с самим Пушкиным, в споре поэта с "чернью" становясь на сторону последней.

Но почему же, высказав часть правды, Некрасов умолчал о том, что его не устраивало в статьях Дружинина? Отказ от критики объяснялся не только тем, что тенденциозность последнего была "не способна нанести вред русской литературе и ее развитию"¹⁸. Некрасов явно недооценивал агрессивности Дружинина, верил в возможность одновременного сотрудничества его в "Современнике" с Чернышевским¹⁹.

Знакомство с новыми произведениями Гоголя еще более упрочило Некрасова в его воззрениях. Впоследствии, в письме к Тургеневу от 12 августа 1855 года, он выскажет свое отношение к писателю. Отметив "частные уродливости" (X, 232) характера Гоголя, Некрасов акцентировал внимание на сильных сторонах писателя. В его представлении Гоголь - прежде всего писатель-гражданин, "честный сын своей земли", "благородная и в русском мире самая гуманная личность" (X, 233).

Повторив в письме к Дружинину от 6 августа свой отзыв о его статьях о Пушкине, Некрасов предложил критику возобновить сотрудничество в "Современнике" на самых выгодных условиях. Но, делая подобное предложение, он и мысли не допускал о предоставлении критику неограниченных возможностей в журнале. Сожалел о том, что статьи о Пушкине не попали в "Современник", Некрасов в то же время подчеркивал, что они могли быть в нем "и при статьях Чернышевского, которые перед ними, правда, сильно бы потускнели" (X, 230).

Последнее обстоятельство не ускользнуло от внимания Дружинина. Скрывая раздражение, он принимает предложение Некрасова, выговаривая, однако, себе право при личной встрече в Петербурге побеседовать "фундаментально о том, как и что работать"²⁰. Без сомнения, критик намеревался поставить условие: он или Чернышевский²¹.

Еще более неприятное впечатление на Дружинина произвело письмо Боткина, под влиянием Некрасова продолжавшего эволюционировать влево. Не согласившись с определением Чернышевским в диссертации искусства как "суррогата действительности", Боткин тем не менее сгавил в заслугу автору, что он "прямо коснулся вопроса, всеми оставляемого в стороне"²². И в самой диссертации обнаруживал "много умного и дельного"²³. Но кульминацией его связей с радикальной эстетикой явились "Заметки о журналах за июль 1855 года", в которых он писал: "Нет науки для науки, нет искусства для искусства..." и т.д.

Неудивительно, что под влиянием знакомство с новыми сочинениями Гоголя Боткин с еще большей решительностью выступил против дружининского отрицания гоголевского направления. "Нет, - пишет он критику, - мы слишком поздно решили, что гоголевское направление пора оставить в стороне. -

нет и 1000 раз нет... оно необходимо для общественной пользы, для общественного сознания. Я не хочу этим сказать, чтобы задушевный взгляд Пушкина на русскую жизнь был ненужным, - о, напротив! Но сохрани бог исключительно следовать одному из них"²⁴.

"Отступничество" Тургенева, Некрасова и особенно Боткина вызвало бурную реакцию Дружинина. Вот почему в ответном послании к Боткину от 19 августа 1855 года он спорит не только с ним, но и с Тургеневым и Некрасовым. По справедливому замечанию М.Г.Зельдовича, письмо Дружинина "еще более наглядно, чем статьи, свидетельствует об агрессивности его позиции, о сознательном противопоставлении ее революционно-демократической линии в эстетике и критике, о далеко идущих планах воздействия на литературный процесс"²⁵. В полемическом увлечении Дружинина обнаруживаются истинные мотивы своего противодействия революционно-демократической критике - страх перед растущим освободительным движением, боязнь лишиться уголка на солнце, добытого им "потом и кровью"²⁶.

Не ознакомившись с новыми произведениями Гоголя, Дружинин со всей категоричностью заявляет, что его мнение - о полезности "неоидиотического" направления для житейских дел, но не для искусства - "вовсе нерушимо"²⁷. Он пытается убедить Боткина в том, что выступает не столько против гоголевского направления, сколько против писателей, следующих за Гоголем вопреки своему дарованию. Но это суждение носило тактический характер, ибо, как и в статьях о Пушкине, критик вел речь о замене одного направления другим.

С беспримечной смелостью решая вопрос об истинном призвании художника, Дружинин зачисляет по ведомству "чистого искусства" не только Тургенева. В данном письме впервые выразилась и новая трактовка творчества Гоголя, который, по мнению критика, также "есть художник чистый, только его последователи сделали из него какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя"²⁸.

Одобрив денежную помощь Боткина "Современнику", Дружинин призывает его употребить в дело и литературное влияние. Через три дня, 22 августа 1855 года, он запишет в дневнике: "Пишут (Боткин и Некрасов. - Н.А.), что все сочинения Гоголя вышли в свет... Теперь нам самим надо держать ухо остро и вести себя благоразумно, не давая воли резвому юношеству, которое всегда готово шагнуть по сажень, чуть ему дадут на вершок простора... наступает время борьбы между пушкинскими и гоголевскими последователями"²⁹. В преддверии этой борьбы Дружинин и задумывает ряд статей (тезисом предшествует фразе: "Для будущих статей о Гоголе") о Гоголе и последнем издании его сочинений³⁰. Напомним, что и приведенная Б.Ф.Егоровым цитата из дневника Дружинина ("Начал набрасывать заметки о Гоголе...") также помечена 22 августа 1855 года.

Приступая к работе над статьями, Дружинин по-прежнему не был знаком с новыми сочинениями писателя, но в этом и не было особой необходимости: он заранее отказывается от анализа отрывков из второго тома "Мертвых душ" под предлогом, что последний не окончен и, следовательно, не может быть оценен со всей строгостью. Но была, и еще одна причина отказа Дружинина от анализа новых сочинений Гоголя - сознание того, что они не в состоянии изменить представления о нем, как об авторе "Ревизора" и "Мертвых душ".

Намереваясь в статьях о Гоголе продолжить спор с Чернышевским, начатый в работе "А С.Пушкин и последнее издание его сочинений", Дружинин, однако, несколько сместил акценты. В статьях о Пушкине усердия критика были

направлены на доказательство многосторонности поэта. Теперь его задача - оспорить концепцию В.Г.Белинского и Чернышевского, согласно которой в поэме Гоголя отразилось "вся наша жизнь, вся поэзия и проза нашего быта"³¹.

Дружинин высоко оценивает украинские повести Гоголя, видя в них всестороннее воспроизведение действительности, сближающее писателя с Гомером. Иное дело - "Мертвые души".

В стремлении к объективности Дружинин отмежевывается как от недоброжелателей Гоголя, так и от его поклонников, в том числе и славянофилов, противопоставляя тем и другим мнение публики, якобы никогда не ошибающейся в своих приговорах. Как и в статьях о Пушкине, он пытается отделить критику от публики, развести их по разным руслам.

Солидаризируясь с мнением публики, Дружинин рассматривает "Мертвые души" как произведение одностороннее, грешащее изображением лиц, превосходно очерченных, но грязных, порочных, смешных и крайне необразованных. Даже картины природы в поэме кажутся ему унылыми и исполненными безотрадного колорита.

Охарактеризовав "Мертвые души" как произведение одностороннее, Дружинин неожиданно обращается к вопросу об отношении революционной демократической критики к Пушкину. Но это не уводило его от темы, а, наоборот, позволяло развить мысли, ради которых и задумывались статьи. По Дружинину, неизбежным следствием защиты революционно-демократической критики Гоголя является отрицание ею писателей, воспроизводящих поэзию человеческой жизни³². "Особенно Пушкин, по нашему мнению, самый полный и всесторонний из всех наших поэтов, - пишет он, - должен быть покрыт насмешками... Давно ли читали мы, что Гоголь превышает гением и Грибоедова и Лермонтова и Пушкина вместе взятых? Давно ли читали мы намеки о том, что Пушкин не глядел глубоко на жизнь?"³³.

Упреки Дружинина не голословны. В приводимых высказываниях нетрудно уловить отклик на некоторые суждения Белинского и особенно Чернышевского о Пушкине. Подобно Е.И.Эдельсону, А.А.Григорьеву, а затем и П.В.Аниенкову, Дружинин уловил некоторые слабые стороны революционно-демократической критики и попытался ими воспользоваться. Но, отталкиваясь от конкретных фактов, он несколько упрощает позицию революционно-демократической критики по отношению к Пушкину. Впоследствии это признает и сам Дружинин³⁴.

Примечательно, что в рассматриваемых статьях Дружинин отказывается от противопоставления Гоголю Пушкина, характерного для его предыдущего выступления - "А.С.Пушкин и последнее издание его сочинений". Вместо этого перед читателями выдвигается альтернатива: "Двух правд быть не может, двух вожагаев в одно время не может иметь русская поэзия, - пишет он, - Если "Мертвые души" кажутся вам полным воссозданием русского быта, отсутствием от Пушкина, но если вы имеете способность понимать барда, воспевшего Онегина, то вы без труда поймете неполную гоголевскую поэму при всех ее великих достоинствах"³⁵. Предложенная альтернатива не что иное, как реакция критика на возражения Гургуева, Некрасова и Боткина по поводу его статей о Пушкине и последнем издании его сочинений.

Как и в письме к Боткину от 19 августа 1855 года, Дружинин пытается представить себя прогивником крайностей в искусстве. Следование одному из направлений рассматривается как опасное заблуждение. Но как только он

начинает уточнять свою мысль, обнаруживаются истинные намерения критика. "Темная сторона жизни никогда не представит нам разнообразия другой ее стороны. - пишет он. - и если решать, который из двух героев, плутоватый или добродетельный человек, способен дать более жизни великому поэту, мы всегда решим, что второй во всех отношениях драгоценнее первого"³⁶. Исходя из сказанного, Дружинин и произносит приговор Гоголю, к которому клонились статьи: "В силу твоего громадного дарования мы миримся с твоей односторонностью, мы признаем в тебе гениальные способности, зоркий глаз, художественность несравненную, но назвать тебя единственным учителем и вожаком нашего поколения не согласимся никогда"³⁷.

Развенчанием Гоголя-сатирика Дружинин не ограничивается. Успех гоголевских произведений побуждает его к пересмотру вопроса о "последнем слове" писателя. Развивая мысль, высказанную еще в "Письме Иногороднего подписчика" за апрель 1853 года и в письме к Боткину от 19 августа 1855 года, Дружинин заявляет, что уже тогда, когда критика "устаи пламеннейших и даровитейших своих представителей ставила "Мертвые души" на недосягаемо высокую точку". Гоголь тяготился неполнотой своей поэмы, которая должна была обнять всю жизнь³⁸. Сознание того, что его труд приближается к концу, а поэма по-прежнему отличается неполнотой, и обусловило драму писателя. Самое определение жанра произведения связывается Дружининым с намерением Гоголя изобразить положительного героя.

Как отмечалось выше, Дружинин намеревался написать несколько статей о Гоголе, по крайней мере, не менее двух. Однако замысел критика не был доведен до конца: редактор "Библиотеки для чтения" А.В.Старчевский, вероятно, предпочел ему А.И.Рыжова. Но и в незавершенном виде статьи Дружинина представляют значительный интерес. Они знаменуют начало нового этапа в развитии полемики о двух направлениях в литературе, отличительной особенностью которого явилось "новаторское" истолкование творчества Гоголя. В этом отношении статьи Дружинина предвосхищали известные выступления А.И.Рыжова, А.А.Григорьева и А.Ф.Писемского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зельдович М.Г., Лившиц Л.Я. Русская литература XIX века. Хрест. критич. материалов. М., 1967. С.496-497.

² Зельдович М.Г. Чернышевский и проблемы критики. Харьков, 1968. С.145-146.

³ Егоров Б.Ф. Критическая деятельность А.И.Рыжова. Из истории литературной критики 1850-х гг. //Груды по рус. и слав. филологии. Уч. зап. Тартуского ун-та. 1958. Вып. 65. С.75.

⁴ Зельдович М.Г. Указ.соч. С.146.

⁵ Рукопись включает в себя 11 листов большого формата, но фактически их 9, ибо листы 10 и 11, представляющие собой фрагмент из "Письма Иногороднего подписчика" за апрель 1853 года, присоединены к заметкам ошибочно.

⁶ Дружинин А.В. Повести; Дневник. М., 1986. С.345.

⁷ Дружинин А.В. Литературная критике. М., 1983. С.61.

⁸ Подробнее об этом см.: Алдошина Н.Б. Повесть Д.В.Григорьевича "Школа гостеприимства" в контексте литературной борьбы 50-х годов XIX века //Русская критика XIX века. Проблемы ее теории и истории. Самара, 1993. С.68-85.

⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. П. С. 282.

¹⁰ Впоследствии, в письме к Дружинину от 10 июля 1855 года, Тургенев под влиянием знакомства с диссертацией Чернышевского выразит готовность «преследовать, презирать и уничтожать его (критика - Н.А.) всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами» (Там же С. 293). Но отношение его к статьям о Пушкине не изменится.

¹¹ Письма к А. В. Дружинину (1850-1863). М., 1948. С. 35.

¹² Дружинин А. В. Повести; дневник. С. 344-345.

¹³ Там же. С. 344.

¹⁴ Там же. С. 345.

¹⁵ Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847- 1861. М., Л., 1930. С. 175.

¹⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1950. Т. IX. С. 291. В дальнейшем в тексте указываются том и страница.

¹⁷ Данная часть написана рукой Боткина, но нередко приписывается Некрасову: поскольку «Заметки о журналах за июль 1855 года» писались ими обоими, то вряд ли есть необходимость выделения частей, написанных каждым автором.

¹⁸ Блинчевская М. Я. Некрасов и молодой Чернышевский: по страницам «Заметок о журналах» 1855 года // Рус. лит. 1972. №3. С. 104.

¹⁹ Не исключено, что хвалебный отзыв обуславливался и тактическими причинами. Подробнее об этом см.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский: Науч. биография. Саратов, 1984. Ч. 2. С. 74.

²⁰ Тургенев и круг «Современника». С. 230. Курсив автора.

²¹ Демченко А. А. Указ. соч. С. 79.

²² В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851-1869. М., Л., 1930. С. 61.

²³ Там же.

²⁴ Письма к А. В. Дружинину. С. 37.

²⁵ Зельдович М. Г., Лившиц Л. Я. Указ. соч. С. 496.

²⁶ Письма к А. В. Дружинину. С. 41.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Строго говоря, новый взгляд на Гоголя намечился еще в «Письме Иногороднего подписчика» за апрель 1853 года. «В такой зловредной мысли (об односторонности «Мертвых душ», - Н.А.) - пишет критик, - я могу сознаться с сокрушенным сердцем, потому что с тех пор имел случай отступиться от своих подозрений, узнав содержание будущих частей поэмы...» (Библиотека для чтения. 1853. Т. СХІХ. №5. Отд. УП. С. 65). В свете сказанного утверждение о том, будто взгляды Дружинина на Гоголя корректировались под влиянием Боткина, заявлявшего в письме к критику, что: создавая свои произведения, автор «Мертвых душ» не думал об исправлении нравов, неверно (Кантор В. К., Основат А. Л. Русская эстетика середины XIX века: теория в контексте художественной культуры // Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. С. 39-40). Данная точка зрения высказана Боткиным в письме к Дружинину от 24 сентября 1855 года. Поэтому справедливее считать, что взгляды Боткина корректировались под влиянием Дружинина, а не наоборот.

²⁹ Дружинин А. В. Повести; Дневник. С. 346. Курсив автора.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 5. Курсив автора.

³² Не ограничиваясь сказанным, Дружинин вступает в полемику с самим Гоголем, в лирическом отступлении по поводу Чичикова отказавшимся от изображения добродетельного человека: "Грустнее и печальнее слов, только что приведенных нами, - пишет критик, - никогда еще не произносил до той поры ни один писатель великого таланта... Поэт, щедро одаренный гением, ими не только оскорбляет искусство, но и силится показать нам, что в этом самом оскорблении таится торжество искусства" (Там же. Л. 8).

³³ Там же. Л. 5 об.

³⁴ Ср.: "К чести малого числа почтенных лиц, до сих пор глядящих на словесность сквозь очки когда-то сильной дидактики, - пишет Дружинин в сноске к статье "Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения", - надо сказать, что ни одно из них не позволяло себе в печати никаких нападений на Пушкина, кроме немногих косвенных намеков. Впрочем, смеем думать, что ни один из ныне существующих журналов (в том числе и "Современник", - Н.А.) не потерпел бы нападений на имя Пушкина" (Библиотека для чтения. 1856. Т. СХI. № 12. Отд. У. С.50).

³⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 5 об.

³⁶ Там же. Л. 5 об., 9.

³⁷ Там же. Л. 9, 9 об.

³⁸ Там же. Л. 9 об.

С.В.Свердлова

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ЧИТАЕТ "СТЕПЬ" А.П.ЧЕХОВА

Темы этой исследователи не касались. И неудивительно. Непосредственно Чехову, во всяком случае на первый взгляд, Чернышевский посвятил всего несколько строк в письме к И.И.Барышеву от 7- 8 августа 1883 года.

Оценка творчества Чехова, хотя и высокая, дается здесь в весьма спорном, с современной точки зрения, контексте. Чернышевский сопоставляет Чехова с третьестепенным беллетристом и драматургом Барышевым-Мясничкиным и отдает предпочтение последнему¹. "Чтобы точнее определить вероятное, по моему мнению, достоинство Вашего будущего романа, - писал Чернышевский Барышеву, - беру для сравнения рассказы Чехова в "Северном вестнике" нынешнего года. Я читал их. Вы находите, что они достаточно хороши. Я полагаю, что ваш роман будет лучше их. У вас таланта больше, чем у Чехова, и знаний, нужных беллетристу, не меньше, чем у него, - быть может, даже больше"² (XV, 724). И в заключение того же письма: "Пишите Ваш роман: вероятно, недурен; я полагаю, что будет лучше повестей Чехова, *очень недурных* (курсив мой - С.С.): пишите, не колеблясь пустыми сомнениями в себе" (XV, 728).

Повод для сопоставления с Чеховым дал Чернышевскому сам Барышев в письме от 25 июля 1888 года. Здесь читаем: "Мои товарищи по профессии, начинавшие в одно время со мною, так, например, Ант(он)Чехов, преуспевают, а я сижу все на маленьких рассказах, а двинуться в вперед, повторяю, не хватает ни решимости, ни уверенности в своих силах. И оно понятно почему: у тех, по крайней мере, если хоть и нет особенного таланта, зато есть ценз (университетское образование), а у меня - улы! Кроме кое-какой наблюдательности - ровно ничего!"³.

В этом же письме Барышев рассказывает о своем пути разночинца, самоучки, "маленького журнального труженика" и о замысле нового романа: "В данный момент у меня копошится идея бытового романа (все из той же знакомой мне среды - имеется в виду купечество. - С.С. - и добавляю, неисчерпаемой), в котором хотелось бы изобразить два поколения: отцов и детей... Матернал - под рукой, но одна только мысль, что я разработал его плохо, не сумею осилить предстоящих трудностей, - заставляет меня складывать руки и ждать..."⁴

Н.М.Чернышевская полагала, что похвала Мясницкому представляет собой не более, чем поддержку начинающего писателя-демократа, который сомневался в своих силах⁵.

С этим можно согласиться. Но дело не только в этом. В 60-е гг. подобных Барышеву молодых людей редакция "Современника" пыталась привлечь к общественной деятельности, использовать их творческие возможности для пробуждения и воспитания общественного сознания. Те же цели руководили Чернышевским и в 80-е годы. Известно, что в последний период жизни он мечтал о печатном органе своего направления, что вокруг писателя формировался кружок молодых людей, которых он стремился просвещать в нужном ему духе⁶.

Кроме того, в интересующем нас письме, как бы противореча себе, Чернышевский "выдает" Барышеву похвалу авансом за еще не написанный роман, хотя сам только что утверждал: "Будет ли Ваш роман (т.е. роман Барышева. - С.С.) очень хорош, нельзя знать наперед ни Вам самим, ни самым близким Вашим знакомым; вопросы такого рода разрешаются только чтением уже написанного произведения; но то, что он будет подручен, я считаю более чем вероятным" (XV, 724)⁷.

Действительно, всего через три-четыре дня после обращения и Барышеву, в письме к Ольге Сократовне от 11 августа 1888 г. Чернышевский выразил свой взгляд на творчество Барышева гораздо откровеннее. Правда, он не оставил надежд на молодого беллетриста, однако уже существующую его творческую продукцию, которую тот ему прислал, оценил невысоко: "...он человек неглупый и имеет талант; но рассказы - пусты" (XV, 731). Это была весьма точная и вместе с тем исчерпывающая оценка произведений Барышева, о чем свидетельствует обращение к любому из рассказов в многочисленных барышевских сборниках⁸.

Имели место в письме Чернышевского от 7-8 августа в отношении оценки творчества Барышева и обычная любезность, и комплиментарный оттенок, и дипломатический подход к человеку, от которого Чернышевский был тогда в какой-то мере зависим. У Чернышевского с Барышевым были деловые отношения, через Барышева шел контакт с издателем Солдатенковым. Возникла необходимость эти отношения упрочить. Не случайно, в том же письме к Ольге Сократовне от 11 августа, пересказав кратко содержание своего письма к Барышеву от 7-8 августа 1888 г., Чернышевский заметил: "Жаль, что это письмо не было получено им раньше твоего приезда в Москву; вероятно, оно доставило большое удовольствие ему и его жене (он женат, любит жену и говорит, что она хорошая советчица ему). Итак, теперь у нас с ним, по всей вероятности, личная дружба". (Предполагается, что если бы Ольга Сократовна приехала после получения Барышевым письма Чернышевского, она была бы принята супругами Барышевыми еще любезнее - XV, 732).

Действительно, Барышев в письме от 22 августа 1888г. после трогательной благодарности за похвалы его таланта и рассуждений о принципах изображения купечества просит Чернышевского не торопиться с переводом Вебера, работать

"ица Добролюбовым": " К Рождеству... вы успеете сделать и то, и другое; ведь целых 4 месяца времени!". И деньги предлагает просить, когда нужно. "без церемоний"⁹.

Наконец, в сопоставлении Чернышевским Чехова с Барышевым необходимо учитывать и следующий фактор. В 1838 г. Чехов только входил в большую литературу. Напомним, что лишь немногие его современники, такие, как Д.В. Григорович, А.Н. Плещеев, В.Г. Короленко, А.М. Горький, И. Бунин, Л. Андреев, знавшие Чехова и систематически наблюдавшие за эволюцией его творчества, смогли уловить в писателе незаурядный талант. Даже Шелгунов, Гл. Успенский, Михайловский долгое время недооценивали Чехова, объединяли его с беллетристами "Недели", с представителями увеселительной литературы¹⁰. В свою очередь, "Неделя" называла Чехова "пантенстом-художником", противником "идеалов гражданственности", целью его творчества считала постижение таинственной сущности "неустанно творящей природы"¹¹.

В 1886г., в том же "Северном вестнике" (кн.6), который читал Чернышевский, А.Скабичевский в рецензии на "Пестрые рассказы" отнес Чехова к "газетным писателям", которым предстоит "в полном забвении умирать где-нибудь под забором"¹².

В журнале "Русская мысль", который Чернышевский также систематически получал в период астраханской ссылки, в апрельском номере безымянный автор отрицательно отозвался о повести "Степь". Все содержание повести, по его мнению, представляет собою "признаться, тоже довольно утомительную, бесплодную литературную степь... Вообще трудно сказать даже, ради чего написана эта вещь и кто к чему пристроен в ней - люди к природе или природа к людям". В повести "нет ни мыслей, ни ярких образов, ни психологии, ни фабулы, ни даже этнографического интереса, - одна пластика"¹³.

Один из современных исследователей творчества Чехова М.П. Громов приходит, на наш взгляд, к глубокому выводу: "Чехов несомненно, озадачивал современников, был для них писателем непривычным и трудным. Трудным было все - и жанр, и манера письма, и, главное, полнейшее отсутствие авторских пояснений и комментариев"¹⁴.

Таковы обстоятельства, в которых Чернышевский давал оценку повестям Чехова.

Из приведенного выше текста письма от 7-8 августа 1883г. следует, что Чернышевский прочитал в "Северном вестнике" за 1883г. №3 "Степь" и в №6 - "Огни". Можно также не сомневаться, что, заинтересовавшись однажды Чеховым, он прочитал несколько позднее, в №11 "Северного вестника", "Именины" и в №3 за 1889г. - пьесу "Иванов". К 1883 г. вышли многие сборники чеховских рассказов: "Сказки Мельпомены" (1884), "Пестрые рассказы" (1886), "Невинные речи" (1887), "В сумерках" (1887). Знал ли Чернышевский эти сборники - неизвестно. Чехов широко печатался в "Петербургской газете" в "Новом времени". Возможно, Чернышевский просматривал и "Петербургскую газету", как бывший петербуржец. Относительно "Нового времени" Суворина он категорически заявил в письме к А.П. Лыпину от 10 августа 1888г., что знает о "милых качествах" газеты Суворина только "по отзывам честных газет и журналов" (XV, 730).

Таким образом, трудно со всей определенностью назвать все, что Чернышевский прочитал из Чехова. Остановимся на том, что он читал сам в письме

Барышеву от 7-8 августа, точнее - на повести "Степь", опубликованной в "Северном вестнике". Выясним, каким образом Чернышевский воспринимал "Степь", исходя из своих общественно-литературных воззрений 80-х годов.

В последний период жизни Чернышевский остался верен общественно-политическим и эстетическим идеалам своей молодости. Он не утратил умственные силы, как, это представляется некоторым современным исследователям. И только поверхностный взгляд может усмотреть чуждость, экстравагантность, притупление умственных сил, к примеру, в том же сопоставлении Чехова с Барышевым. В действительности, как было показано выше, все это вполне поддается логическому объяснению.

Чернышевский в 80-е гг. настойчиво пропагандирует, всячески поощряет писателей, чье творчество связано с демократическими традициями русской литературы - Добролюбова, Некрасова, Марко Вовчок, Панаева, Островского, Короленко, Мачуга. К этой плеяде он, очевидно, отнес и Чехова¹⁵.

В письме от 7-6 августа, развенчивая мнение Барышева о "цензе" - университетском дипломе, который якобы определяет успех Чехова-беллетриста, Чернышевский пишет, что знания, приобретаемые в университете, в том числе и медицинские знания, вообще не имеют отношения к литературной, писательской деятельности: "знания, надобные беллетристу, совершенно не таковы. Они приобретаются не слушанием школьного преподавания, а чтением книг, приятельскими разговорами о житейских делах и, главное, опытом жизни. Важнейшие из этих знаний вовсе не преподаются и не могут быть преподаваемы в школах" (ХУ, 725)

Очень смело, можно сказать, неосмотрительно смело, Чернышевский в этом письме утверждает, что университет в его время не мог дать правильных, справедливых понятий о жизни. "Университетское преподавание, насколько оно касается знаний, нужных беллетристу, стремится одурачить людей. Кто имеет верные понятия о жизни, приобрел их помимо школьного учения, и если слушал это учение (например, в университетских аудиториях), то наперскор ему, лживому" (ХУ, 725).

Так как эти размышления и оценки даются в связи с рассказами Чехова, притом упоминаются и медицинские знания (Чернышевский, следовательно, знал, что Чехов был врачом по образованию - Барышев об этом не упоминает), то мы вправе сделать вывод, что Чехов, по мысли Чернышевского, сумел приобрести такие "верные понятия о жизни", помимо университета, и они получили отражение в его творчестве, в частности, в повести "Степь".

Далее в том же письме, опять-таки в связи с оценкой Чехова, как бы в назидание Барышеву, Чернышевский проводит мысль о том, что в художественном произведении следует изображать жизнь не тех или иных сословий, а жизнь людей вообще, изображать человека, а не купца, чиновника или мужика. Не ставить себе целью обличать, скажем, купечество, чиновничество или мещанство. "У массы русских купцов, - пишет Чернышевский, - много пошлых и дурных привычек. Не больше ли, чем у массы великосветских людей, или чиновников, или священников и дьяконов? Я этого не думаю. Она имеет много нелепых понятий; - да, но больше ли, чем масса какого угодно другого сословия? В сущности, не больше" (ХУ, 726-727). И далее: "...купцы - не злодеи и не уроды, а такие же люди, как дворяне, чиновники, священники, мужики". Поэтому следует изображать их "людьми, говорящими по-человечески, а не...утрированными для смеха публики языком..." (ХУ, 727, 728).

Здесь у Чернышевского содержится прямой намек, в первую очередь, на писательскую манеру самого Барышева. Это он изображал купцов в виде карикатур, говорящих "угрированными для смеха публики языком". Но Барышев этого намека не понял и не принял. Призыв Чернышевского изображать человека, а не представителя того или иного сословия, не угрировать нравственные качества и язык купечества он воспринял в качестве рекомендации "идеализировать купца как сословие"¹⁶.

Вместе с тем, в призыве Чернышевского изображать людей, а не купцов или дворян, подразумевались, видимо, не только художественно-эстетические, но и другие, далеко идущие цели. Так, Некрасов еще в 1856г. в стихотворении "Поэт и гражданин" устами гражданина восклицал:

Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!¹⁷

Изображение простого человека - шаг на пути к изображению и гражданина. В письме К.Т.Солдатенкову от 26 декабря 1888г. Чернышевский утверждает, что он, "по всей вероятности, человек крайних прогрессивных мнений, умеет любить честных богатых и знатных людей" (XV, 786).

В повести "Вечера у княгини Старобельской" главный герой Вязовский, alter ego автора, по собственному признанию Чернышевского, поднимает гост "за честных богатых и знатных людей" (XIII, 851). Не есть ли это признание возможности для честных богатых и знатных людей быть гражданами своего отечества?

В повестях Чехова и привлекла Чернышевского многогранная картина жизни, воспроизведенная в свете "верных понятий" о ней, изображение людей, а не представителей сословий.

Особенно характерна в этом отношении повесть "Степь". Ее художественное своеобразие, в ряде случаев манера чеховского повествования, решение главной проблемы определяются дорогими для Чернышевского гоголевскими традициями. "Степь" начинается прямыми реминисценциями из "Мертвых душ" и продолжается гоголевскими темами "родины, народа, буржуазного предпринимательства, бездуховности. Он развил и уточнил их, что при условии единства исходных позиций писателей определило сходство и различие двух произведений"¹⁸.

От Гоголя идет и тема дороги. Во втором томе "Мертвых душ" устами помещика Муразова писатель говорит: "...Я не могу понять, как же быть без дороги: как идти не по дороге; как ехать, когда нет земли под ногами; как плыть, когда челн не на воде? А ведь жизнь - путешествие"¹⁹.

М.Л.Семанова в свое время утверждала, "что в сознании Чехова настойчиво возникали ассоциации с гоголевскими образами, и ...он рассчитывал на подобные ассоциации у своих современников..."²⁰

Можно не сомневаться, что ассоциации, действительно, возникали: и у Чернышевского, автора "Очерков гоголевского периода русской литературы" и около тридцати других статей и рецензий о творчестве Гоголя, также не могли не возникнуть.

Для Чернышевского традиции Гоголя в чеховском творчестве означали, что столь почитаемый шестидесятиками гоголевский период в русской литературе

не завершился, а продолжает своеобразно развиваться, что гоголевские традиции и в 80-е гг. остаются живыми традициями русской литературы.

Но дело не только в "Мертвых душах". Главный лейтмотив "Степи" все же не в дороге жизни как таковой и не просто в раздумьях о судьбах родины. "Мертвые души" определяют в той или иной мере только сюжетно-композиционные особенности повести Чехова. Если взглянуть на чеховскую "Степь" глазами Чернышевского, то станет ясно - Чехов шел в своем идейно-художественном лейтмотиве от другого произведения Гоголя (что, кажется, не было замечено исследователями), а именно от знаменитой его "Повести о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем".

Напомню заключительную строку этой повести, которая волновала не одного Чехова: "Скучно на этом свете, господа!"²¹

"Скука" - назвала Щедрина в "губернских очерках" одну из глав, изображая жизнь в глухом провинциальном городке России²².

Задолго до Чехова Н.Г. Помяловский, завершая повествование о разночинце Молодове, нашедшем счастье в своей семейной "коробочке", с тоскливой белью рамышляет: "Эх, господа, что-то скучно..."²³

Наконец, ту же гоголевскую фразу почти буквально повторил сам Чехов в итоге своего творческого пути, в "Трех сестрах", устами Машин. "У Гоголя сказано, - говорит она, - скучно жить на этом свете, господа!" (Ч. Т. 13. С. 147)²⁴

И вот эта мысль, что в жизни скучно, тоскливо, что некуда деваться от тоски и скуки, негде применить свои силы и способности, задолго до "Трех сестер" становится центральной в повести "Степь".

"Как душно и уныло!" (Ч. Т. 7. С. 17) - думает Егорушка. Крестьянская, бабья песня, которую, казалось, "пела трава... просила у кого-то прощения и клаясь, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя" (Ч. Т. 7. С. 24). Гравюра на постоялом дворе имела надпись: "Равнодушные человек" (Ч. Т. 7. С. 32) "Звезды, глядевшие с неба уже тысячи лет... гнетут душу своим молчаньем; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной..." (Ч. Т. 7. С. 65-66). "А степь возле могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальной и кажется, что кузнечи кричат сдержанней..." (Ч. Т. 7. С. 67). "При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья. ... Дымов поднялся, тихо прошелся около костра и по походке, по движению его лопаток видно было, что он томился и скучал" (Ч. Т. 7. С. 77). "На этот раз с самого начала во всем чувствовалась какая-то неопределенная тоска" (Ч. Т. 7. С. 81). "Скучно мне! Господи! ... - Жизнь наша пропащая, летая!" (Ч. Т. 7. С. 84). Это говорит Дымов. И снова: "Скучно мне! - донесся с передних воев крик Дымова, и по голосу его можно было судить, что он уже опять начинал злиться. - Скучно!" (Ч. Т. 7. С. 34-35). "Егорушка поглядел на них (подводчиков.-С.С.) и подумал: "Как скучно и неудобно быть мужиком!" (Ч. Т. 7. С. 91).

Характерно, что если у Гоголя, Помяловского, Салтыкова и у самого Чехова в "Трех сестрах", а до них еще в "Скучной пегорини" мысль о скуке жизни высказывается представителями образованного сословия, то в повести "Степь" она становится принадлежностью народного сознания, народного восприятия жизни. Она как бы спускается в народ. То, "как скучно и неудобно быть мужиком", понимает не только господский мальчик Егорушка, но и сами мужики.

Для Чернышевского все это не могло не быть очень важным, оптимистически свидетелеством прогрессивной эволюции народного сознания, выросшего

до понимания духа жизни в целом, *своей* жизни. Мужик сям, а не кто-то за него, со стороны, до сердечной тоски не удовлетворен своим положением, томится стремлением к какой-то иной, лучшей доле.

Это был новый шаг в изображении мужика в русской литературе. Не случайно Чернышевский, высоко оценивший рассказы Чехова, в то же время утверждал, что ему Гл. Успенский "надоел" (свидетельство Б. Марковича)²⁵, что он "никогда не имел терпения дочитать до конца" ни одного из его рассказов (ХУ, 458). Это, конечно, характерное для Чернышевского 80-х гг. преувеличение. Однако писатель не мог согласиться с Гл. Успенским, например, в том, что Платон Каратаев - единственный характерный тип русского крестьянина. Ему гораздо ближе чеховские подводчики. Их тоска, неудовлетворенность окружающим свидетельствовали о том, что русские крестьяне начинают задумываться о возможности иной, интересной, содержательной жизни. И вопрос-эпиграф повести: "Какова-то будет эта жизнь?" (Ч. Т. 7. С. 104) - Чернышевский велел за Чеховым не мог не отнести ко всей русской жизни в целом, а не только к завтрашнему дню Егорушки.

В соответствии с представлениями Чернышевского об истинной художественности, в повести Чехова "Степь" действуют не купцы, дворяне или мужики, но в первую очередь - люди разных сословий и даже разных национальностей, жалкие, гонимые, страдающие, жестокие, грубые, но все-таки люди. И Чехов не ставит себе целью обличать их привычки и нравы, а просто воспроизводит поведение и образ мыслей, обусловленный устоями жизни. Например, купцы у него - "не злодеи и не уроды" (письмо Чернышевского - ХУ, 727). Одни сухи, деловиты, как Иван Иванович Кузьмичев. Но и в Иване Ивановиче что-то дрогнуло, когда настал момент расставаться с маленьким племянником Егорушкой. Купец-миллионер Варламов, гроза степи, жесток и властен. Но вместе с тем, Варламов и предан делу. "Петухи еще не поют, а он уж на ногах... Другой бы спал, или дома с гостями тары-бары-растабары, - говорит о нем старик Пантелей, - а он целый день по степи... кружится... Этот уж не упустит дела... Не-ет! Это молодчина..." (Ч. Т. 7. С. 79).

Старый священник с. Христофор - добрый человек, верит в пользу просвещения. Устами с. Христофора Чехов высказывает свою заветную мысль - надо усердно постигать все науки, чтобы стать человеком, а потом уж выбирать профессию. "Когда все будешь знать, тебе на всякой стезе легко будет, - говорит он Егорушке. - Ты только учись, да благодати набирайся, а уж бог укажет, кем тебе быть. Доктором ли, судьей ли, инженером ли..." (Ч. Т. 7. С. 98). Это весьма совучно тому, что говорил сам Чернышевский в письме к Барышеву - каждый человек в первую очередь человек, а уж потом представитель того или иного сословия, обладатель определенной профессии.

Если воспринимать повесть "Степь" в том аспекте, в каком мог воспринимать ее Чернышевский, то здесь важен и образ Соломона, брата владельца степного постоялого двора. Не случайно, видимо, Чехов дал своему персонажу имя библейского героя. Царь Соломон, как известно, славился за мудрость. А быть может, был в этом имени у Чехова, в сочетании с его носителем, и элемент иронии. Соломон, балаганный актер, бедняк-еврей, - у Чехова выступает как выразитель протеста против рабства и власти денег. "В его позе было что-то вызывающее, надменное и пренебрежительное и в то же время в высшей степени жалкое и комическое, потому что чем πιушительнее становилась его поза, тем ярче

выступали на первый план его короткие брючки, куцый пиджак, карикатурный нос и вся его птичья, оципанная фигурка" (Ч.Т.7.С.34). Видимо, так же, как внешность, противоречив, а с точки зрения окружающих - смешон и жалок протест Соломона.

И все-таки этот герой не мог не привлечь внимания демократа Чернышевского. Соломон, как известно, сжег завещанные ему отцом шесть тысяч, потому что не хотел и не хочет делать рабами других и сам не желает быть рабом - рабом денег, вещей. Он хочет просто быть человеком: "Мне не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобы меня боялись и снимали шапки, когда я еду. Значит, я умней вашего Варламова и больше похож на человека!" (Ч.Т.7.С.40).

И в другом месте: "Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, брат лакей у проезжающих, проезжающие лакеи у Варламова, а если бы я имел десять миллионов, то Варламов был бы у меня лакеем" (Ч.Т.7.С.39).

Разнообразные человеческие характеры предстают в образах крестьян-подводчиков, хотя все они, как справедливо кажется Егорушке, "люди оскорбленные и обиженные судьбой" (Ч.Т.7.С.64). Прошлое подводчиков является у Чехова тем же, чем у Гоголя художественная деталь. Прошлое способствует индивидуализации характеров героев, их внешности, манеры поведения.

Особенно должно было привлечь внимание Чернышевского прошлое подводчика Васи. Раньше Вася работал на спичечной фабрике, и от этого у него теперь "челюсть пухнет. Там воздух нездоровый. А, кроме меня, еще у троих ребят челюсть раздуло, а у одного так совсем сгнила".

Известно, что в 80-е гг. Чернышевский живо интересовался условиями жизни и труда рабочих, ремесленников и всей трудящейся массы города. О жизни людей труда рассказал С.М. Попов, близкий знакомый Чернышевского, служивший в 1883-1889 гг. в Астрахани городским санитарным врачом²⁰. Видимо, работа Попова была написана по совету Чернышевского²¹. История подводчика Васи могла бы послужить своеобразной дополнительной яркой иллюстрацией к выводам врача Попова.

Следует упомянуть и о том, что рассказы старика Пантелея о старине, об убийстве купцов или их чудесном спасении, рассказы, где правда перемежается с вымыслом, по духу и тону перекликаются с автобиографическими рассказами о старине самого Чернышевского, проводящего мысль о необходимости морального, нравственного воспитания общества. Много "вредного и дурного" люди делают сами себе, по мешанскому тупоумию, из корысти, иногда даже из добрых побуждений (1,613). О том же, в сущности, говорят подводчики Емельян и Пантелей: "Злых людей много на свете, - сказал Емельян. Много, много! - подтвердил Пантелей. - Перевидал я их на своем веку видимо-невидимо... Злых-то людей... Святых и праведных видел много, а грешных и не перечеть."

Итак, повесть Чехова "Степь" в идейно-художественном отношении отвечала интересам и устремлениям Чернышевского в 80-е гг., и этим определена ее положительная оценка в числе других произведений Чехова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П.И. Барышев, кроме того, заведовал изданиями К.Т. Солдатенкова, печатался под псевдонимом Мясницкий. Имеются четыре письма Чехова к Барышеву. См.: Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т.

М., 1974-1983 гг. Письма. Т.8.С.241,242,650 (о Барышеве) Т.11.С.176. Далее все цитаты по этому изданию. Т.7.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : В 16 т. М., 1939-1953 гг. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

³ Цит. по: *Чернышевская-Быстрова Н.* Из литературных отношений Н.Г. Чернышевского к Н.И.Барышеву-Мясницкому // Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1926 С.151. Здесь письмо опубликовано впервые.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.148.

⁶ См.: *Травушкин Н.С.* Новые данные к воспоминаниям Скорикова о Н.Г.Чернышевском // Литературное краеведение. Волгоград, 1975, Вып. XI. С.7-17.

Поясним, что "подручен" - не значит талантлив. "Подручен, по словарю Волина-Ушакова, означает "постоянно нужен", иначе говоря - актуален (См.: Толковый словарь русского языка. М., 1939. Т.3. С.435)

⁸ См., напр.: *Мясницкий И.И.* Нашего поля ягодки: Юмористические рассказы. М., 1880; *Мясницкий И.И.* Их степенства. М., 1882; *Мясницкий И.И.* Смешная публка. М., 1885 и др.

⁹ Н.Г.Чернышевский. Литературное наследие. М.-Л., 1930. Т.3. С.583

¹⁰ См.: *Груздев И.* Горький и его время. 1868-1896. М., 1962. С.283,284; *Громов М.П.* Чехов и современная ему литературная критика // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература. М., 1978. С.123-130/.

¹¹ Неделя. 1886. №15. С.483,484.

¹² Цит. по: *Гитович И.И.* Летопись жизни и творчества А.П.Чехова. М.,1955. С.138.

¹³ Русская мысль. 1888. апрель. С.210. Журнальные обзоры о Чехове в "Русской мысли", как теперь выяснено, принадлежали Е.С. Щепотьевой. Ее подход "к творчеству Чехова отличался прямолинейностью, подравниванием его под сложившиеся в ее сознании шаблоны" См.: *Долотова Л.М.* Чехов и "Русская мысль": К предыстории сотрудничества в журнале // Чехов и его время. М., 1977. С.272/.

¹⁴ *Громов М.П.* Чехов и современная ему литературная критика. С.129.

¹⁵ Характерно, что в одной из современных работ обращено внимание на определенную близость творческой манеры Чехова Н.Успенскому, причем в том плане, как она характеризуется самим Чернышевским в статье "Не начало ли перемены?" *Чудаков М.* Мир Чехова. М., 1986. С.86/.

¹⁶ Н.Г.Чернышевский. Литературное наследие. М.-Л., 1930. Т.3. С.583.

¹⁷ *Некрасов Н.А.* Сочинения. М., 1950. С.61.

¹⁸ *Кузичева А.П.* "Земная, подчас горькая и скучная дорога...": "Мертвые души" Гоголя и "Степь" Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Чехов и русская литература. М., 1978. С.33. См. также: *Сухих И.И.* Проблемы поэтики А.П.Чехова. Л., 1987. С.69-72, 80.

¹⁹ *Гоголь Н.В.* Собр.соч: В 6т. М., 1949. Т.5. С.406-407.

²⁰ *Семанова М.Л.* Чехов и Гоголь //Антон Павлович Чехов. Статьи, исследования, публикации. Ростов на Дону, 1954. С.137.

²¹ *Гоголь Н.В.* Собр.соч: В 6т. Т.6. С.232

²² *Щедрич Н.* Сатиры М.Е.А. Избранные произведения: В 7т. М., 1939. Т.1. С.182. На связь с Чеховым обратил внимание Л.П.Громов. См. статью: *Громов М.П.* Рассказ Чехова "Огни" и его место в творческой биографии писателя /Антон Павлович Чехов. Статьи, исследования, публикации. С.112.

²³ Помяловский Н.Г. Избранное. М., 1980. С. 258.

²⁴ Замечено М.Л.Семановой в статье "Чехов и Гоголь" (См.: Антон Павлович Чехов. Статьи, исследования, публикации. С.179).

²⁵ Марко Вовчок. Твори. Киев. 1928. Т.IV. С.459.

²⁶ См.: Попов С.М. Санитарный обзор и мелко-статистическое исследование г.Астрахани.. Астрахань. 1895. Вып.1.

²⁷ Свердлина С.В. Чернышевский в годы астраханской ссылки // Литературное краеведение. Астрахань. 1967. Вып.II. О С.М.Попове см. также: Пакин Б. Друг Чернышевского // Волга /Астрахань/. 1984. 12 октября.

А.П.Гречев

“РУССКИЙ РЕФОРМАТОР” В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО “ВОЙНА И МИР” К генезису образа М.М.Сперанского

Известно, что “основным источником для изображения государственной деятельности М.М.Сперанского служили переписка Сперанского и книга М.А.Корфа о нем”¹, ибо Толстой, по его словам, “любил быть до малейших подробностей верным действительности”, когда писал “историческое”. Столь же важно и то, что “внешние данные послужили писателю только поводом к раскрытию сущности явления”²; неслучайны поэтому поиски новых, более концептуальных источников образа “русского реформатора” (Н.Г.Чернышевский). Один из них - книга Николая Тургенева “Россия и русские”, возможно, подаренная ее автором Толстому при встречах в Париже в 1857 и 61-м годах³. Есть в характере Сперанского и черты некоторых современников Л.Н.Толстого - “людей шестидесятых годов”⁴ - хотя этот, прототипический, аспект образа еще ждет своего исследования.

Мы же хотели бы указать на более очевидную полемику Толстого с той концепцией личности Сперанского, которую выстраивает Чернышевский в своей внешне доброжелательной, а, по существу, принципиально диссонирующей с книгой Корфа пространной рецензии на нее (напечатана в “Современнике” за 1861 год, кн. X, без подписи).

Критик признается, что он “несколько видоизменяет” смысл выражений Корфа, хотя речь идет, разумеется, о резкой переакцентировке всего исследования, напечатанного “с высочайшего соизволения”. Уже в самом названии рецензии - “Русский реформатор” - звучит ощутимый оценочный оттенок по отношению к человеку, хотя и “действительно одному из лучших людей нашего общества”, лучше которых “почти не бывает людей у нас”⁵, но - сильно обострять себя обреченному оставаться “мечтателем”. “Изумительно, что Сперанский так долго упорствовал в предположении о возможности выиграть свое дело, то есть приняться за реформу... Видно, что он уже от природы был осужден на страшную забывчивость в этом отношении... Это явление очень обыкновенное в людях, увлекшихся какой-нибудь мыслью” (VII, 827).

Дело в том, что перед нами именно русский человек, в котором Чернышевский вскрывает черты маниловщины, причудливо переплетенные с задатками “нового человека”, а кроме того - чиновник, которого “смешно называть революционером” (VII, 804-805).

Критик не щадил Сперанского: "...Странная его несообразительность объясняется горячностью его стремлений. Он не то чтобы не видел, - он, пожалуй, и видел, но стараясь не замечать или перетолковывать факты. Так человек, одержимый мыслью об изяществе манер, не замечает всеобщих насмешек над своею неловкостью. Все такие люди смешны, их оболыщания мелочны; но они могут быть вредны обществу, когда оболыщаются в серьезных делах" (VII, 827).

В то же самое время Чернышевский подчеркивает мысль о демократизме Сперанского, те характеристики его личности, которые делал его как бы одной из "первых ласточек" на небосклоне XIX века, своеобразным "двойником" людей шестидесятых годов (метод, вообще свойственный Чернышевскому-биографу: статьи о Пушкине, Лессинге, Чаадаеве). Читателям "Современника" должна была особенно импонировать мысль о "плебейской гордости" Сперанского, идея независимости мнений и поступков "поповича" от рутинных условностей "допотопного общества" (напомним, что для П.А. Вяземского это - неблаговоспитанность идеолога и доктринера: черты, отмеченные В.С.Соловьевым и в зрелом Чернышевском).

Именно поэтому в рецензии Чернышевского чрезвычайно рельефно выступает отчужденность Сперанского от окружающих его людей: "...Он оставался лицом одиноким в придворной и правительственной сфере", ибо "изменить этого не мог бы он никакими усилиями, потому что его намерения совершенно расходились с интересами и мыслями среды, в которую он выдвинулся против ее желаний. Но он вовсе и не заботился о том, чтобы примкнуть к ним", - с сочувствием констатирует Чернышевский, понимая безнадежный консерватизм "партии Карамзина" (позднее эту мысль подробно разовьет А.И.Пышин).

В глазах Чернышевского главным и почти единственным достоинством Сперанского оказывается его "уединенный" образ жизни, так как этот "странный" (по мнению окружающих) человек не желал быть обыкновенным временщиком, но в одиночку выступал "против недостатков привычного государственного быта" (VII, 812). Критик "Современника" неоднократно сочувственно подчеркивает нежелание Сперанского войти "ни в число личных друзей государя, ни даже в гесный круг важнейших придворных, с которыми, кроме деловых разговоров, ведутся простые, обыденные речи, так сказать, семейного быта" (сфера, важнейшая для Толстого).

"Если не ошибаемся, - пишет Чернышевский, - Сперанский и не искал этого: барон Корф выражается так, что кажется, будто государственный секретарь, уверенный в своем деловом значении, и не считал нужным приобретать никакого другого". "Разумеется, - убежден критик, - только человек с таким высоким понятием о достаточности делового значения для прочного положения во главе государственных дел мог быть серьезным реформатором" (VII, 798). Правда, именно поэтому-то, в силу озлобления и непонимания окружающих, "необходимо должна была развиться катастрофа, отнявшая силу у мечтателя": Сперанский упорно и неуклонно продолжал "идти своим путем, ни на кого не озираясь".

"Кабинетный грузиник, занятый более делами, нежели людьми", оказался, в интерпретации Чернышевского, обогнавшим свое время мечтателем, заслужившим от своих врагов название "революционера". Критика восхищается именно то обстоятельство (и, пожалуй, только оно одно), что Сперанский, в своей безграничной отчужденности от ближайшего окружения, "надеялся опираться не на его интересы, а на государственные потребности, полагая, что польза

задуманных им реформ сильнее всех посторонних соображений" (VII, 812). Он сочувственно цитирует слова самого Сперанского о преследовании его, "заключенного в своем кабинете" целыми родами вельмож как "опасного уновителя" и, в особенности, о том, что "дружба их еще более для него тяжела, нежели разномыслие". Об актуальности данной ситуации для русского деятеля свидетельствуют и "Былое и думы" А.И.Герцена (переживания в ссылке).

Однако именно эти, казалось бы, "посторонние соображения", и оказываются первостепенными для Толстого в "Войне и мире", хотя "к Сперанскому гнет князь Андрей не только отличие, но и сходство, неосознаваемое героем". Более того - "столь круто Сперанский отвергается не просто потому, что он несходем, но и потому, что он в чем-то сходен. Убегая, вырываясь от Сперанского, рывком (как всегда) уходит князь Андрей и от самого себя, представляющегося ему в этом качестве "недолжным"⁹.

Возможно, что именно столь горячий и принципиальный панегирик одиночеству Сперанского в статье "Русский реформатор" и стимулировал не менее резкое и семантически насыщенное неприятие князем Андреем этого "уновителя", его "необычайного, презрительного спокойствия", той "неизмеримой высоты", с которой он обращал к вопрошавшим "свое снисходительное слово"⁹.

Андрея Болконского "неприятно поражило ... слишком большое презрение к людям, которое он замечал в Сперанском", равно как его пристрастие к диалектике и метафизическим уловкам в споре. Позднее к этому прибавится подозрение в наигранности поведения Сперанского.

Вместе с тем, "то обстоятельство, что Сперанский был сын священника... заставляло князя Андрея особенно бережно обходиться с своим чувством к Сперанскому, и бессознательно усиливать его в самом себе" (С.170).

Обедая у Сперанского, толстовский герой "с удивлением и грустью разочарования слушал его смех и смотрел на смеющегося Сперанского. Это был не Сперанский, а другой человек, казалось князю Андрею. Все, что прежде таинственно и привлекательно представлялось князю Андрею в Сперанском, вдруг стало ему ясно и непривлекательно" (С.208-209). Гиперболизируя некоторые детали поведения и отдыха "русского реформатора", приведенные в книге Корфа и переосмысленные Чернышевским в нарочито мировоззренческом ключе, Толстой приближается в этой сцене "обеда удовольствия" в антиингилистической традиции русской литературы¹⁰.

Толстой в корне не принимает того, что анекдоты, касавшиеся "еще ли не самого служебного мира, то лиц служебных", были не просто лишены "того самого, что составляет соль веселья", но выражали некий вообще свойственный Сперанскому максимализм: "Казалось, что в этом обществе так окончательно было решено ничтожество этих лиц, что единственное отношение к ним могло быть только добродушно-комическое..." (С.209). Неслучайно поэтому, что "веселье это казалось князю Андрею тяжелым и невеселым. Тонкий звук голоса Сперанского неприятно поражал его, и немолкавший смех своею фальшивою нотой почему-то оскорблял чувство князя Андрея".

Напротив, в глазах Чернышевского даже "злоречивость" Сперанского, в котором, по словам критика, "не было ни одной пошлой черты", свидетельствует лишь "о неохоте хитрить, интриговать, заискивать" (VII, 301), о "расположении к прямоте и искренности". Автор рецензии весьма сочувственно излагает слова Корфа о "сатирической злоречивости и, вместе, особенной решительности в

приговорах о лицах и вещах”, свойственных Сперанскому (тип близкого Чернышевскому “добродушного мизантропа”, уходящего корнями в журнальную полемику XVIII века).

Насколько эта “режкость отзывов” о людях импонирует Чернышевскому, настолько она отталкивает князя Андрея. “Анализ Болконского улавливает и постепенно обнажает разрыв между “мнимой” жизнью для других и реальным “торжеством над другими”, психологически венчавшими, по мнению Толстого, незаурядную энергию и талант государственного деятеля России. “Диалектика разума” Сперанского оказывается побежденной “диалектикой разума” князя Андрея, в которой присутствует и “ум сердца”¹¹. Разочарование в Сперанском совпадает по времени не только “с ростом чувства Болконского к Наташе; одаренной “знанием сердечным” и, по выражению Пьера, “не удостоивающей быть умной”¹², но отчасти и с масонскими иллюзиями Пьера, а также с эстетическими состояниями Николая Ростова.

“Достаточность” делового (или самодовольно-этического) значения *вне* подлинного человеческого контекста последовательно отвергается Толстым, который вместе с тем далек от интуитивного недоверия к “странному” реформатору со стороны таких его современников, как Ф.Вигель¹³, прямо писавших, что это был “тайный недруг православия, самодержавия и Руси”. Отблески голубоватого адепского пламени во взоре Сперанского, которые мерещились Вигелю, также не нашли бы места в романе, где лишь путем сложного прозрения “зеркальный” взгляд “русского реформатора” окончательно отталкивает одного из убежденных его сторонников¹⁴.

Не менее существенно и следующее обстоятельство: после потери Наташи и после слухов об “измене” Сперанского, князь Андрей настойчиво подчеркивает сугубо субъективный характер своей антипатии к выдающемуся разночинцу, лишь косвенно и аллегорически связанный с его реальным значением в русской истории: ведь “мы не властны в своих антипатиях”, думал Болконский еще после своей встречи с императором.

“Ежели что-нибудь сделано хорошего в нынешнее царствование, то все хорошее сделано им одним”. “Теперь судят и обвиняют его, - говорит князь Андрей Пьеру, - все те, которые месяц тому назад восхищались им... Потомство отдаст ему справедливость”. И хотя “я лично не люблю и не любил Сперанского, но я люблю справедливость”.

Таким образом, возникает сложный художественный синтез первоначально “гигантского и гениального” лица, разоблачившего себя “аккуратным, левеселым смехом”, - и исторического деятеля, “идущего своим путем, ни на кого не озираясь”, “кабинетного труженика, занятого более делами, нежели людьми”. Не потому ли князь Андрей “продолжал держать себя в обществе защитником и партизаном Сперанского”, который “пал, никем не оплаканный” (П.А.Вяземский), что это было вопреки “нравственной боли”, “чувству виновности и стыда”, охватившим его в узком кругу Сперанского?

Ведь, как пишет Корф, исследование которого явилось “плодом долгих лет исследований и личных воспоминаний”, Сперанский “никогда вполне не выразил себя во внешней своей деятельности... От этого он остался чем-то невысказавшимся, спорным; идею, не перешедшую в дело”. Понимание причин этого, на наш взгляд, рождает столь различные, казалось бы, взгляды Толстого-художника и Чернышевского-публициста на незаурядную личность “русского реформатора”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зайденцур Э.Е. "Война и мир" Л.Н.Толстого: Создание великой книги. М., 1966. С.337.

² Там же. С.339.

³ Архангельская Т.Н. Незвестный источник "Войны и мира" // Яснополянский сборник. Тула, 1972. С.104.

⁴ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1856 по 1869 М., 1957. С.773.

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: В 16 т. Т.VII. С.801.

⁶ Там же. Т.V. С.160.

⁷ Громов П. О стиле Льва Толстого. М., 1971. С.271

⁸ Там же. С.252.

⁹ Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. М., 1938. Т.10. С.166. /Далее ссылки на это издание даются с указанием страниц тома/.

¹⁰ Эпизод интимного обеда частично рифмуется с "бедламом" в романе И.С.Тургенева "Отцы и дети".

¹¹ Галаган Г.Я. Путь Толстого к "Исповеди" //Л.Н.Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С.200.

¹² Там же. С.200.

¹³ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т.1. С.155-156. Впрочем, по свидетельству мемуариста, "в высоких, блестящих качествах ума" Сперанского "никто, даже его враги, ему никогда не отказывали", но "дух гордыни рано им овладел".

¹⁴ Именно такой портрет прилагается к книжке М.А.Корфа.

Н.А.Варганова

Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ПОВЕСТИ Д.Л.МОРДОВЦЕВА "НОВЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ"

Тема "Н.Г.Чернышевский и Д.Л.Мордовцев" до сих пор не получила серьезной научной разработки. Ее не мог не коснуться автор биографической работы о Мордовцеве¹, однако развернутого рассмотрения она здесь не получила. Частично она затронута в статье, посвященной саратовскому периоду жизни и творчества Мордовцева². Суждений Мордовцева о Чернышевском кратко касались во вступительных статьях к изданиям его сочинений³. Десять лет материал, касающийся взаимоотношений обоих писателей, представлен в специальной статье, в которой, хотя и кратко, упомянуто и о повести "Новые люди", содержащей весьма любопытные высказывания об авторе "Что делать?"⁴. Этими названиями, собственно, и ограничивается изучение темы. При этом устойчивой оказались точки зрения, согласно которой автор повести преемственно развивает идеи романа Чернышевского и предложенную здесь разработку типа "новых людей". Анализ повести между тем позволяет существенно прокорректировать этот вывод, увидеть в позиции Мордовцева более сложное отношение к проблематике "Что делать?", выявить основной полемический адресат повести.

Название "Новые русские люди" повесть имела только в журнальной публикации⁵; в отдельных изданиях и в составе Собрания сочинений она названа

автором "Новые люди"⁶. Соотнесение повести с романом "Что делать?" вполне объяснимо. Известно, что роман Чернышевского с его подзаголовком "Из рассказов о новых людях" вызвал к жизни более десятка художественных произведений (самого различного уровня художественности), составивших в истории русской литературы второй половины XIX столетия целое направление, которое характеризуется не только критико-публицистической, но и бетлетристической полемикой. За этим направлением закреплено название "антинигилистического". Произведения этого рода обладали четко выраженными тематическими и структурными признаками. Для них характерно внимание к теме женской эмансипации и связанной с ней теме семьи, изображение нигилистов и "новых людей", действующих в определенной общественной среде. В полемике как или иначе были вовлечены крупные писатели - Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, Н.С.Лесков, А.Ф.Писемский. Известны и произведения бульварно-авантюрного толка В.П.Клюшникова, В.П.Авенаруса, В.Крестовского. В "антинигилистическое" движение включился и Мордовцев. Однако он в большинстве случаев далек от памфлета и карикатуры как художественных средств выражения своих отношений к радикальным демократам 1850-60-х гг. Он ближе к первой группе писателей, пытавшихся разобраться в стоявших перед обществом проблемах, которые составили идейное наполнение полемически воспринятого романа Чернышевского, а также близок к авторам, предложившим дальнейшую разработку выдвинутых Чернышевским идей, - Н.В.Оммулевскому, Д.К.Гирсу, С.М.Степняку-Кравчинскому, Н.А.Арнольди. И все же связывать идейное содержание "Новых русских людей" только с "Что делать?" не совсем правильно. В повести ведется полемика не столько с Чернышевским, сколько с Н.С.Тургеневым как автором романа "Дым". Адресат полемики указан самим Мордовцевым в послесловии: "Тургеневу в "Дыме" удалось бы то изобразить одних русских людей, нам попались другие. Те которых знал Тургенев, и живут, и думают, и чувствуют, и волнуются - задним числом, те, которых мы знали, живут настоящим" (№8, С.91-92). Один из "новых людей" Мордовцева говорит так: "Да не все дым, что говорит Тургенев: далеко не все... Наши молодые, честные увлечения трудом, наукой - не дым. Лучшие люди в России - не дым... Наше русское свободное слово - не дым!" (№8, С.84). Можно думать, ради этой концовки повесть и написана. Конечно, спор с Тургеневым автором как бы облегчен. Истолковать "Дым" как развитие только негативных характеристик по отношению к молодым русским людям, ведущим за границей рево-люционную пропаганду, и к русскому обществу вообще, означало в значительной степени искажать задачи автора. Сатирические изображения Тургеневым различных сторон общественной жизни еще не свидетельствовали о его пессимизме по отношению к будущему России, которое будто бы один "дым". Упрек Тургеневу в безнадежной отсталости, незнании молодого поколения и клевете на него сделал, например, близкий Мордовцеву критик Г.Е.Благосветлов⁷. Признаком полемики с Тургеневым можно считать упоминание в повести Мордовцева имени Герцена. Главный герой повести Ломжинов, выражая мысли автора, записывает в своем дневнике 8 марта 1867г.: "Что-то о "Колоколе" ничего не слышно. Видно, Герцен устарел для нашего времени. Время его прошло. А могло и не пройти, если б он знал, что именно нужно России" (№6, С.34). Вместе с Герценом, по мысли Мордовцева, устарел и Тургенев, который изображает думы и волнения молодого поколения "задним числом". Писателя в виду молодежь из

окружения Губарева в "Дыме", увлеченная идеями герценовского "колокола". Однако в действительности они толкуют мысли Герцена узко, бездарно, и являются лишь мнимыми последователями Искандера⁸. В предисловии к отдельному изданию романа в 1868г. Тургенев справедливо заметил, что "отвечать на обвинения в отступничестве, в клевете, в недобросовестном незнании России и т.п. автор, конечно, не станет"⁹. Отзывы Мордовцева автор "Дыма" в данном случае не учитывал, но он с очевидностью показал, насколько не достигали цели подобные полемические выпады против него.

Вступая в спор с Тургеневым и главным своим аргументом выставляя изображение молодого поколения в его сегодняшнем состоянии, Мордовцев считал необходимым и важным показать, что нынешние молодые ушли далеко вперед от времени Герцена и Чернышевского.

Имя Чернышевского появляется в повести многократно. Автор полон сочувствия к судьбе писателя. Так, Ломжинов сокрушается, встретив в саратовской газете объявление О.С.Чернышевской, ищущей "места при детях или смотреть за хозяйством": "Неужели это жена автора романа "Что делать?", диссертации "Об эстетических отношениях искусства к действительности" и бесчисленного множества критических, эстетических, философских и политико-экономических статей, печатавшихся когда-то в "Современнике"?" (№6. С.27).

Вместе с тем Мордовцев ни на йоту не отступает от взгляда на Чернышевского как на явление исключительно историческое, сыгравшее в свое время огромную роль в формировании сознания целого поколения, но теперь, подобно Герцену, не имеющее опоры в современном общественном движении. С этой точки зрения всякий раз, когда кто-либо из персонажей повести "Новые русские люди" высказывает свою приверженность к идеям автора "Что делать?", они немедленно обьявляются отсталыми людьми, которые должны немало погрудиться над усвоением нового, если хотят идти в ногу с эпохой. "Новые люди" Мордовцева - "новые" по сравнению с героями "Что делать?", которые были "новыми" для своего времени и не могут быть примером для современных "новых". Такова позиция Мордовцева, и отсюда проистекают его, подчас не лишённые пронырских аллюзий и выпадов, суждения о Чернышевском.

Главная героиня повести Вера Релина, воспитанная на идеях "Современника", весьма скептически оценивает героинь романов Тургенева и Гончарова. Женщины в этих романах, убеждена она "хуже" мужчин, которые "хоть действуют, борются за идею, за дело; а женщины только любят, да и любить-то не умеют... Они большие мастерицы страдать и все от любви и бездействия". Исторически этим женским типам противопоставит Вера Павловна в "Что делать?", нашедшая себе дело и потому нравящаяся Вере Релиной больше других, но "и она менее честна в чувстве, чем окружавшие ее мужчины, и кроме того, - прибавляет Вера, - уж слишком много любили нежиться в своей кровати после ванны" (№6 С.19). Этим пронырским замечанием она явно угодила Ломжинову, записавшему в своем дневнике: "Я засмеялся". В глазах Ломжинова она развивается в правильном направлении, если способна критически отнестись к произведению на которое молодежь некогда молилась. Прочтенные Верой статьи Ломжинова позволяют ей заявить ему: "Вы выше и Инсарова, и Базарова, и Лопухина, и Рахметова" (№6. С.19). Лопухин - конечно, Лопухов.

К новому пониманию прошедшей эпохи Вера приходит не сразу. Автор повести пытается дать ее характер в развитии. Она еще очень подвержена

влияниям не совсем самостоятельна в суждениях. Под воздействием некоего "человека с железной дороги" (собеседника по загову), она говорит: "Я пережила все это время, читая старые журналы, пережила и время Чернышевского, Добролюбова и последователей их... Тогда женщину не выгоняли из университета. Согласитесь, это было хорошее время". Ломжинов отвечает: "Я согласен, что это было славное поэтическое время, но кого оно выработало? Укажите мне на деятелей, вышедших из этой школы. Где они?" И писатели, и ученые, разъясняет Ломжинов, успешно действующие ныне, включая Чернышевского, Добролюбова и других известных деятелей, - все вышли из предшествующей эпохи. Громких имен нет, соглашается Вера, но, по словам "господина с железной дороги", много уже таких, которые "разбрелись по России и втихомолку ведут свою скромную работу, подготовляя к развитию народ". Ломжинов счел объяснения наивными. "Мне жаль вас, бедненькую", - завершает он этот важный для понимания концепции Мордовцева спор. Нельзя сказать, чтобы Мордовцев в обосновании критики школы "Современника" был вполне убедителен. Ведь именно названные им деятели и явились выразителями, идеологами "шестидесятых годов". Говорить в 1868 г. об их последователях с известными именами пока рано. Это и пытается сказать Вера. "Да им еще рано проявиться", - говорит она Ломжинову. "Нет, не рано, а давно пора", - категорически заявляет тот, пытаясь простым отрицанием очевидных вещей обосновать свою мысль. К тому же таинственный "господин с железной дороги" не показан и никак не действует в повести. И это показательно для характеристики позиции автора, значительно тем самым облегчившего себе задачу критики Чернышевского и его эпохи. Друг Мордовцева А.Н.Пыпин, также не разделявший вполне радикальных взглядов Чернышевского и Добролюбова, тем не менее умел более объективно оценить значение и влияние их идей, внутреннюю содержательность их деятельности, столь сильно повлиявшей на последующие поколения. Так, в книге о Н.А. Некрасове Пыпин справедливо заметил: "Порицатели "отрицательного направления" всего чаще делают один и очень крупный недосмотр. А именно: само по себе осуждение "отрицательного направления" не имеет смысла без указания того, что отрицалось". Предметом "сожалений, негодования, обличения, а затем надежды, ожиданий было то самое, что составляло тогда предмет заботы и ожиданий всей лучшей части русского общества, всех истинно посвященных и благожелательных людей - без различия "партий". Это было ожидание реформ и желание возможно широкого распространения просвещения и простора для литературы"¹⁰. Имена "отрицателей" включены Пыпиным в широкий социально-политический, литературный и нравственный контекст. Такого рода обобщений Мордовцев в своей повести сделать не в силах, оттого его критика грешит односторонностью,片面ностью, она мелка и недостаточно обоснована.

Постепенный отход от идей Чернышевского демонстрируют и другие герои повести. Например, Лидия Елеонская, подруга Веры Релиной, с которой вместе посещает лекции по физиологии. Над ее письменным столом висят портреты Белинского, Чернышевского, Добролюбова, она питалась их теориями "почти с детства". Из "афоризмов Писарева" она усвоила, что "понимание красот Пушкина и Лермонтова не стоит уменьшать варить кашу", о чем и заявила на выпускном экзамене в гимназии. Но "это была натура порывистая, неуживчивая и в то же время глубоко скептическая", и она "скоро усомнилась в непогрешимости их выводов и переклудила к изучению теории диалектически противоположных..."

(№8. С.7). Как именно происходит в ней переосмотр прежних верований, автор, к сожалению, не сообщает. Сведение теорий “Современника” и “Русского слова” к отрицанию красот Пушкина и Лермонтова смахивает на дешевый памфлет и карикатуру и не может служить сколько-нибудь серьезным доводом. По сюжету однако только новый герой мыслией (каких именно, так и остается неясным), преодолевающий умственные пристрастия “детства”, помогает Елеонской повзреть и более серьезно поразмышлять о своем будущем (каком именно, также неизвестно).

Оставляет свои прежние увлечения “Колоколом” Герцена и “Современником” Чернышевского и Добролюбова другой герой повести - молодой помещик Тутнев, прежде грубиян и отрицатель, а в сущности “пустой и жалкий человек” (№8. С.20,29), а теперь под влиянием Лидии Елеонской воскресший к новой жизни, которая открывается ему работой в земстве (какая конкретно эта работа, автор не сообщает).

Последние шесть глав повести посвящены изображению столичной студенческой коммуны. Это изображение носит явно полемический характер и, как мы уже говорили, противопоставлено губаревскому окружению из романа Тургенева “Дым”. Сколько можно думать, Мордовцев вовсе не идеализирует общину этого типа, возникающего на основе бедности. Но в то же время “все в общине так искренно, честно, дружно”, “зато и честные, дельные, надежные личности выходят из хорошей коммуны”. В ней нет раздоров, мелких завистников и пакостников, которых немало в губаревском окружении. В исследовательской литературе принято считать, что “герои Мордовцева имеют много общего с героями Чернышевского”, что “вслед за Лопуховым и Кирсановым они славят труд, в котором видят единственное спасение России”¹¹. Споры нет, протесты против пошлости, рутины, лени, подлости, гнилых честности и труду роднит героев повести “Новые русские люди” с героями романа Чернышевского и не только его одного. Однако основной авторской задачей было показать не преемственность его “новых русских людей” по отношению к “новым людям” из романа “Что делать?”. “Нам нужны новые люди, - говорит студент Григорьев, - старые уже надоели” (№8. С.81). В контексте переполняющих повесть иронических упоминаний о “Что делать?” этот призыв звучит вовсе не преемственно. По логике повествования, герои Чернышевского - “старые люди”, которые “уже надоели”. Для Мордовцева это очевидно, и не роман “Что делать?” в центре его внимания, когда речь идет о “новых русских людях”, и другой роман, тургеневский “Дым”, своеобразно понятый и истолкованный.

На поднятую Мордовцевым тему откликнулся большой рецензией в “Отечественных записках” М.Т.Салтыков-Щедрин. Повесть не нашла в нем поддержки. И вовсе не потому, что рецензент встал на защиту прежнего “Современника” с Чернышевским и Добролюбовым. Как известно, Салтыков-Щедрин сам скептически воспринял роман “Что делать?”, полагая выведенную здесь модель идеального общественного устройства глубоко несвоевременной. Критик не принял очевидной художественной слабости повести, беспомощности автора в разработке характеров. О главном герое Ломжинове он пишет: “Откуда явился этот человек? Как он жил? Где и каким трудом получил право показывать читателю свои болячки? Какие это болячки? - Ничего этого не объясняется потому, что, в сущности, ничего этого и нет”. “немыслимо даже вообразить себе, чтобы существовало такое поколение, которое ничем бы другим не занималось, кроме

раскладывания словесного гранпьяна». Между "новыми людьми", о которых читатель кое-что знает из других произведений, и "кобеними" Тургенева "нет ни одной точки соприкосновения", поэтому, справедливо замечает рецензент, попытка противопоставить своих героев тургеневским Мордовцеву не удалась. Салтыков-Щедрин требует более серьезного отношения к теме, ведь читатель "слыхал об увлечениях не книжных только, а действительных, о безвременно погубленных силах, о принесенных жертвах: он знает, что эти слухи не призраки, а суровая правда; поэтому он жаждет, чтоб ему объяснили, в чем заключаются эти действительные увлечения "нового человека", во имя чего приносятся им жертвы и как приносятся. А его вместо того потчуют . . . бесконечным-бесконечным переливанием из пустого в порожнее" ¹².

Как видим, Салтыков-Щедрин не возражает против нового художественного исследования типа, которое не замыкалось бы на известных опытах Чернышевского и его последователей, но оно должно быть осуществлено со всею серьезностью, чтобы вполне ответить на запросы нового времени.

Подобно другим писателям второй половины XIX столетия Мордовцев почувствовал необходимость дальнейшего рассмотрения предложенной "шестидесятниками" проблемы "нового человека". Однако недостаточно "было просто объявить прежние попытки, в том числе и Чернышевского, устаревшими. Проблема требовала более глубокого изучения русской действительности, и Мордовцев свою повестью оказался явно не на высоте этих требований. Он, вероятно, и сам чувствовал слабость своего выступления и тут же по окончании "Новых русских людей" приступил в созданию романа "Знаменья времени", в котором попытался дать художественную разработку содержащихся в повести материалов, оставляя неизменным критическое отношение к идейному наследию Чернышевского . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Момот В. С.* Даниил Лукич Мордовцев. Очерк жизни и творчества. Ростов-на-Дону, 1978. Заметим, что автор допускает здесь анахронизм, деля Мордовцева и Чернышевского членами саратовского кружка второй половины 1850-х гг. (С. 37), тогда как Чернышевский уехал из Саратова в начале мая 1853г., а Мордовцев поселился здесь весной 1855г. См.: *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1992. Т. 3. С. 298-299.

² *Самосюк Г. Ф.* Д. Л. Мордовцев // Русские писатели в Саратовском Поволжье / Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов, 1964. С. 75-88.

³ См.: *Аржаная Г. И.* Предисловие // Мордовцев Д. Л. Знаменья времени. Роман в двух частях. М., 1957. С. XIV-XV.

⁴ *Муренина Г. П.* "Работая вы победите мир" // Саратовские друзья Чернышевского / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1985. С. 72-86.

⁵ *Мордовцев Д.* Новые русские люди: Материалы для истории современного русского общества. // Всемирный труд. 1868. №5-8. Последующие ссылки даются в тексте с указанием номера журнала и страниц.

⁶ *Мордовцев Д. Л.* Новые люди: Повесть из жизни шестидесятых годов. СПб., 1886; СПб., 1897; Собрание сочинений Д. Л. Мордовцева. СПб.: Изд. И. Ф. Мерца. 1902. Т. XXIX. С. 3-174.

⁷ *Благоветлов Г. Е.* Старые романисты и новые Чичиковы // Дело. 1863. №13.

⁸ Об этом см.: *Бялый Г.А.* "Дым" в ряду романов Гурженева // *Вестник Ленингр. ун-та.* 1947. №9. С.94-98; *Муратов А.Б.* Гурженев после "Отцов и детей" Л., 1972. С.124-144.

Гурженев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М., 1978. Т.7. С.40В.

¹⁰ *Пытин А.И.* Н.А.Искрасов. СПб., 1905. С.266-267.

¹¹ Саратовские друзья Чернышевского. С.80.

¹² *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965-1977. Т.9. С.368-373.

В.А.Китаев

ЖУРНАЛ "ВЕСТНИК ЕВРОПЫ" И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО 1860 - 1870 ГОДОВ

Одним из важнейших элементов идейной позиции "Вестника Европы" в 60-80-е гг. было принципиальное противостояние славянофильству и его эпигонам. Значение этого факта выходит за рамки истории журнала, ибо он не только определяет место "Вестника Европы" в общественно-литературном движении пореформенной эпохи, но и характеризует идеологическую ситуацию этого периода в целом. Существование в это время авторитетного антиславянофильского органа ставит исследователя перед необходимостью проанализировать сам ход разработки славянофильской темы в "Вестнике Европы", характер аргументации, выставленной против славянофилов авторами журнала, что важно прежде всего для понимания собственной программы журнала, и наконец, поразмышлять о судьбе антиномии "славянофильство-западничество" в общественной мысли после отмены крепостного права. Рамки статьи позволяют рассмотреть эти вопросы только до середины 70-х годов.

"Вестник Европы" задумывался его редактором и издателем М.М.Стасюлевичем как сугубо научное ежеквартальное издание историко-политического профиля. В этом виде, который журнал сохранял на протяжении 1866-1867 гг., он совсем не подходил к роли органа определенного направления, нацеленного на активную полемику с идейными противниками, хотя либерально-западническая закваска "Вестника Европы" ни для кого не являлась секретом. Даже тогда, когда к концу 1867 г. Стасюлевич утвердился в намерении издавать журнал ежемесячно, он особо подчеркивал, что считает бесполезными разговоры о "направлении". Жизнь требовала не "партий слов", а партийю дела. "Итак, мы просим читателей избавить нас только от необходимости ставить какое-нибудь "прилагательное" к нашему направлению", писал Стасюлевич. - Прежде всего, направление есть труд, дело, знание!"¹

В этом мнении не было претензий на исключительность положения в журналистике вроде тех, о которых заявлял в начале 60-х гг. редактор "Русского вестника" М.И.Кагков. Принимая начавшиеся реформы, Стасюлевич полагал, что в процессе их осуществления теряют смысл те или иные теоретические расхождения. Многочисленные примеры идейной диффузии, оставления первоначально заявленных позиций, которые давала современная публицистика, лишний раз убеждали редактора "Вестника Европы" в непродолжительности партийного, направленного догматизма. Заявления о приверженности западничеству даже в самом широком смысле также теряли свою актуальность.

Реформы уже начали работать на европеизацию России, а славянофильство в лице И.С. Аксакова и его "Дня" обнаружилось неспособностью сколь-нибудь серьезным образом повлиять на настроение общества.

Примечательно, что Ф.В. Чижев, предлагая И.С. Аксакову в апреле 1866 г. редактирование новой газеты "Москва", которая должна была стать рупором московского купечества, почти теми же словами, что и Стасюлевич, говорил о желательном характере этого издания: "Время общих воззрений прошло, требуется дело"².

Нежелание Стасюлевича говорить о "направлении" "Вестника Европы", впрочем, скоро улетучилось. Возвращение И.С. Аксакова в журналистику в роли редактора "Москвы" (1867-1868), очевидное славянофильство газеты, несмотря на зависимость Аксакова от ее учредителей, стали тем раздражителем, который заставил редакцию "Вестника Европы" вернуться к казалося бы прерванной традиции борьбы западнического и славянофильского лагерей. Именно в контексте полемики с "Москвой" журнал обратил внимание на то, что современная литература "совсем отвыкает от общих вопросов и отвлеченных предметов общественной политики, философии, нравственности и т.п." и в этом отношении отстает даже от литературы 30-40-х годов (1868. №7. С. 363-364).

Возвращаясь к их обсуждению, "Вестник Европы" гораздо более определенно и пространно заявлял о своей приверженности ценностям европеизма. В то время как "литературные староверы" (в первую очередь Иван Аксаков) предлагают искать решение всяких вопросов в "недрах и почве русской народности", многие из них считали в журнале, решены в европейской литературе "более многосторонним и компетентным образом". Спорить против "научного превосходства Европы", "превосходства в предметах нравственных и общественных" может "одно ребячество или невежество". Успехи русской умственной жизни невозможны без подвличения к европейскому научному движению. Сама сущность "литературного староверства" с его "исключительно-национальными притязаниями" представлялась "Вестнику Европы" противоречивой и странной, ибо обязано было оно своим рождением европейским источникам (Там же. С. 365-369).

"Вестник Европы" не остался равнодушным, наблюдая, как вырастает активность славянофилов и сочувствующих им общественных кругов в связи с славянским съездом 1867 года. Именно им адресовал журнал доводы против перерастания идеи духовного единства славян в идею политического панславизма, предполагающего "завоевание" и "присоединение" славянских народов. "Вестник Европы" решительно расходился с "проповедниками войны" за освобождение славян, но считал, что рано или поздно военный конфликт из-за восточного вопроса все-таки разразится. В этом случае успех России будет зависеть от ее бескорыстия. "Общеславянская идея, как и всякая национальная или расовая, искал политический хроникер журнала, - может иметь цену единственно настолько, насколько она представляет собою соединение, союз с целью освобождения от ига, то есть осуществления общечеловеческой идеи свободы, саморазвития и самоуправления" (1868. №6. С. 811-817).

Принципиальное неприятие славянофильской доктрины не мешало "Вестнику Европы" в второй половине 60-х гг. видеть в позиции ее душеприказчика Ивана Аксакова и руководимой им газеты "Москва" привлекательные черты. Не раз были отмечены его честность, любовь к родине. "Вестник Европы"

одобрительно отзывался о "прямоте и смелости, с которыми "Москва" ратовала за отделение духовной власти от светской, за свободу совести" (1868, №10. С.850).

С приходом в "Вестник Европы" А.И.Пыпина (конец 1867 г.) разработка славянофильской темы в журнале приобрела помимо полемической заостренности историческую глубину и научную основательность. Пыпин стал если не монополистом, то несомненным лидером в освещении различных аспектов истории и современного состояния славянофильства. Именно ему принадлежал первый в "Вестнике Европы" развернутый очерк о славянофильстве, вошедший в состав "характеристик литературных имений от двадцатых до пятидесятых годов" (1872 г.).

Пыпину было ясно, что он имеет дело с явлением, история которого не завершена, и потому не претендовал на "полную оценку" славянофильства. Очевидно было и другое: шестидесятые годы ознаменовались "размножением славянофильства". Новообращенные, по словам Пыпина, "также заговорили о "народных началах", "почве" и т.п., не имея ни таланта, ни горячего убеждения первых начинателей учения" - распространяли только пустые фразы на тему народности и более или менее явный обскурантизм" (1872, №12. С.678).

Появление новых приверженцев школы (к их числу Пыпин относил прежде всего журналы братьев Достоевских "Время" и "Эпоха") отнюдь не свидетельствовало о ее успехе. "Новый период ее мало увеличил литературные силы первоначальной школы и мало подвинул доказательство ее основных положений, - замечал Пыпин, - зато слабые стороны этого учения обнаружались теперь ярче, чем когда-нибудь" (Там же). Более того, "по некоторым предметам" славянофилам пришлось говорить в унисон с "Московскими ведомостями" Каткова. Наблюдая близкое соседство или даже совпадения позиций славянофилов, почвенников и реакционных патриотов, Пыпин винил в этих "неблагополучных союзах" саму доктрину славянофильства с ее "самонадеянными односторонностями".

Очевидная теоретическая зависимость от славянофильства, которую обнаруживали новейшие проявления национального консерватизма и националистической реакции, актуализировали в глазах Пыпина всякую попытку выявить уникальность, противоречивость и, в конечном счете, практическую непригодность учения первых славянофилов.

Касаясь вопроса о генезисе славянофильства, Пыпин находил корректным, но недостаточным сравнение его содержания с идеологией русских консерваторов ХУШ века. Невозможно было отрицать факт переклички между ними. Однако славянофильство, по мнению Пыпина, ушло далеко вперед от своих предшественников как "по степени образования", так и "по свойствам многих своих общественных стремлений". В этом последнем оно "ниогда идет рядом с лучшими представителями либерализма" (1872, №11 С.50), что резко отличает истинных славянофилов от консерваторов скатеринской эпохи, вроде М.М.Щербатова. Не только неоднозначность философско-политического содержания, но логическая завершенность и литературная оформленность - "резко определенные черты" - отделяли славянофильство от сколь-нибудь похожих явлений умственной жизни ХУШ-начала XIX в.

Славянофильство, по Пыпину, имело своим истоком идейное движение 20-х гг., а "довоспигивалось" на немецкой философии. Основную же заслугу

славянофилов Пыпин усматривал в том, что они поставили задачу "раскрыть внутренние основы народного характера, которые одни могут пролить истинный свет на историческую судьбу народа и государства" (1872, №13, С.674). Славянофилы, кроме того, указали обществу на его оторванность от народа - и эту сторону учения Пыпин находил вполне достойной уважения.

Пыпин отделил "положительный идеал" славянофилов от "критической стороны их миссии". Только в последней, на его взгляд, можно было найти прогрессивные черты.

Ко времени написания "характеристик" у Пыпина сложилось вполне определенное мнение относительно периодизации истории славянофильства. "Сороковые и первые пятидесятые годы" он рассматривал как первые этапы деятельности славянофилов. Этот период имел "характер подготовительного разъяснения общих начал" (1872, №12, С.673) Пыпин не говорит здесь о границах следующего периода - времени приложения общих начал славянофильства к практической действительности. Но из целого ряда суждений о современном ему славянофильстве видно, что он не считал этот период завершенным.

Пыпин сумел разглядеть существенные отличия славянофильства 40-х гг. от официальной народности. В то же самое время от него не укрылся и тот факт, что славянофилы в этот период боролись с либералами-западниками, находясь в союзе с либеральной партией "Москвитянина".

Содержание "славянофильской" части "Характеристик" свидетельствовало о том, что непримирение доктринальных основ славянофильства не помешало Пыпину последовательно превратить в анализ этого течения принципы объективности и историзма. Противостоя живому еще славянофильству и его неопитам, "Вестник Европы" грудом Пыпина закладывал основы научно-исторического изучения славянофильской школы.

Пыпинский очерк о славянофильстве привлек, естественно, внимание славянофильского кружка. Непосредственной реакцией на него стала статья Э.А. Дмитриева-Мамонова "Славянофилы", вызвавшая в свою очередь полемический ответ И.С. Аксакова (оба выступления были напечатаны во второй книге "Русского архива" за 1873 год). Содержание спора Аксакова с Дмитриевым-Мамоновым, в центре которого оказались принципиальнейшие вопросы понимания сущности славянофильского учения, интересно прежде всего для уточнения позиции Аксакова как главной фигуры пореформенного славянофильства.

"Партийная принадлежность" не помешала Дмитриеву-Мамонову по достоинству оценить работу Пыпина по истории славянофильства. Статья Пыпина, по его мнению, представляла "едва ли не первую попытку добросовестного отношения к вопросу"³. Однако тут же Дмитриев-Мамонов отмечал "неполноту оценки" и "несправедливую суровость приговора" в отношении славянофилов, находя объяснение этим изъямам характеристики Пыпина никак не в его предвзятости, а в специфических обстоятельствах самой истории славянофильства. Обстоятельства же эти свидетельствовали о том, что славянофилы 40-50-х гг. не имели возможности высказаться "с полной откровенностью". Кроме того, славянофильское направление так и не смогло установиться в "цельную органичную систему". И, наконец, последователи Киреевских, Хомякова и Константина Аксакова в большинстве случаев "загубили главнейшие славянофильские предания". "Они сошли с точки зрения своих

предшественников, - писал Дмитриев-Мамонов, - занулашев, и свободнейшее направление прервалось в какую-то патристически-благонамеренную доктрину, которая в одну сторону хочет все и всех русить, а в другую всем проповедует уже не народное православие, а просто полицейскую веру() Живое славянофильство исчезло; оно сделалось пошленьким, формальным, художничьим катехизисом клерикально-полицейских сенгенов⁴. Свою собственную статью Дмитриев-Мамонов рассматривал как взгляд изнутри славянофильства, призванный откорректировать и доопределить оценки Пышина.

Что же вызвало протест Аксакова в той интерпретации славянофильства, которую предложил Дмитриев-Мамонов, считавший себя, как и Аксаков, продолжателем дела Хомякова и Киреевских? Обратимся сначала к единственному комментарию этого полемического эпизода в книге Н. И. Димбаева об Иване Аксакове. По его версии, возражения Аксакова свелись к мелочной и неубедительной критике освещения Дмитриевым-Мамоновым раннего славянофильства, уточнению вопросов об отношении первых славянофилов к западноевропейской цивилизации, просвещению, православию. Составлявшие весь пафос статьи Дмитриева-Мамонова мысли об исчезновении "живого славянофильства" и о необходимости дальнейшего развития славянофильского учения он оставил без ответа. По сути дела его статья стала признанием того, что он, Аксаков, не верит в возможность возрождения славянофильства.

Дмитриев-Мамонов вынес из спора с Аксаковым убеждение в том, что "г. Аксакову в самом деле хотелось бы, чтобы я сказал, что дальше идти некуда, что все найдено, ложитесь люди и умирайте, как умерли мы, ваши передовые мыслители". Дмитриев-Мамонов верно оценивал позицию своего оппонента, но несомненно, что в их споре в конечном счете был прав Аксаков. Славянофильство действительно умерло или, пользуясь выражением Дмитриева-Мамонова, "сгнило". "К середине 1870-х годов, когда в России утвердились буржуазные отношения, исчезли объективные возможности существования действительного славянофильства, которое было формой либеральной идеологии переходного от феодализма к капитализму времени. (...) Полемика Дмитриева-Мамонова с Аксаковым стала, по нашему мнению, конечным рубежом в истории славянофильства как особого направления в русской общественной мысли, завершающем его почти сорокалетней историей"⁵.

Этот подчеркнутый концептуализированный комментарий вызывает серьезные возражения. Прежде всего здесь не все ладно с точки зрения логической последовательности: "мелочная и неубедительная критика" Аксакова вдруг оборачивается его конечной правотой. К сожалению, и основной пафос письма И. С. Аксакова к издателю "Русского архива" остался либо непонятным, либо сознательно затемненным. А ведь Аксаков возражал против попытки Дмитриева-Мамонова представить славянофильство исключительно с "внешней, отрицательной стороны". Такого рода трактовка славянофильского учения не без основания рассматривалась им как стремление "выкинуть из славянофильства все, по мнению автора, излишнее или неспособное доставить славянофилам благоволение "либеральной и просвещенной публики" и отрекомендовать их ей с более сочувственной стороны, - преимущественно со стороны протеста против петровского деспотизма и вообще всяческого насилия: все же прочее выдать за пусяки, романтизм, который можно и просить ради других добродетелей и от которого, по всей вероятности, и сами славянофилы отказались, если б жили

подольше..."⁶. По Аксакову, пытаться либерализировать славянофилов, "отделить от них положительную сторону их проповеди - все равно что содрать с человека кожу".

Аксаков принял прежде всего на свой счет обвинение Дмитриева-Мамонова в том, что славянофильство, по смерти первых славянофилов, обратилось в "формальный катехизис клерикально-полицейских сенгенций". Редактору "Дня", "Москвы" и "Москвича" не составляло большого труда отстоять репутацию честного и независимого публициста, не имеющего ничего общего "с теми патристическими изданиями, которые, защищая лишь одну политическую русскую национальность, отрицают значение духовных основ русской народности, и к самому славянофильству относились и относятся или постоянно враждебно, или же с полупрезрительным снисхождением".

Ответ Аксакова не дает ни малейшего повода для того, чтобы увидеть в нем какие-либо признаки "неверия в возможность возрождения славянофильства", как это утверждает В.И.Цимбаев. Для Аксакова такой проблемы не было, и он куда более органично, чем Дмитриев-Мамонов, выглядит в роли продолжателя дела старших славянофилов. На наш взгляд, нет никаких оснований говорить в связи с полемикой между Аксаковым и Дмитриевым-Мамоновым о завершении истории славянофильства, об отходе от него Н.С.Аксакова⁸.

Славянофильство уже к началу 60-х гг. завершило цикл своего внутреннего развития - это бесспорно. Но его внешняя история продолжалась. До конца своих дней оставался общественно деятелем прямой наследник первоначального славянофильства Н.С.Аксаков. Славянофильские идеи питали различные оттенки пореформенного национального консерватизма. Живучесть славянофильского наследия лишней раз подтверждалась активным неприятием его в "Вестнике Европы". Начав борьбу со славянофильством уже в первые годы своего существования, журнал не оставлял ее в 70-80-е годы. Ведущая роль на этом участке идейной полемики принадлежала А.Н.Пышину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестник Европы. 1867. Т. IV. С. УД. В дальнейшем ссылки на журнал даются в тексте.

² См.: Цимбаев Н.И. Н.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 131.

³ Русский архив. 1873. №2. Стб. 2488.

⁴ Русский архив. 1873. №2. Стб. 2489-2490.

⁵ Цимбаев Н.И. Н.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 225-226.

⁶ Русский архив. 1873. №2. Стб. 2526.

⁷ Русский архив. 1873. №2. Стб. 2529.

⁸ Подробнее об этом см.: Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. №1.

А.Н.ПЫПИН В ПОЛЕМИКЕ О НАРОДНИЧЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ 70-80-Х ГОДОВ

Обостренная полемика тех лет была вызвана известными статьями П.Ткачева ("Мужик в салонах русской беллетристики"), И.Златовратского ("Народный вопрос о нашем обществе и литературе") и других сторонников народничества. В полемику были втянуты ведущие журналы той поры: "Дело", "Русское богатство", "Неделя", "Век", "Устой"¹. Основным оппонентом народнической критике был "Вестник Европы". А.Н.Пыпин. В 1881-1884гг. он опубликовал ряд работ, прямо или косвенно участвовавших в спорах о народничестве. Б.Козьмин по существу негативно оценил выступления Пыпина, в частности, его статью "Народничество" (1884), отмечая в ней "расплывчатость" суждений и общелиберальный подход к точкам зрения "самых разнообразных лагерей". В полемическом стиле Б.Козьмина так или иначе сказались известная ленинская политизация народнического движения, необходимости указания на соучастие в нем разночинцев.

Между тем полемика о народничестве тогда и позже носило поисковый характер. Цель ее - осмыслить переход русской литературы от кризисных 50-60-х гг. к новому этапу общественного и литературного движения, отраженных в нем различных сословных интересов, проблем "разрешения" старых порядков (Г.Успенский), "разъединения" (Ф.Достоевский), "как все это будет укладываться..." (Л.Толстой). Пыпин начинает цикл своих статей о народности ("Вестник Европы, 1881-1882), выделяя ее "ступени" со времен Карамзина. В набросках "К истории народности" отличает "Московский кружок" ("Москвитянин") - Писемский, Потехин, Кокорев, Дрянский, Печерский, Островский - и "школу позднейших народников", поименно: "Николай" и Глеб Успенские, Левитов, Слепцов, Златовратский, Наумов, Эртелн. Относительно этой литературы, добавляет он, смотри еще старую статью Добролюбова о повестях Славутинского².

Один из истоков народничества как общественно-литературного течения, по Пыпину, - предшествующая литература в лице ее корифеев, беллетристика 50-60-х годов. Пыпин подчеркивал общую тенденцию литературного движения: "возрастало внимание и умение изображать народную массу"³. В то же время Пыпин пытался осмыслить проблему народности - народничества теоретически в связях с западноевропейской культурой. В новом цикле статей "Новейшие исследования русской народности" он писал и о новых подходах к этой теме: "Для более разумного понимания дела и в научном и в общественном смысле нужна была большая работа общественного сознания и более совершенные средства исследования, которые даны были теперь европейской наукой"⁴. В своей академической школе Пыпин обычно ставил литературу во след общественному развитию⁵.

Однако Пыпина занимали в народничестве не только общесоциальные вопросы, как И.Златовратского. Он стремился выявить эстетические закономерности. Отсюда его аналитические оценки (во втором упомянутом цикле) трудов Ф.Булаева, А.Афанасьева, П.Ягича, А.Веселовского, а также свой взгляд

на спорные мотивы о начале и историческом значении русской народной эпоса⁶. Названный цикл в итоге подводит Пыпина к пониманию народничества в современном ему звучании. Этой новой теме он посвятил две статьи под названием "Народничество" (Вестник Европы, 1884. №1, 2), где главные акценты сделаны на особенностях беллетристики, повествующей о народном быте. Пыпин отмечает, что литература с 50-х гг. захватывает новый материал ("народная жизнь" "потеряла устойчивость"), на смену большим литературным полотнам пришли миниатюра, очерк, фотография. По поводу произведений новой плеяды беллетристов - Нефедова, Наумова, Эртеля, Засодимского - Пыпин писал: "Типы, лица, характеры, обычаи отстают на второй план, а на первом плане становятся реальные вопросы: жизнь крестьянина в общине, отношения к помещику и властям, заработка, школа, разные внутренние распорядки, влияющие на склад деревенской жизни и т.д. ...Изучение "деревни" становится настоящей профессией. ...Исследовать мужицкие типы не по одним чертам индивидуального характера и темперамента, а именно по хозяйственному и общественному положению"⁷.

Статья в февральском номере более полемична⁸. Пыпин с прочей говорит о "самобытниках" новейшего времени. Это не общая оценка недавних и новых славянофилов - у Пыпина были конкретные претензии к "друзьям народа": невнимание к русской истории (в "прошедшем" общество узнает "жизненную черту своего исторического развития"), "слепая вражда к европейскому просвещению и гражданственности"⁹, своего рода базаровщина: "точка зрения фракции, кружка, секты, самонадеянной и исключительной нетерпимости"¹⁰. Пыпин конкретно полемизировал со статьями П. Чубинского в "Неделе", с известными консервативными взглядами Н. Каблицы (Юзова), его "Основами народничества" (1882), в то же время выделял тогда "серьезный труд" "Россия и Европа" Н. Данилевского.

Участие Пыпина в полемике о народничестве было плодотворным с разных позиций. Пыпин, не будучи все-таки публицистом, принял участие в спорах о народничестве, задававших многие темы современной жизни. Выступая в защиту "либерализма", Пыпин призывал к единству "людей и направлений, всего более близких к защищаемому ими самими делу"¹¹. Эта естественная для Пыпина общественно-политическая ориентация давала возможность более объективной оценки литературного движения прошлой и новой поры, его эстетических примет. Дискуссия о народничестве подсказывала Пыпину необходимость выделить проблему народности в истории литературы в литературной критике как одну из главных. Работы Пыпина продолжили прежние попытки осмысления русской литературы с точки зрения ее народности (статьи Беллинского, Добролюбова, Ан. Григорьева, А. Скабичевского и др.) Пыпин идет в другом направлении относительно своих предшественников. Он делает попытку определить особенности русской, славянской цивилизации. Ряд своих полемических суждений о народничестве Пыпин включил в "Историю русской этнографии"¹².

Полемика о народничестве и народности по существу заключалась "замечкой" Пыпина, его ответом на открытое письмо в свой адрес Н. Златовратского (Русские ведомости. 1884. № 48. 17 февраля) Защищая "народолюбие", отвечающее "целому широкому интересу лучшей части литературы", Пыпин в противовес своему оппоненту отстаивал право разночинца быть "родоначальником" новейшего народничества и отвергал теоретические

посылки народников, близкие к "обскурантизму". Пыпин в "Заметке" призвал высказаться "компетентным представителям" народнического лагеря. Однако спор временно затих. Отчасти виною могло быть и закрытие "Отечественных записок". Главная причина - противоречивые тенденции самого народнического движения¹³. Новая дискуссия возникла в начале 90-х гг. и она хотя и носила иной характер, но во многом опиралась на полемику рубежа 70-80-х гг., а в литературной критике концепция народности и народничества Пыпина получало новую поддержку¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. обзор Б. П. Козьмина "Народники" и "народничество". (Вопросы литературы. 1957. №9). Его же. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Историч. записки. 1959. Вып. 65.

² Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Ф. 250. Ед. хр. 20. Л. 9.

³ Там же.

⁴ Вестник Европы. 1883. февраль. С. 599.

⁵ См. свидетельство Г. Н. Потанина: Письма Г. Н. Потанина. Изд-во Иркутского ун-та. 1989. Т. 3. С. 33.

⁶ См.: Вестник Европы. 1883. №10, 11.

⁷ Вестник Европы. 1884. №2. С. 740-741.

⁸ Там же. №4. С. 871.

⁹ Там же. №1. С. 181.

¹⁰ Там же. №4. С. 870.

¹¹ Там же. С. 871.

¹² См.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. 1891. Т. 2. С. 375, 407 и др. См. также его отзыв на книгу А. М. Скабичевского "Беллетристы-народники" (Вестник Европы. 1888. №2).

¹³ Своего рода резюме затихшей дискуссии изложил П. Боборыкин в 1885 г. в "Revue Internationale" (статья "Культ народа в современной русской литературе"). С ним позже полемизировал Н. К. Михайловский в статье "П. Д. Боборыкин и его отношения к "Отечественным запискам" (Русская мысль. 1891. №72).

¹⁴ См. также: Мережковский Д. С. О причинах упадка и новых течений современной русской литературы; Крупчанов Л. М. Культурно-историческая школа в русском литературоведении. М., 1983.

Е. К. Мурешна

ЛИТЕРАТУРНО-ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ КАК СОЦНОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Проблема восприятия культурного наследия прошлого, механизма его освоения массовым сознанием посредством "оживления" различных форм эстетической культуры на страницах массовых периодических изданий требует комплексных методов подхода к себе, не ограничивающихся изучением культурно-образовательных и культурно-рекреативных функций журналистики или литературоведческим осмыслением отдельных фактов историко-литературного процесса.

На исходе XX столетия все большую актуальность и распространение приобретает историко-функциональное изучение литературы, ориентированное на изучение функционирования литературных произведений и репутации писателя в сознании как профессиональных реципиентов (ученых критиков, журналистов), так и непрофессиональных читателей. Рассматривая литературу в "меняющихся социокультурных контекстах ее восприятия"¹, мы пробуем оценить "сегодняшний" потенциал классического текста и значимость писательской судьбы для формирования современных представлений о человеческой личности.

Прояснению динамики литературных мнений и писательских репутаций во времени может способствовать изучение жанра литературно-юбилейной статьи - одного из наиболее массовых и популярных видов "культурно-просветительного" общения с читателями. Этот жанр утвердил свое право на существование всей логикой развития советской прессы, но еще не стал предметом специального научного рассмотрения². Для современного исследователя он представляет несомненный интерес в силу средоточия в себе фактов не только историко-литературного плана, но и широчайшего спектра социокультурных, политических, нравственных и психологических свойств послеоктябрьской эпохи.

Анализ широкого пласта центральных и провинциальных газет 1930-1980-х годов, а также последующего периода начала 1990-х позволяет уточнить и классифицировать типологические признаки, характерные для функционирования сформировавшейся в XIX и укрепившейся в XX веке литературной формы. Нам предстоит понять функциональное значение этого жанра в процессе культурного развития и выяснить роль литературоведческой науки в его становлении и канонизации. Последнее положение актуально в связи с тем, что, в данном случае, в роли автора газетной публикации выступает ученый-филолог. В текстовом пространстве литературно-юбилейной статьи историк литературы является журналистом и литературным критиком одновременно, становясь гарантом существующей литературной нормы и получая статус своеобразного "попечителя"⁴ вкусов. Цель его выступления - воздействовать на современное общественное мнение и нравы, способствовать их укреплению в соответствии с существующими в данном обществе социально-нравственными идеалами.

Как известно, в основу определения критериев различения художественных жанров положено заключение М.М.Бахтина о жанре как "представителе творческой памяти в процессе литературного развития", который "возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра"³. Конструктивная повторяемость элементов содержания и формы придает устойчивость как жанрам собственно-художественным, так и жанрам литературно-критическим, критерии различения, сама логика систематизации которых исходит из "природы данной творческой деятельности, а также из общественного бытования и функционирования литературно-художественной критики"⁶. Многие исследователи признают правомерность включения литературно-художественной критики в систему публицистических форм в структуру публицистического творчества.

Жанровое своеобразие критической статьи определяется прежде всего ее функцией и стилиевой интонацией, что позволяет современным исследователям выделять в качестве самостоятельной жанровой разновидности юбилейную статью. Будучи обязательно связана с какой-либо знаменательной датой, она

функционально сосредоточена на изложении позитивного вклада данного художника в культуру или подчеркивает значение данного историко-художественного события⁷. Несмотря на верность отдельных замечаний о жанре юбилейной статьи, в частности, указания на "тяготение" ее интонации к научной речи, углубленность в специфику типологических особенностей этой формы в нашем литературоведении видится недостаточной.

Связано это и с зыбкостью обозначения самого объекта исследования в сложившемся делении критических жанров⁸, поскольку статья /как критический жанр/ в целом ориентирована прежде всего на изучение литературного процесса, а не жизни и творчества отдельного автора, исследование которого предполагается в другом основном жанре-творческом портрете, где на первый план выступает индивидуальность художника, его творческий облик. При этом выявление своеобразия мировосприятия и творческой манеры художника здесь проявляется в разных диапазонах жанра творческого портрета. - от биографии к очерку творчества (биографический очерк, критико-биографический очерк, очерк творчества) как основных жанровых разновидностях, функционирующих в периодике. На наш взгляд, литературно-юбилейная статья находится на стыке двух основных жанровых типажей - статьи и творческого портрета, являясь самостоятельной и устойчивой формой газетной публицистики.

* * *

Основная функциональная значимость литературно-юбилейной статьи, обретающей право на возникновение и бытование в строго означенный момент исторического развития, в культурологическом аспекте связана с функцией напоминания и восходит к категории памяти.

Поскольку "культура" в соответствии с присущим ей типом памяти отбирает из всей массы "сообщений" лишь то, что "подлежит включению в коллективную память"⁹, интересен сам механизм выбора "парадигмы того, что следует помнить (т.е.хранить), а что подлежит забвению"¹⁰.

Думается, динамику развития жанра литературно-юбилейной статьи как реального текстового воплощения предложенной Лотманом парадигмы "памяти - забвения" можно понять, исходя из соотношения двух начал мифологического сознания: 1/мифологизации как "создания наиболее семантически богатых, энергетичных и имеющих силу примера образов действительности"¹¹ (означенного в искомом жанре прежде всего в 1930-1980-е годы); 2/демифологизации как "разрушения стереотипов мифологического мышления, утративших свою подъемную силу"¹² (заявившего о себе прежде всего с конца 1980-х годов), - в их постоянном взаимодействии и взаимоотталкивании.

В рамках расследуемой жанровой формы мифологизация служит прежде всего задачам популяризации, утверждению некой хрестоматийности, азбучности, способной войти во всеобщее сознание. Системный анализ литературно-юбилейной статьи позволяет прояснить границы мифотворчества и точнее выявить при этом собственно смысловое ядро писательского наследия.

Подразумевая под мифом не только некий жанр словесности, но определенное представление о мире можно говорить, что мифологическое мироощущение выражается и на уровне повествовательного ряда¹³, и в форме самого "действия" - ритуала обращения к создателю художественного текста как носителю высокой духовности.

Каковы возможности пространства, определяющего условия реализации и актуализации мифопоэтического начала не только на уровне существования в коллективной памяти классического художественного текста, но и на уровне бытования писателя "художественного" - творца текста - в сознании последующей эпохи как "ярчайшего образа персонификации пространства"¹⁴? Для осмысления этого необходимо соотносить понятие творца, становящегося "культурным героем" в процессе мифотворчества, с представлением о его биографии.

На газетной полосе биография как жизнеописание, посвященное выдающемуся деятелю литературы и приуроченное к юбилейной дате, становится активной формой конструирования общественного сознания. Такое жизнеописание приобретает (наряду с оттенками научности, художественности и т.п.) популярный характер, хотя, как и всякая другая биография "на основании фактического материала она дает картину жизни человека, развития его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи"¹⁵. Если в книгоиздательской практике XX века писатель обретает закрепленное право на биографию в биографической серии "жизнь замечательных людей", основанной М.Горьким в 1933 году, а в дореволюционный период (1890-1907гг.) - в биографической серии Ф.Ф.Павленкова, или в жанре научной биографии, адресованной более узкому кругу специалистов-гуманитариев, то в практике периодической печати такому "оживлению" в массовое сознание способствует литературно-юбилейная статья: в XX столетии именно журналистика благодаря широкому развитию системы информационных каналов делает культуру доступной для самых широких кругов населения.

Размышляя о праве человека на биографию, Ю.М.Лотман указывал на то, что "понятие биографии писателя не извечно, а обладает исторической и биографической конкретностью"¹⁶. Применительно к нашей теме чрезвычайно интересны рассуждения ученого о том, что "при всей разнице между идеальным жизнеописанием средневекового святого, состоящем из набора топиков, и биографией нового времени, описывающей неповторимо-личные черты человека, между ними есть нечто общее: из всей массы людей, жизнь и деяния которых не делаются предметом описания и не вносятся в коллективную память, выбирается некто, имя и поступки которого сохраняются для потомков"¹⁷.

Общность в типах поведения, обретающих право на биографию человека средневекового и новой эпохи, Лотман видит в том, что "в обоих случаях человек реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некоторую трудную и необычную, "странную" для других и требующую от него величайших усилий"¹⁸.

С учетом выдвинутых положений анализ газетного материала позволяет предположить, что литературно-юбилейная статья как жанр краткого жизнеописания писателя во многом восходит к древнерусской традиции житийной (агиографической) литературы. Эту общность можно проследить и на уровне текстовой организации, и на уровне функционирования.

Житие было одной из самых "популярных" на Руси массовых форм пропаганды нового христианского нравственного идеала¹⁹. Последующий газетный жанр отличался известной устойчивостью в советской прессе прежде всего благодаря возможности своего бытования в качестве массовой формы пропаганды идеалов советской эпохи. Более того, ритуалу чтения жития во время богослужения в церкви (как некоем наиболее авторитетном "случке" средне-

векового пространства) в известном смысле можно уподобить перемене торжественных заседаний по случаю юбилейной даты того или иного Поэта в Колонном зале Дома Союзов или Кремлевском Дворце Съездов (этого "храма" советской эпохи) с последующим воспроизведением юбилейного Слова на страницах прессы. Внедрение жития в практику индивидуального чтения не только монахов, но и мирян аналогично приобщению к чтению "жизнеописаний" на страницах массовой печати не только узкого круга историков литературы, но и "всего трудового" народа".

На страницах житийной литературы создавался и "окружался ореолом благочестивой легенды идеал русского инока-подвижника, посвятившего себя служению богу, то есть нравственному совершенствованию, освобождению от низменных порочных страстей, служению высокой идее гражданского долга, справедливости, общественного блага"²⁰. Определенные параллели можно провести здесь с процессом мифологизации облика русского писателя, посвятившего себя тому же "служению высокой идее гражданского долга, справедливости, общественного блага".

Сложившиеся в Древней Руси каноны различных типов житий также можно проследить в процессе мифологизации "культурного героя" двух последних столетий. Так, например, отголоски мученического жития явно прослеживаются в мифологизации облика Чернышевского и Добролюбова, а многочисленные эпизоды нравственных исканий Л. Толстого в современном газетном жизнеописании тяготеют к традициям исповеднического, отчасти святительского жития. В современной мифологизации Гоголя улавливаются следы преподобнического жития (ранние размышления героя о бренности жизни, отказ от брака, преодоление различных бесовских искушений, предсказание срока своей кончины). В газетной интерпретации судьба позднего Карамзина, посвятившего себя созданию "Истории государства российского", почти сознательно затворившего себя в Остафьево, неосознанно приближена к житиям столпников, а в облике Помяловского явно просвечивают черты, типичные для героя жития "Христа ради" юродивых.

В любом из этих вариантов целью жития остается создание "похвалы герою", прославление его деяний, сотворение образа идеального героя, который служил бы (пусть и недостижимым) примером и образцом для подражания. Рассматриваемый нами жанр удивительно точно "копирует" указанную "сверхзадачу" и, более того, постоянно выявляет ее на текстовом уровне в качестве завершающего компонента статьи²¹.

Основную цель литературно-юбилейной статьи как жанра газетной публицистики следует усматривать не просто в дежурно-хронологической приуроченности к круглой дате, но в самом высоком функциональном наполнении или даже нафосе такой статьи, где дается не только описание жизни героя (свойственное биографии), но наблюдается явное прославление героя (основная идея житийной литературы) в рамках нормирования и канонизации представления о классическом как синониме современного, насущного, необходимого в культуре нового времени.

Еще Нестор в житии Феодосия Печерского (кон. XIV в.) постоянно ссылается на устные рассказы "самовидцев", окутывавшие живой человеческий образ "дымкой творимой благочестивой легенды"²². Занятельности и достоверности современной статьи способствует привлечение автором устных и письменных

свидетельств современников писателя, воспоминаний мемуаристов, способствующих формированию мифа новой эпохи в том или ином "культурном герое".

Бытование личности писателя в контурах литературно-юбилейной в советскую эпоху почти однозначно предполагало приоритет общественно-политической биографии писателя над его собственно литературным творчеством, когда "требованием" писателя подвижничества и даже героизма²³ стало входить в нормированное представление о писательской судьбе.

Если в культуре послепетровской России "писатель занял то место, которое предшествующий этап отводил святому-проповеднику, подвижнику и мученику"²⁴, то в советскую эпоху облик писателя преломляется в свете нового представления о революционере-борце. Мученичество, подвижничество, естественно, предполагается, но оно окрашено новым содержанием богоборчества и борьбы за истину. При этом на уровне архетипического литературная деятельность уподобляется битве, а слово - оружию в борьбе за светлое будущее²⁵.

В контексте данных стереотипов эпохи рыцарски монашеское служение истине позднего Гоголя не может найти себе достойной реализации в типаже литературной биографии советской прессы, всячески подчеркивающей ошибочность позднего моралистического периода жизни Гоголя, связанного с "Выбранными местами из переписки с друзьями"²⁶.

Если возможно говорить о некоторой общности древних и новых текстов на уровне текстовой организации и функционирования, то здесь наблюдается явное различие в отношении того, кто эту биографию пишет. Наряду с "сомненным биографом в своем праве"²⁷ на жизнеописательную деятельность происходит некая абсолютизация этого права в советскую эпоху, даже уверенность в непогрешимости своего приговора (вероятно, в силу однозначности политической ориентации автора статьи в авторитарном режиме), означенная уже на уровне громко-графаретного названия статьи, предлагающего читателю скорее "памятку" для заучивания, нежели информацию к размышлению.

Уровень административного поручения (срочное создание письменного сообщения к определенной дате) устраняет возможный уровень сомнения в сказанном. Идеологическая "сознательность" автора статьи при достаточном уровне демократизма литературного юбилея служила гарантом публикации в газетной прессе вплоть до конца 1980-х годов.

Итак, литературно-юбилейная статья наряду со следами житийности несет в себе качества, определяемые прежде всего не культурологическим, а социально-политическим запросом (соцзаказом), хотя этот момент также может быть связан со спецификой взаимодействия автора и аудитории в средствах массовой коммуникации не в узко-политическом, а широком культурном контексте осмысления.

На разных этапах развития литературы по-разному складывались взаимодельственные отношения автора (создателя) текста и его реципиента. Говоря о "горизонте ожидания" читателя в древних литературах, близких произведениям фольклора, утверждавшим коллективные ценности, можно сказать, что "памятения писателей, творивших в русле устойчивой традиции, следовавших избранному жанрово-стилистическому канону, и ожидания читателей (слушателей), как правило, более или менее совпадали. Уважение аудиторией канона ... было залогом успешного функционирования произведения"²⁸. Именно канон, "должное и священное, ищущееся и прославляемое и требующее

неограниченного повторения"²⁹, цели средневековой любитель житий в одном из самых распространенных жанров древнерусской литературы.

Мифологизация духа коллективизма в историко-культурном контексте советской эпохи сопутствовал жанрово-стилистический канон литературно-юбилейной статьи, "облегчающий взаимодействие и контакт разных культурных эпох посредством газетной полосы, системы радиовещательных, а позднее и телевизионных каналов, закрепляющий авторитет государства и стимулируемую им систему ценностей в избираемой им иерархии.

Так как журналистика в XX столетии становится мощным идеологическим и культурологическим средством, литературно-юбилейная статья, соответствуя этим задачам, призвана внедрить в массовое сознание необходимое для продвижения вперед представление о культуре прошедших эпох. При всей высоте патетики, графарианство пафоса и отсутствие истинного лиризма приближает такую статью к жанрам ораторской речи. Предназначенная для зрительного восприятия, статья эта тем не менее не располагает к задушевности общения, к тихому произнесению "про себя". Она словно "разит" читателя своим громким словом, привнося ощущение "государственного вещания", "дикторского" слова. И в этом опять можно усмотреть следы "житийности" в развитии современного жанра, поскольку еще М.М.Бахтин отмечал значимость "громкого слова" средневековья: "Роль звука, роль громкого слова в бытовой и культурной жизни эпохи была громадной, - она была несравненно большей, чем даже теперь - в эпоху радио"³⁰. "Человеком уха" называет средневекового человека и известный канадский социолог М.Мак-Люэн³¹ в своей на шумевшей концепции, абсолютизирующей роль средств массовой коммуникации в типологии культуры, где, в частности, проведена аналогия между господством устной речи в старину и средств массовой коммуникации в современном мире.

* * *

Обращаясь к литературно-юбилейной статье как своеобразному "житию" советской эпохи, интересно проследить соотношение внетекстовых качеств газетного текста с его текстовыми параметрами в самых широких их проявлениях, затрагивающих и проблемы взаимоотношений автора, героя и читателя, и вопросы, связанные с композиционно-стилистической моделью жанра.

В этой связи особо важной становится проблема источника информации с точки зрения профессиональной, правовой, этической. Кто выступает автором литературно-юбилейной статьи, каковы его права на предоставление информации читателю, каковы его возможности в области интерпретации фактов и их подборе в рамках массовой популяризации "культурного героя", в самом процессе мифологизации?

Анализ массовых провинциальных изданий позволяет заключить, что автор газетного жизнеописания (особенно 1930-1950-х гг.) поразительно неиндивидуален. Даже большой ученый "теряет" свою филологическую основательность и становится прежде всего представителем конкретного социума, отражающим яснее всего общественно-политическую, социальную сущность данной человеческой общности. Газетная полоса как бы нивелирует его ученый статус и почти никогда "Слово о поэте" не становится неповадным. Возведению "культурного героя" на пьедестал способствует не уровень персональной человеческой снаниати автора статьи, а следование уровню индивидуального

института власти, контролирующего абсолют непререкаемого авторитета, "политизированного мифа".

В целом ощущается известный прагматизм в освещении факта, при котором знания автора о факте не преобразуются в форму его личного мнения. Однообразие клише, набора конструкций и устойчивых определений о "трудном детстве" героя и его "борьбе" "за ... и против ..." почти исключает или значительно ограничивает возможность "доращивания" образа героя в сознании читателей, хотя несомненно способствует возникновению качественно нового знания. Заблаговременный редакционный заказ на подобные статьи обеспечивает их определенную логическую стройность и композиционную выверенность, но, как правило, в то же время, приводит к заштампованной накачанности формулировок в интерпретации писательской биографии, стандартизированной как в сюжетно-композиционном, так и в стилистическом плане³². Ответствие эскирмта, гарантия выверенности связана и с особенностями газетного редактирования, долгие годы связанного с практикой редакторского упрощательства³³. С другой стороны, именно каноны литературно-юбилейной статьи в 1960-80-е годы позволяли истинному служителю науки высказать свое заветное слово о писателе-классике благодаря широким возможностям формы такой статьи, соединяющей в себе все главные типы творчества, используемые в журналистике - публицистический, научный и художественный.

Композиционная модель жанра не претерпела сильных изменений в текстах центральной и местной печати 1930-1980-х годов: обязательно присутствие календарной шапки в форме заголовка и подзаголовка, а также приложение портрета "культурного героя", как бы приглашающего "взглянуть в лицо"³⁴. Дополнительным элементом концентрации читательского внимания на календаре может служить первый абзац, начинающийся со слов: "Сегодня исполнилось ...". В финале статьи несмотря на стандарт итогового выхода в "современность", создающего иллюзию открытости, незамкнутости текста, реально предлагается "закрытость" темы, обсуждению не подлежащей. Происходит блокирование предлагаемой информации в данных параметрах приобщения к "высокому" при общей установке на ослабленную креативную функцию читателя.

Логика авторского рассуждения движима осознанием конфликта писателя и общества, усиливающим драматизм повествования. В естественных контурах мифогенности ореол мученичества создается буквально с первых строк текста, как например, в статье к 100-летию со дня смерти А.Н. Плещеева: "Судьба уготовила Алексею Николаевичу Плещееву тяжелейшие испытания. Он сумел выдержать их, не сломаться и, более того, жить, вселяя надежду на лучшее в других..."³⁵. При всей патетике подобного вступления оно носит явно абстрагированный характер. Такое начало "применимо" почти к любому "культурному герою", портрет которого было возможно увидеть на страницах юбилейной прессы.

Функция напоминания не только календарной даты, но и некоего, отчасти существующего в менталитете нации знания, вероятно, связана с "наличием определенной общей памяти адресанта и адресата"³⁶. При этом юбилейная статья приобретает характер "официального текста", конструирующего абстрактного собеседника. Обращенность ко всем представителям данного государственного коллектива подчеркивается и самим текстом - известным клише "каждому из нас дорого имя ...". Для прессы 1930-1950-х годов особенно характерно воспитание

не читателя-друга (интонацию доверительного разговора с читателем можно будет "почувствовать" с конца 1970-х годов, например, в газете "Комсомольская правда"), но читателя ведомого, безусловно подчиненного автору.

Для статей этого периода характерно последовательное включение в текст читательской аудитории: "Вся советская общественность, весь советский народ...". Элемент узнавания себя и некая иллюзия приобщенности читателя к последующему информативному полю благодаря такому зачину определяют интонацию возможного контакта несмотря на известную сухость штамповопределений в характеристике "культурного героя". В то же время "привычность" языкового поведения журналиста-филолога делает статью доступной восприятию любого представителя данного социума в условиях практикуемого всеобщего школьного образования.

Сейчас уже очевидно, что информативная ценность данных текстов, определяемая изменившимся семиотическим уровнем нового читательского поколения, претерпевает тенденцию к понижению. Кроме того, здравая рассудочность юбилейных статей 1930-1950-х годов делает их во многом невозможными для серьезного восприятия современным читателем не с точки зрения фактологии, но в силу особой лексической заданности в дидактизме установок на высокую гражданственность и революционную сознательность. В новых пространственно-временных ориентациях постперестроечного периода эти реалии приобретают отчасти гротесковый характер, превращая героико-трагедийный текст в фарсовый абсурд.

Обращает на себя внимание свойственное жанру несоответствие иллюстративного материала временному ракурсу изложения. Так, повествование о деятельности Льва Толстого 1860-х годов как авторе "Войны и мира" почти всегда сопровождается "старческим" портретом более позднего периода, ставшим своеобразным газетно-иллюстративным клише, - также устойчивый элемент, способствующий мифологизации писателя.

Склонность к мифологизации отчасти была заложена в самих биографиях писателей XIX столетия на уровне ореала самозречений об их высоком предназначении ("Слух обо мне пройдет по всей Руси великой..." Пушкина или "Я совершу..." Гоголя)³⁷, щедро цитируемых во всех источниках информации. Однако первичным фактором в процессе мифологизации русского писателя в советскую эпоху остается соответствие его биографии и творчества социально-политическим запросам времени.

Учитывая, что "на бытование критики в периодике самым непосредственным образом влияют качества, присущие средствам массовой агитации и пропаганды"³⁸, функциональная заданность литературно-юбилейной статьи приобретает вполне определенную направленность. Власть как активно действующая надличная сила, узаконивающая свод предписаний и запретов, реализует себя в речевой практике современного ей общества, в том числе и в газетной практике средств массовой информации. Литературно-юбилейная статья как одно из типичных проявлений подобной "дискурсивной практики" закрепляет в себе достигнутый к данному времени уровень "культурного знания", образуемого из "дискурсов" различных научных дисциплин, как-то: филология, философия, эстетика, социология, политология. С другой стороны, маскировка под видом "воли к знанию" логичной "воли к власти"³⁹ предопределяет невозможность полноценной реализации достигнутого к этому моменту развития уровня культуры и обращивается лишь претензией на научную истину.

В формировании репутации того или иного писателя учитывается безошибочно-строгое соответствие отбираемых для публичного осмысления фактов биографии существующим на данном этапе общественным идеалам. При отборе информации, предназначенной для газеты, автор-филолог ориентируется не столько на сложившийся тип отношения к данному "культурному герою" в науке и уровень объективно существующей научной информации, сколько, на социально-политическую ситуацию в стране поэтому можно уловить проявление определенного публицистического смысла в самой компоновке фактов и материалов при общем стереотипе набора биографических вех писателя.

Очень часто жизненно-социологические истоки творчества выходят на первый план, и эстетический уровень бытийности художественного текста (например, реалистическая манера гоголевского повествования) объясняется лишь общественно-социальными установками писателя на "искусство истинно народное", "общественно активное". Происходит также и изначальное сужение значимости деятельности писателя как художника, поскольку его судьба рассматривается прежде всего как "ярчайшая и правдивейшая" иллюстрация к русской истории XIX столетия.

Некое раздвигание горизонтов околотекстовых связей вокруг героя и его творений происходит за счет почти обязательного, но не всегда оправданного, зачастую поверхностного введения писателя в контекст развития многонациональных литератур.

Общая публицистичность выводов статьи ориентирована на обязательное истолкование художественного произведения как актуального факта общественной жизни, так как "те или иные явления искусства привлекают внимание прессы тогда, когда они представляют несомненный общественный интерес"⁴⁰. Но если 1920-е годы были отмечены яркими юбилейными статьями А. В. Луначарского⁴¹, то, начиная с 1930-х годов, литературно-юбилейная статья начинает приобретать графарино-канонизированный характер что позволяет говорить о явной устойчивости и узнаваемости типологии этого жанра в прессе последующих десятилетий. "Непрерывный социально-обусловленный процесс идейного воздействия"⁴² периодически осуществляется в эти годы и посредством функционирования всех без исключения типов газетных изданий, включая детскую и молодежную прессу⁴³.

В отличие от научного исследования, специфика литературно-юбилейной статьи предопределена изначальной демонстрацией беспроblemности, убежденностью аргументов, уверенным тоном изложения, отсутствием гипотетичности при наличии однозначности прогноза: "на века". Происходит как бы закрепление права на классическое или мифа о русском классике.

Отклонением от нормы можно считать появление эссе, в большей степени "авторского жанра", которому свойственно переключение внимания с объекта рассуждения (в данном случае - "культурного героя") на субъект (автора Слова о Герое), что предопределяет иной ритмический рисунок и на уровне композиции, и на уровне стиля, и на уровне взаимодействия: автор - культурный герой - читатель.

Литературно-юбилейная статья как "ненаучный" тип издания отличается узаконенностью "глухих" ссылок на устоявшиеся авторитеты, что также не способствует активизации читательского сознания. Отсутствие ссылок на источник информации отделяет этот жанр от жанра научно-биографического очерка или профессионально оформленного литературного портрета. Хотя в

газетной практике встречались случаи серьезных, авторитетных, значительных и по объему, и по текстовым параметрам, публикаций известных ученых-филологов к юбилейным датам⁴⁴.

В целом, говоря о динамике развития жанра литературно-юбилейной статьи, можно заключить, что форма развивается в направлении от биографии писателя (скорее не литературной, а общественно-политической, в случае несоответствия которой задачам эпохи либо не предполагается факта обращения как такового, либо создается мифологическое клише) к литературному портрету (конец 1970-начало 1980-х годов). При этом допустимо существование собственно эссе как высказывания поэта о Поэте (и на ранних стадиях развития советской прессы, и в ее постперестроечный период). Один из распространенных типов культивации общественного сознания с помощью газетной полосы связан с частым обращением к "тотальному" способу литературно-юбилейной публикации в виде масштабной страничной подборки или снежполюсы к юбилею.

Тенденция к включению юбилейных жизнеописаний в контекст газеты в современном литературно-критическом процессе приобретает несколько иную жанровую форму, происходит трансформация и авторской нацеленности на контакт с читателем (в условиях жесткой конкуренции СМИ), и поля читательского ожидания, стремящегося к поиску новых акцентов в осознании знакомой информации, и к получению новых фактов, поступающих из литературоведческой науки.

* * *

Понимание специфики литературно-юбилейной статьи связано с поиском ответа на изначальный для становления этого жанра вопрос: что способствует возникновению и канонизации самого представления о "культурном герое" или каков механизм превращения исторической личности, жившей в координатах старого времени, в "культурного героя" нового, настоящего времени? В чем причины возникновения своеобразного мифического ореола и ритуала⁴⁵ поклонения потомков представителю предшествующих эпох? Это вопрос о "культурной актуальности". Как меняется научное, журналистское, читательское сознание в переходах от идеализации одного культурного явления к другому? Какова мера чуткости журналиста (или выступающего в его амплуа историка литературы) к запросам современного ему культурно-исторического, религиозно-нравственного, психоментального комплекса с точки зрения обращения к культурной памяти нации? Где пределы возможностей для реализации субъективных творческих планов в средствах массовой информации?

Своеобразной иллюстрацией к ряду этих вопросов может служить факт почти полного отсутствия в 1930-1970-е годы юбилейных материалов, касающихся культуры декаданса (как отголоска мифа индивидуализма в эпоху всеобщей мифологизации духа коллективизма) и последующий резкий всплеск в выдвигании фигур Карамзина, Соловьева и Ключевского (на грани нового массового "умпомешательства") после 1987 года - "на волне перестроечного мифа с спасительной роллю Исторической Правды"⁴⁶.

В жанре литературно-юбилейной статьи ярчайшим образом высвечивается степень созвучия личности "культурного героя" динамике каждого нового культурного слоя. Современем меняются акценты в мифологизации одного и того же героя, так например, прагматический дух эпохи 1990-х годов привел к продуктивному переосмыслению теории "разумного эгизма" Чернышевского.

создав новые предпосылки для развития структуры мифопоэтического в отношении к его художественного творчества.

Вопрос об актуализации и деактуализации в общественном сознании фигур прошлого, - это, по сути, вопрос о "мифологизации" и "демифологизации" в их едином стремлении "к поддержанию максимальной возможности связи человека со сферой бытийственного, открываемого живым словом"⁴⁷.

Если в отношении советской эпохи правомерно говорить о своеобразной деактуализации креативной памяти искусства, когда из "толщи текстов" выбирались лишь необходимые, допускаемые на "корабль современности", то, с другой стороны, стоит учитывать и происходящий в те годы процесс актуализации авторитета русского писателя-классика XIXв., даже сквозь канву социально-политических мифологем сияющего светом истинной гуманности моральной чистоты и глубокого патриотизма.

Период как бы "тотальной демифологизации" конца 1980-х - середины 1990-х годов, характеризующийся разрушением классического стереотипа о русском писателе-страдальце, борце за правду народную, сопровождается вовлечением читателя в поток "закрытых" прежде имен. Изобилие и одномоментность появления их в коллективной памяти привело к непредсказуемой стертости истинного интереса к ним, к новому шаблону массового восприятия, связанного с модой на "немой" набор имен: Булгаков, Ахматова, Бродский, - а благодаря скоротечности и доступности поступаемой информации - к эффекту опять же демифологизации. Все это, к сожалению, приводит к ценностным дезориентациям общества и молодого поколения в целом, к отказу от приоритета художественного чтения как такового в эпоху глобальной компьютеризации и развития мультимедиа.

Вместе с тем, как это ни парадоксально, официализация русских классиков в Программах всеобщего школьного образования и на страницах периодической печати породила национальный негативизм в масштабах реальных читательских запросов всей страны, некий "культурный обвал", приведший к повальному увлечению массовой культурой.

Потеря идеала, вероятно, должна восполниться появлением нового "культурного героя" (или старого - в новом освещении), и одна из задач средств массовой информации способствовать воссозданию истинно гуманных ценностей и выборе своих ориентаций. Несмотря на все издержки политизации, советская эпоха в литературно-юбилейной статье в своей обращенности к писателям XIX века закрепила право на существование в массовом сознании истинно высокого героя. При всех проявлениях "авторитарности" обществу было необходимо позитивное восприятие культуры прошлого, и в процессе формирования определенного менталитета, специфического способа мировосприятия и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире, литературно-юбилейная статья сыграла свою значительную роль. Многоосложность, многоступенчатость восприятия подобных публикаций усиливалась самой спецификой бытования жанра в стимулировании положительного идеала, - многократным неиспользованием юбилейных вырезов учителями на уроках литературы, при подготовке специальных выставок в библиотеках, музеях, Домах культуры и других реалиях доперестроечной культуры.

Современные средства массовой информации, пропагандируя по преимуществу гедонистическое отношение к жизни, закрепляют состояние бездумного, потребительского отношения к искусству. Современная эпоха

“недоверия к метарассказам”, стремление не узаконить, не легитимизировать знание, а лишь “драматизировать наше понимание кризиса”⁴⁸, видоизменяет представление о классическом как насущно-необходимом нынешнему читателю срезе культуры.

Однако расколотовость общественного сознания при сложившемся плюрализме мнений обостряет осознание необходимости существования в стране некой общей государственной идеи, поскольку для продвижения вперед государство должно обладать идеологией. Интеллектуализация массового сознания в осмыслении историко-литературных фактов прошлого и современности должна озаряться светом как социально-политических, гражданственных, так и нравственно-эстетических начал.

Жанр литературно-юбилейной статьи, обретающий ныне новые формы существования в практике журнальной и газетной прессы, мог бы во многом коррегировать представления будущих читателей о соотношении духовных и материальных ценностей в жизненном пространстве XXI столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Масловский В. И., Хализев В. Е. Историко-функциональное изучение литературы // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 138.

² В книге В. И. Баранова, А. Г. Бочарова, Ю. И. Суровцева “Литературно-художественная критика” (М., 1982) речь идет о выделении как отдельной жанровой разновидности юбилейной статьи. В нашем случае объектом юбилейной статьи становится деятель литературы (писатель или критик) и созданные им литературные творения (художественные или критические тексты), поэтому мы называем такую статью литературно-юбилейной.

³ Особенно пристально нами были рассмотрены материалы связанные с юбилеями Н. В. Гоголя (1809-1852)-(1934, 1949, 1952, 1959, 1984) и Н. Г. Чернышевского (1828-1889)-(1928, 1939, 1953, 1978, 1989гг.), а также А. С. Пушкина (1799-1837)-(1949гг.), М. Ю. Лермонтова (1814-1841)-(1964), Н. А. Некрасова (1821-1877)-(1946, 1971), М. Е. Саятыкова-Щедрина (1826-1889)-(1951, 1976), Н. А. Добролюбова (1836-1861)-(1986), Н. С. Тургенева (1818-1883)-(1968), Ф. М. Достоевского (1821-1881)-(1971), Л. Н. Толстого (1828-1910)-(1978), хотя это не исключало обращения и к другим именам писателей и критиков XVIII-XIX веков.

В работе с периодикой наряду с фондами Научной библиотеки Саратовского госуниверситета мы пользовались фондами Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского хранящего богатое собрание газетных вырезок с начала 1920-х по 1991 год.

⁴ Восприятие литературного критика как “попечителя литературной нормы” было предложено в работе Ф. Водички “История литературы, ее проблемы и задачи” (см. об этом: Дранов А. В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): Концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 130).

⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 178-179.

⁶ Баранов В. И., Бочаров А. Г., Суровцев Ю. И. Литературно-художественная критика. С. 139.

⁷ Там же. С. 161.

⁸ О делении критических жанров по объекту исследования (произведение, автор, процесс) и выделении в связи с этим трех опорных жанров (рецензия, творческого портрета, статьи), внутри которых группируются жанровые разно-

видности. см.: Баранов В.И. и др. Указ. соч. С.138-170. См. также: Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики: Жанры, композиция, стиль. Л., 1930.

⁹ См.: Лотман Ю.М. Текст и полилогизм культуры //Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Таллинн, 1992. Т.1. С.143.

¹⁰ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении //Лотман Ю.М. Указ соч. С.201.

¹¹ Топорова В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ.: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С.5.

¹² Там же.

¹³ Аверинцев С.С. Мифы //Литературный энциклопедический словарь. С.22.

¹⁴ По терминологии В.Н.Топорова. См. указ.соч. С.5.

¹⁵ Биография //Литературный энциклопедический словарь. С.54.

¹⁶ Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте: К типологии соотношения текста и личности автора //Лотман Ю.М. Указ соч. С.365-366.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кусков В.В. Литература высоких нравственных идеалов //Древнерусские предания (XI-XVI вв.). М., 1982. С.6. (Серия "Сокровища древнерусской литературы").

²⁰ Там же.

²¹ См.: например, финал статьи И.Щианова "Великий русский мыслитель и революционный демократ: К 120-летию со дня рождения Н.Г.Чернышевского": "Советский народ высоко чтит память Н.Г.Чернышевского, жизнь и деятельность которого является могучим воодушевляющим примером для советских людей в их великой борьбе за победу коммунизма" (Известия. 1848. 24 июля).

²² Кусков В.В. Указ.соч. С.9.

²³ Ср.: Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте //Лотман Ю.М. Указ.соч. С.374.

²⁴ Там же.

²⁵ Подобная смысловая доминанта закрепляется уже на уровне самого заглавия литературно-юбилейной статьи, например: 1) Певец мести и печали: К 125-летию со дня рождения Н.А.Некрасова //Коммунист /Саратов/. 1946. 5 декабря; 2) Борец за счастье народа: 120 лет со дня рождения Н.Г.Чернышевского //Пионерская правда. 1948. 23 июля; 3) Пушкин в борьбе за русскую национальную культуру: К 150-летию со дня рождения А.С.Пушкина //Известия. 1949. 13 мая; 4) Бесстрашный гений: К 100-летию со дня смерти Н.В.Гоголя //Труд. 1952. 5 марта; 5) С бесшадным гуманизмом: К 150-летию со дня рождения Ф.М.Достоевского //Правда 1971. 2 ноября; 6) Поэзия сильного характера: К 150-летию со дня рождения Н.С.Никитина //Литературная газета. 1974. 2 октября; 7) Слово-орудие: К 150-летию со дня рождения М.Е.Салтыкова-Шchedрина //Коммунист /Саратов/. 1976. 27 января; 8) Подвиг художника: К 175- летию со дня рождения Н.В.Гоголя //Советская культура. 1984. 31 марта.

²⁶ Возможность параллельного существования в литературном пространстве гоголевской эпохи (точнее, представления об этом пространстве, - мифе) "нигилистического Виссариона" с его борцовской "безошибочностью" взгляда на Гоголя предопределила соответствующую "эталонность" трактовки этой темы для глянцевой печати, что в ином случае (при отсутствии столь яркого антинюда в разрезитивной литературно-биографической факта) могло бы стать лишь предметом

“умолчания”, а не “трактовки” в том или ином срезе литературно-юбилейного жизнеописания.

²⁷ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 367.

²⁸ Чернец Л. В. “Как слово наше отзовется...”: Судьбы литературных произведений. М., 1995. С. 9.

²⁹ Берман Б. П. Читатель жития: Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 160.

³⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М., 1965. С. 197.

³¹ См.: McLuhan M. Gutenberg Galaxy. N.Y., 1965; McLuhan M. Understanding. Media N.Y., 1966

³² Ср. с известным высказыванием Ролана Барта: “Мифу свойственно превращать смысл в форму” /Барт Р. Мифология. М., 1996. С. 257/.

³³ См.: Накорякова К. М. Литературное редактирование материалов массовой информации. М., 1994. С. 174.

³⁴ Об удивившемся еще в XIX веке обычае прикладывать портреты авторов к их сочинениям см.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 370.

³⁵ Саратовские вести. 1993. 7 октября.

³⁶ Ю. М. Лотман исходит из диалогической природы отношений, складывающихся между текстом и аудиторией: Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 161.

³⁷ Ср. с приводимым в юбилейной чеховской статье Н. Н. Скатовым изречением Томаса Манна: “... наше мнение о нас самих, несомненно, отзывается на представлении, которое другие составляют о нас” (Русская литература. 1985. № 4. С. 65).

³⁸ Баранов В. И. и др. Указ. соч. С. 187.

³⁹ По терминологии М. Фуко (См.: Ильин И. П. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение. С. 112-113).

⁴⁰ Баранов В. И. и др. Указ. соч. С. 187.

⁴¹ См.: Дуначарский А. Чернышевский как литературный критик // Правда. 1923. № 274. Дуначарский А. Гигант революционной мысли // Вечерняя Москва. 1928. № 273; Дуначарский А. Чернышевский как философ // Красная Татария (Казань). 1928. 31 июля.

⁴² Баранов В. И. и др. Указ. соч. С. 189.

⁴³ См.: например: Жданов В. Борца за счастье народа: 120 лет со дня рождения Н. Г. Чернышевского // Пионерская правда. 1948. 23 июля.

⁴⁴ См.: например: Покусаев Е. И. Великий русский демократ: К 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского: Критико-биографический очерк // Коммунист (Саратов). 1953. № 148. 155, 160, 161; Покусаев Е. И. Великий русский писатель: К 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя: Критико-биографический очерк // Коммунист. 1952. 12, 14, 16, 19, 21 февраля.

⁴⁵ Ср.: “Мир удваивается в ритуале, так же, как он удваивается в слове” // Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 143).

⁴⁶ Человек, который пережил конец света: Беседа карамзинистов за “Круглым столом” “НГ” // Независимая газета. 1991. 11 декабря.

⁴⁷ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 5.

⁴⁸ См. об этом концепцию французского теоретика постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара в кн.: Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 212-215.

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

А.А.Демченко

“ИСТОРИЯ 18 СТОЛЕТИЯ” Ф.ШЛОССЕРА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ 1858-1860 гг По неопубликованным цензурным материалам

Известный восьмитомный труд знаменитого немецкого историка стал достоянием русского читателя благодаря переводу, который был организован Н.Г.Чернышевским для целей “Исторической библиотеки”, издаваемой в качестве приложения к журналу “Современник”. В переводах участвовали Н.Г.Чернышевский (он же и редактировал издание в целом) А.Н. Пылин, Е.А. Белов, В.А.Обручев, Н.К.Михайловский, М.П. Веселовский, В.В.Бутузов, В.В.Марков, Умнов, Денина. История организации издания и характеристика содержания восьмитомника получили необходимое освещение в научной литературе¹. Однако за пределами публикаций до сих пор остаются цензурные изъятия, представляющие несомненный интерес как свидетельство тенденциозного подхода официальной идеологии к сообщаемым немецким ученым (и русскими переводчиками) фактам истории России и Западной Европы.

Мы располагаем сохранившимися в архиве Н.Г.Чернышевского несколькими неполными страницами цензурских корректур первого, второго и третьего томов перевода с правкой, произведенной Чернышевским².

Цензурское разрешение выхода первых трех томов датировано соответственно 5 марта, 21 сентября и 27 ноября 1858г. В авторском “Введении” к первому тому дано условное разделение всей истории 18 и первой половины 19 столетий на четыре периода. В первом периоде “Франция возвысилась и усилилась посредством правительственной системы, которая угнетала народ, между тем как двор и правительство блистали”: “Людовик XIV, - писал Шлоссер, - управляет государством военно-монархически”, он “собрал дворянство около себя и разорил его издержками, нужными при дворе” (С.10)³. Во втором периоде “езде государство должно было поддерживаться силой, и правительство не боялись праву и правдолюбности открыто предпочитать лукавство и непорочность, когда они служили к достижению их целей”. В результате в Европе “началась борьба с идеями, которые назло полиции, варварским законам и иерархии распространялись более и более и господствовали в высших кругах, между тем как виновники их подвергались преследованиям и распространение их в народе жестоко наказывалось”. По мнению историка, один Фридрих II, прусский король, “еще юношей уважал новое учение о совершенствовании, о быстром развитии, о промышленности и просвещении как заре дня совершенно новых прав” (С.11). Третий период характеризуется драматической борьбой нового учения со старой системой, “езде обнаружилась следы разложения, разделения, внутренней борьбы, везде столкновение противных желаний, прогресса и реакции, пока наконец новое начало во многих государствах одержало верх” (С.12). К четвертому периоду Шлоссер отнес эпоху падения “старой системы”, эпоху революций, когда, однако, революционными изменениями

"пользуются для централизации и уничтожения индивидуальности и национальности", восстановления "старого порядка вещей" и "тем приготавливают новые революции" (С.13-14).

Три первые тома "Истории" посвящены описанию первого, второго и третьего периодов.

Обследуемый материал связан с произведенными Чернышевским в соответствии с указаниями цензора В.Н.Бекетова исправлениями текста или с исключением из него отдельных фрагментов. Сначала рассмотрим случаи цензорского вмешательства в текст перевода всех мест, так или иначе связанных с Россией. С особой пристрастностью и осмотрительностью цензор подошел к границам, описывающим эпоху Петра I и Елизаветы. Характер изыятий и исправлений не нуждается в особом пояснении: все они связаны с критической оценкой Шлоссером (и переводчиками) образа правления русских самодержцев, обстоятельств их личной жизни и многих из приближенных к ним лиц.

Так, в первом томе из главы второй "Северная война. Начало русского военного могущества в Европа" вычеркнуто около 150 строк, посвященных военному союзу между Россией, Данией и Польшей и связанному с ним описанию тайной дипломатии Петра I. Далее произведены вычерки⁴ в следующем тексте: "Новая революция в Швеции при самом начале подтвердила старую истину, что [между всеми деспотическими правлениями] самое странное и гибельное есть аристократическая олигархия [потому что она может быть более продолжительна, чем демократическая, которая по своей природе может быть только переходною, а монархический деспотизм наконец сам себя изолирует].

Шведы скоро поняли, что олигархический деспотизм [так же] губителен [но гораздо более постыден, чем монархический]...

Жалкое правительство не в состоянии было защитить государство от [опустошений] русских, и [нападения варваров, свирепых, как хищные звери, лишили] многие тысячи шведов имущества". Исправляя этот текст, Чернышевский вынужден был после слов "тысячи шведов" вставить слово "лишились".

Замечной переработке подверглась в первом томе третья глава, в частности ее §3 "Россия, Польша, Скандинавия, Турция, Австрия до войны за наследство испанского престола". В рассказе о создании Петром I "новой державы" встречается фраза: "...[полусознательно, полубессознательно] он боролся с грубою природою грубыми средствами..." И далее: "[Хотя] Петр [часто бывал недоброжелателю своей супругою, но] что в случае смерти своей лучше верить правление ей, нежели ребенку, своему внуку Петру, сыну [несчастного] Алексея..." "[Что же касается Меншикова, то Петр был принужден жесточайшим образом наказывать его и других] Меншиков за различные злоупотребления подвергался многим неприятностям..." Целиком выброшен рассказ о расправах Петра I с лихоимцами: удары кнутом, вырывание ноздрей, ссылка на галеры. Исключена также следующая часть текста: "[Что касается последних спен в жизни Петра, очевидно свидетельствует, что Петр сам водил Екатерину к колу, на котором воткнута была голова Мусея. Толстой и Осекерман успели удержать императора от исполнения его строгих мыслей⁵, но Вильбуа опровергает часто повторяемый слух, будто Меншиков и некоторая другая высокая особа ускорили смерть императора, боясь его гнева].

Петр, как и его супруга, пережившая его только двумя годами, скончался вследствие расстройства сил: [Оба они разрушили свое здоровье, от природы крайне чрезвычайно крепким, потому что вели изнурительный образ жизни,

Потому нет нужды обвинять Меньшикова в том, будто он отравил их обоих, одного за другим, и без того лежат на нем большие преступления]. Петр умер в январе (1725) [так внезапно, что не имел времени распорядиться своим наследством. Потому Екатерина, Меньшиков и Ячужинский приняли свои меры и уже после того, собрав сенаторов, генералов и министров, объявили о кончине императора. Екатерина была всеми любима: Меньшикова, напротив, так ненавидели, что существовало желание провозгласить малолетнего Петра Алексеевича, лишь бы только не приобрел власти Меньшиков. Но Меньшиков как фельдмаршал имел за себя войско, а оно решает дела подобного рода в странах с таким устройством: потому провозглашена была Екатерина]. Почти все источники свидетельствуют, что дело решено было уверением престарелого Феофана, будто бы Петр незадолго перед кончиною назначил престол Екатерине. Быть может, епископ и содействовал результату, но вероятность вместе с положительными свидетельствами Гольштейнскою посланника Бассевича и адмирала Вальбуа уверяют, что Меньшиков с преданною ему твер]". Взамен всего этого последнего куска Чернышевский написал на полях фразу, которая и вошла в том переводе: "и на престол вступила Екатерина". О Петре I вычеркнуто и это: "[заставлял своих гостей пить водку по русскому обычаю, чтобы разузнать тайны своих вельмож и иноземных послов и потом поступить с ними сообразно узнанного. Но обычай этот около того времени отнял у него сына его от первого брака несчастного Алексея]"... Исключена фраза: "[Меньшиков соперничал с содвгтами в рабительстве и опустошении]". Зачеркнуты строки об оргиях, устраиваемых императрицей Елизаветой, - о них, по словам Шлоссера, "серьезная история не может говорить". Зачеркнута фраза, характеризующая весь первый период предложенной Шлоссером периодизации 18 столетия: "[...близко в то время граничили между собою бедность и безграничное расточительство даже при русском дворе]".

Во втором томе целиком изъят текст о Петре III, который "со своими добродетелями" "был презрен, обманут, умерщвлен".

Не менее круто цензура обошлась и с третьим томом.

О времени правления Петра I победившего шведов: "С этой минуты [русский деспотизм и военный гнет начал угрожать всем соседним странам и народам] русские получили решительный перевес перед всеми соседними странами и народами: все служило к внешней величии и блеску [правилия грубого, но сильной славянского] племени, которое Петр [насилно] одевал в одежду цивилизации".

"Преобразовано было все, платье, жилища, обхождение, жизнь [и Петр вовсе не задумывался о выборе средств для достижения своей цели; ни во время своей юности не получил понятия о правилах справедливости и нравственности и о моральном порядке вещей, ни впоследствии он не имел времени, случая и охоты определить для себя эти понятия. Осуждение сына от первого брака, жестокие поступки с разведенной супругой, матерью этого сына, ее заточение, свирепое наказание его приверженцев, служили для него средствами цивилизации. Как Брут, прославляемый римлянами, он жизнью сына жертвовал величии своего народа, потому что он предвидел, что грубый и суеверный царевич разрушит все, что сам он создал. На Петре опять подтверждается известная истина, вытекающая также из последних годов нашего времени, что мораль и политика совершенно несоединимы. Спокойного наблюдателя утешает при этом мысль, что цена, которую герои должны платить за бессмертную славу, могущество и блеск

приятные более людям, нежели Богу, эта цена бывает такого рода, что обыкновенный человек с трепетом отступает от величия, наполняющего изумлением и удивлением толпу и ее поэтов и ораторов. Это доказывает пример Бонапарта и Петра: оба сходны и в том, что чрезвычайно ловко действовали своей полицией. Для Петра даже пьяные пирушки и чрезмерное употребление дурной водки, к которому он насильно принуждал своих слуг, были путями к достижению государственных целей и помогали ему узнавать своих слуг. На своих грубых празднествах он посредством острог, соответствовавших характеру его русских и потому им понятных, осмеивал то, что было противно ему самому и что он хотел сделать претивным и для других. Сюда мы относим смешное погребение его карлы, свадебную церемонию его придворного шута Зотона, которого он сделал сначала патриархом, потом папой; сюда принадлежат и насмешки над Римским двором и его кардиналами в то время, когда с намечением распространялся слух, что он, потому что не хочет иметь патриарха]”.

Повествуя о тайном трактате Петра I с Августом в октябре 1709г., Шлоссер писал: “В этом трактате Петр обещал [вроде бы, не с тем, чтобы это непременно выполнить,] отдать Польше Лифляндию”. Герц “поехал даже к Петру в Ганновер, но не смог склонить ни Петра, ни курфюрста ганноверского выслушать его. [Только с Меншиковым, стоявшим тогда в Гольштейне, был он счастливее, показав ему в перспективе получение огромных сумм]”. И еще о Герце: “[езде он действует по правилу, которое приводит в одном из писем к Бассевичу как всеми признанную и неопровержимую истину: “Скажите, пишет он, царю Петру, если он станет мыслить о честности, - скажите ему, что дружба между государями - только эгоизм и что когда один государь насильнейшим образом уверяет другого в своей преданности, этот последний, если не видит ясно пользы, происходящей для первого из их союза, непременно должен думать, что все эти уверения пустые слова, под которыми скрывается обман”. Впрочем,] из рассказа Бассевича о самом себе, как он в это время, подобно Петтекуму и Фабрису, сорил деньги и строил интриги..” Зачеркнутое место Чернышевский заменил на полях корректуры фразой: “Какие люди были он и его агент Бассевич, лучше всего видно из рассказа Бассевича о самом себе...” Вычеркнуто о “[картинах грубых попойек, на которых Петру приходило иногда в голову заставлять пить, через меру и даже с опасностью для здоровья, всех дам]”. “Сам Петр был ни щедр [или великодушен], ни корыстолюбив или скуп, но зато его друг и помощник Меншиков был столько же тщеславен сколько [грязно] скуп и жаден до денег. [Кенершвер наказывал его и очень многих других обманщиков и негодяев, если захватывал их, так, как наказывают у нас собак и вредных животных. При этом дворе каждый день слышно было о казнях, наказаниях и кнуте. Хотели создать все новое и потому бесчеловечно и с непозволительною строгостью боролись против грубости и недостатка чувства чести; но таким образом могли только запугать на минуту варварство и безнравственность, но, конечно, не могли искоренить их подобными средствами]”. “Кто был при его дворе, - писал Шлоссер о Петре I, - тот должен был покоряться его расположению духа и минутным прихотям, которые большею частью направлялись на дурное. Например, Вебер рассказывает нам, что он и целое придворное общество, бывшее однажды у Петра, после стола были приглашены заняться сербкой целого ряда деревьев, которые мешали царю. Еще хуже было то, что иноземные посланники должны участвовать в казни стрельцов, которую Вильбуа описывает ужасными красками!”. Петр “[сам отрубил головы

ста стрельцам. Сестра его София, игравшая главную роль в этом возмущении, посажена была в заключение, где свет проходил в ее комнату через единственное окно с решетками: против этого единственного окна Петр велел повесить на городской стене головы заговорщиков. Такие зрелища давались каждый год, даже иногда каждый месяц. Стоит вспомнить о том, как поступлено было с царевичем Алексеем, его матерью, другими родственниками)».

Вычеркнута фраза о том, что женою Петра сделалась «женщина низкого происхождения и темной жизни».

Не вошли в третий том и эти строки: «[как охотно перенеслись бы мы в эти счастливые времена, когда глупости и злодеяния важных господ назывались добродетелями, когда никто не осмеливался видеть их в неблагоприятном свете, кроме их самих. Что последнее бывало, что они сами в гиши обличали и осеивали себя, это доказывают в особенности отвратительные записки принцессы: Подеской об отце ее и целом семействе, это доказывает и большая часть появившихся во Франции записок придворных лиц, многочисленные биографии и истории русских государей и придворных от Петра I до XIX века]». Из §1 «Россия и Польша до Бирской конфедерации и Турецкой войны» главы третьей изъято: «[Даже такие люди, как Шлецер и Бюшинг, восхваляли Семираду Севера, хотя они оба были в России и очень хорошо знали, как многое там существовало лишь на бумаге и никогда не приводилось в исполнение]». Об эпохе Елизаветы было сказано: «[подобно английским аристократам, правительство русской императрицы заботилось о религиозности и, послушно следуя советам духовенства, чувствовало себя совершенно правым перед Богом]». Сокращению подверглось описание карательных действий Репнина в Польше: «[Совещания Комитета представляли унылое зрелище, потому что Репнин не позволял пылким полякам высказывать мнения, не согласные с обстоятельством. Он не позволял также перетолковать декларацию русской императрицы в смысле, противном истинным ее намерениям. При попытках такого рода он говорил: «Молчи, только я имею право объяснить истинный смысл слов моей императрицы и не потерплю резонерства и возражений: я требую покорности ее воле». Неудивительно, что при таком порядке совещаний Комиссия в один месяц кончила составление самых либеральных решений в пользу диссидентов».

В §2 главы третьей третьего тома «Турецкая война до первого разделения Польши» читаем: «В серьезных битвах поляки постоянно терпели поражение [и за их партизанскую войну русские мегили разорением страны, не щадя ни имущества, ни жизни поляков]». «Русские в поле старались поскорее кончить войну в Польше [усиленными действиями и беспощадным истреблением людей]».

В повествование о Елизавете не вошло около 150 строк, например: «[Французские деньги и совершенное незнакомство регентши с сущностью русского образа правления способствовали восшествию на престол Елизаветы, дочери Петра Великого, которая до того времени предавалась неприятным и возмутительным образом самому грубому чувственному влечению]». Перечеркнут и рассказ о том, как Елизавета пришла к власти, опираясь на солдат, которые, впрочем, [были одинаково готовы за деньги и ордена отправиться в Сибирь или посадить в темницу и Анну, и Елизавету, ее фельдфебеля Грюнштейна, Рачумовского и Воронцова]». О расправе Елизаветы с Анной и ее сыном Иваном Шлюссер писал следующее: «[Регентшу и ее супруга беспрестанно перевозили из одного места заключения в другое, несчастного же Ивана воспринимали как идюга

- в отвратительной темнице. Через двадцать лет потом, при Петре III, ему намгновение улыбнулась была судьба; но по низложению и смерти этого государя, причиною чего была его супруга, Ивана опять бросили в Шлиссельбургскую тюрьму; а потом, вероятно, по приказанию Екатерины, видевшей в нем претендента, он был застрелен караульным офицером, - причем распространили ложный слух о вспыхнувшем в Петербурге в его пользу мятеже. Все остальные, даже Остерман и Миних, которым новая Россия была обязана всем, также были сосланы на жительство в отдаленные места.

Начало нового правления предвещало, казалось, род владычества черни. Самые способные люди, Остерман и Миних, были сосланы в Сибирь, а все, что окружало императрицу, за исключением Воронцова, походило на шайку грубых развращенных людей, стремившихся завладеть первыми должностями; но, к счастью, они были далекі от занятий делами веледствие своей полной невежественности и бездарности. Грубые друзья императрицы Елисаветы не имели ни честолюбия, ни желания заняться общественным управлением; их вполне удовлетворяли деньги, титул, ордена, беспрепятственное ведение распутной жизни и имения; заведование же правительственными делами опять перешло к людям способным, в число которых мы особенно назовем Бестужева, как ни ненавистен он был по своему характеру и как ни подозрительно было благорасположение к нему Англии и Австрии”.

Вычеркнуто сообщение о том, что Алексей Разумовский, фаворит царицы Елизаветы, был сыном крестьянина.

Упоминание о России послужило причиною исключения соответствующих мест в следующих рассуждениях о Франции, где “парламент стоял за право Франкка, а король Д’Эгильон Моу за самодержавие [существующее в России и Турции...];” что касается писателей, то [с ними было поступлено так, как во всех монархических государствах, где полиция господствует над населением”].

Из второго тома, где речь шла о положении дел в Швеции, оказался исключенным отрывок текста, связанный с рассказом о совершенных шведскими аристократами бесчинствах, казнях и жестоких преследованиях, сравнимых с якобинизмом во Франции: читатель “[улыбнется, когда будет читать, как панегирисы дворянского господства громко и озлобленно ругают якобинизм, который во Франции один раз и то на короткое время в эпоху революции подвинул народ к дикому бешенству и жестокостям. Эти люди, по крайней мере, должны припомнить, что во Франции истинными двигателями и руководителями бесчинств были, большею частью, люди лучших фамилий прежнего времени”].

Во втором томе подверглись сокращению тексты, характеризующие литературное движение во Франции, в частности деятельность Дидро, Эльвесиуса, Монтескье. В корректура вычеркнуто: “[Полиция, духовенство и парламент своими преследованиями и криками дали значение людям отчасти одаренным сильными талантами и проповедывавшим опасные начала, которого они без этого преследования никогда бы не достигли. Чем строже запрещалась их книга, тем усерднее отыскивалась и читалась она. Гонимые стали казаться страдальцами за истину и их учение: очень часто излагавшиеся сухим и плоским образом, получало значение подавляемой и таинственной мудрости. Попасть в тюрьму - значило приобрести славу; в то время это средство к приобретению репутации не потеряло еще своей силы веледствие частого употребления. Потому для Дидро было очень приятно, что за “Афоризмы” правительство арестовало его и отправило в Венсенскую темницу”].

“Тем не менее Монтескье считает необходимым принять только три основные формы [которые однако никогда не встречаются в чистом виде но всею да в самых разнообразных и странных сочетаниях.

Мы не будем останавливаться над определением трех основных форм-республики, конституционной монархии и деспотии, но скажем лишь, каким образом эти нравственные формы представлены Монтескье читающему миру. Республика блистает здесь недостижимым идеалом; ее начала - чистая добродетель; ее принцип - любовь к совершенному равенству. Конституционная монархия представляла единственным спасением европейских народов, возможным для них в их настоящем виде, потому что добродетель, которую Монтескье дородушно приписывает некоторым древним республикам - им чужда; принцип этой государственной формы, по его мнению, - честь. Напротив того, деспотия, элементами которой, по положительному объяснению Монтескье, наиболее прониклись абсолютно-монархические, военные государства материка, являются чумою человечества, причиною порчи нравов; ее принцип - страх”. Об одной из работ Монтескье: “[Все это есть некоторым образом введение к отделу “О податях в монархии”. Таможенные пошлины, говорится здесь, суть лучший из налогов в монархиях, и непосредственное взимание всегда следует предпочитать откупам. При этом случае он произносит приговор необходимому для своего отечества и всех абсолютных монархий - постоянному войску. Многочисленная постоянная армия, говорит он, есть предлог к отягожительным налогам, средству обесилить государство, орудие обращать граждан в рабов]”. Из характеристики книги Эльвеса “О духе” изъято: “[Его слова о воспитании соответствуют его мнениям об администрации и правительственных формах: он старается доказать, что в континентальных монархиях и везде, где министры могут делать все, что хотят, невозможна никакая система воспитания, потому что все учение и воспитание становится приготовленным к исполнению механических обязанностей службы и придворной жизни]”. “[Он прибавляет, что не хотел издавать эту книгу при своей жизни, потому что болезнь, против которой она направлена, неизлечима. В ней положительно высказывается, что Франция может спастись только насильственным переворотом, потому что правительственная полинейская форма ее устройства неизбежно ведет к невежеству и вкореняет равнодушие ко всему, что выходит за пределы⁸⁾”].

Выписки из “Истории” Ф.Шлоссера можно завершить фрагментом, которым Чернышевский предполагал закончить первый том, почти полностью переведенный им самим. Вот этот текст, целиком вычеркнутый из корректуры Чернышевским: “[Мы упоминаем о тех благородных людях, которые в мрачные деспотические времена, когда никто не заботился о притесненных горожанах, смело отважились защищать поправные права человека против притеснений]”. Трудно сказать, исключено ли это место по требованию цензора, или оно изъято Чернышевским из соображений автоцензуры, поскольку в этой фразе можно было усмотреть и связь с Россией, хотя последний параграф заключительной главы второго отдела книги и заканчивался описанием общественно-литературной жизни в России, а Германия, в частности деятельность Вейссе, Рамлера, Николаи, Дессина и Клейста, может быть, включение в книгу слов о защитниках поправных прав человека против притеснений в “мрачные деспотические времена” не соответствовало в ту пору (весна 1858 г.) обстановке всеобщего одушевления, охватившего русское общество в связи с реформаторскими

начинаниями Александра II, и Чернышевский считал за лучшее сиять фразой, которая могла бы навести читателя на несвоевременные и потому нежелательные ассоциации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Козлова М.Е., Плимак Е.Г.* Явление чрезвычайно важное и любопытное.. Об "Исторической библиотеке" Н.Г.Чернышевского //История СССР. 1978. №5. С.72-88; *Демченко А.А.* Н.Г.Чернышевский. Научная биография: В 4т. Саратов, 1978-1994. Т.2.С.238-250. Т.3. С.66-70.

² РГАЛИ. Ф.1. Оп.1. №273. Л.53-85.

³ В скобках указаны номера страниц первого тома по изданию: История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы. Ф.-К.Шлоссера, профессора истории при Гейдельбергском университете: В 8т. СПб., 1858-1860.

⁴ Вычерки здесь и далее даются в квадратных скобках.

⁵ Здесь край корректурного листа оборван.

⁶ Речь шла о наказании Меньшикова.

⁷ Далее корректура не сохранилась.

⁸ Оставшиеся шесть слов в корректуре не прочитываются

В.И.Дудко

ИСТОЧНИКИ СТАТЬИ П.А.ГРАБОВСКОГО О Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОМ

В статье украинского писателя П.А.Грабовского "Николай Гаврилович Чернышевский", написанной в ноябре 1894г. в Вилюйске (автор отбывал там ссылку), отсутствуют конкретные указания на источники (имеются лишь несколько "глухих" ссылок типа "вилюйцы вспоминают", "нам рассказывали"¹). Проблема изучения источников этой работы была поставлена еще в 1923г., однако и до сих пор она остается неразработанной, для объяснения чего необходим небольшой историографический экскурс.

По свидетельству Э.К.Пекарского, источником статьи П.А.Грабовского были воспоминания каракозовца В.Н.Шаганова о Н.Г.Чернышевском. Он писал, что эти воспоминания были помещены в рукописном "Улусном сборнике", составленном политическими ссыльными селения Чурапча Батурусского улуса Якутского округа под руководством В.Я.Богучарского, и "оттуда некоторые лица пописывали себе копии. Несомненно, одна такая копия была в руках Павла Грабовского, издавшего впоследствии (может быть, в изложении, а не целиком) в Праге воспоминания о Чернышевском на украинском языке..."². Как очевидно, мемуарист имел в виду именно работу П.А.Грабовского "Николай Гаврилович Чернышевский", напечатанную, правда, не в Праге, а во Львове³ (о его издательских контактах в Праге до сих пор ничего неизвестно)⁴.

Вскоре публикация Э.К.Пекарского в журнале "Каторга и ссылка" попала в поле зрения ленинградского исследователя украинской литературы И.Ф.Рыбакова⁵. Однако он не смог подробнее осветить этот вопрос, поскольку не имел возможности ознакомиться со статьей П.А.Грабовского о

Н.Г.Чернышевском, чтобы проверить сообщение Э.К.Пекарского, и потому ограничился лишь указанием на соответствующее место его мемуаров. Это также имело известное значение как фиксация сообщения Э.К.Пекарского о работе, значительная часть которой посвящена биографии и творчеству П.А.Грабовского. Все это позволяло надеяться, что раньше или позже вопрос об источниках статьи "Николай Гаврилович Чернышевский" будет рассмотрен специально. Указание на использование украинским писателем воспоминаний В.Н.Шаганова, появившиеся в работах А.И. Киселева и в подготовленных им же комментариях к ряду публикаций этой статьи в изданиях 40-50-х годов, давало основания ожидать от автора и подробного разбора проблемы. Исследователь писал об истории создания данного произведения и его источниковой основе: "Тогда еще жили в Вилуйске люди, близко знавшие Чернышевского в годы ссылки. Для своей статьи(...) Грабовский использовал и их воспоминания, которые он тщательно собирал и записывал, и записи других людей, которые знали Чернышевского, например, записи Шаганова" (384)⁶. Однако, в сожаление, дальше этой краткой характеристики источников дело так и не пошло, вопрос не был подробно освещен ни А.И.Киселевым, ни кем-либо другим⁷. Более того, и в итоговой монографии А.И.Киселева о П.А.Грабовском, и в работах других исследователей воспоминания В.Н.Шаганова как источник статьи украинского писателя о Н.Г.Чернышевском вообще не упоминаются⁸, чему сложно найти обоснованное объяснение. Возможно, причиной ухода А.И.Киселева от объективного рассмотрения и освещения этой проблемы было его нежелание представить П.А.Грабовского автором компилятивной в своей основе статьи. Незнученность же этой работы в источниковедческом плане не позволяла обоснованно определять ее место как в творческой биографии П.А.Грабовского, так и в истории исследования жизни и творчества Н.Г.Чернышевского. Задача восполнения этого пробела определила характер нашего исследования.

Э.К.Пекарский неточен, указывая в журнале "Каторга и ссылка", что воспоминания В.Н.Шаганова⁹ (написаны в 1882 г.) были первоначально помещены в рукописном "Улусном сборнике". Достоверная информация о месте их первого появления представлена в другой, более ранней публикации Э.К.Пекарского - преамбуле к изданию воспоминаний В.Н.Шаганова 1907г.; это был составленный под редакцией В.Я.Богучарского рукописный "Якутский сборник"¹⁰. Точность данного свидетельства подтверждается оригиналом "Якутского сборника" (1890. №1); по свидетельству Г.Ф.Кунгурова, воспоминания В.Н.Шаганова, помещенные там на страницах 110-164, подписаны криптонимом "X"¹¹. Однако ссыльным читателям "Якутского сборника" имя настоящего автора было известно, в чем убеждает, в частности, статья П.А.Грабовского: объективировав полученную из воспоминаний информацию, писатель называет В.Н.Шаганова в числе близких Н.Г.Чернышевскому людей в период его пребывания в Александровском заводе (281).

П.А.Грабовский использовал мемуары В.Н.Шаганова в соответствии с поставленной задачей - представить читателю в систематическом изложении основные факты жизненного и творческого пути Н.Г.Чернышевского. Для уяснения реального контекста данной статьи в журнале "Жизнь и слово" (в рассматриваемый период, в 1894-1895 гг., он издавался как "Вестник литературы, истории и фольклора") следует назвать другие публикации раздела "деятели современной славянской науки и литературы", в котором она появилась, - это

работы И.Я.Франко об украинском историке, фольклористе и литературно-общественном деятеле М.П.Драгоманове и русском филологе Н.С.Тихомирове, Л.Василевского о польской писательнице Элизе Ожешко и П.А.Грабовского о М.Л.Михайлове. Заимствованная из воспоминаний В.Н.Шаганова информация составила почти три четверти объема работы П.А.Грабовского. Из этого источника, в частности, была полностью заимствована представленная в статье П.А.Грабовского информация о деле Н.Г.Чернышевского и пребывании его на каторге, а также основной свод материалов о его вилкойской ссылке. Украинский писатель учел практически все содержащиеся в этих воспоминаниях сведения, касающиеся "внешней" стороны биографии Н.Г.Чернышевского, фрагменты же, посвященные его мировоззрению и литературным произведениям, написанным в Сибири, использованы в значительно меньшей степени (они изложены коллективно или же вовсе опущены). Весь извлеченный из воспоминаний материал автор статьи расположил по хронологическому принципу, "вписав" его в сложившуюся у него по доступным в ссылке источникам целостную картину жизни и творчества Н.Г.Чернышевского. Отдельные главы¹² воспоминаний использованы неравномерно. Наиболее полно представлены у П.А.Грабовского сведения из трех глав мемуаров В.Н.Шаганова - первой (история осуждения Н.Г.Чернышевского), шестой (его жизнь в Александровском заводе) и седьмой (вилкойский период жизни и творчества). В то же время из самой обширной, четвертой главы, в которой подробно рассматривается литературное творчество Н.Г.Чернышевского времен пребывания в Александровском заводе, автор статьи заимствовал только основные сведения о написанных в это время произведениях, опуская, за редкими исключениями, многочисленные подробности, касающиеся их сюжетов, прототипов и т.п. Из пятой главы, посвященной изложению политико-правовых идей Н.Г.Чернышевского, украинский писатель заимствует лишь одну деталь, относящуюся к биографии В.Н.Шаганова и его товарища периода их пребывания в Александровском заводе.

Очевидно, что мемуары В.Н.Шаганова вошли в работу П.А.Грабовского в значительно сокращенном виде. Наряду с точным переводом ряда фрагментов воспоминаний часть материала представлена здесь в изложении, многое же вовсе опущено. Суммарный итог сопоставления текстов В.Н.Шаганова и П.А.Грабовского: объем извлеченного из воспоминаний материала, использованного в статье, составляет не более четверти их общего объема. Соответственно, в работе П.А.Грабовского степень концентрации заимствованного у В.Н.Шаганова материала значительно выше, чем в первоисточнике.

Отдельные положения работы П.А.Грабовского, относящиеся к вилкойскому периоду биографии Н.Г.Чернышевского, не находят соответствия в воспоминаниях В.Н.Шаганова. Речь идет прежде всего о трех абзацах, завершающих описание жизни Н.Г.Чернышевского в ссылке, - именно здесь содержатся упомянутые указания "вилкойцы вспоминают", "нам рассказывали", а также о нескольких деталях в других местах статьи. Эти небольшие фрагменты статьи основаны на воспоминаниях неустановленных лиц, записанных П.А.Грабовским, только к ним и применено цитированное суждение А.И.Киселева о том, что украинский писатель использовал также самостоятельно собранный мемуарный материал¹³. Представленные здесь сведения касаются преимущественно образа жизни Н.Г.Чернышевского в Вилкойске; они почти в

полном объеме подтверждаются другими источниками официального¹⁴ и мемуарного характера¹⁵.

Названные источники - воспоминания В.Н.Шаганова и мемуарные записи, сделанные самим П.А.Грабовским - не исчерпали всего материала, представленного в статье "Николай Гаврилович Чернышевский". Как удалось установить, ее автор использовал, кроме того, популярную работу А.М.Скабичевского "История новейшей русской литературы (1848-1890)", в которой была дана общая характеристика жизненного и творческого пути Н.Г.Чернышевского и отдельно рассмотрены его литературно-эстетические взгляды¹⁶ (ни роман "Что делать?", ни другие беллетристические произведения писателя в книге не были даже упомянуты). Отсюда была почерпнута основная часть материала для освещения биографии и литературной работы Н.Г.Чернышевского до ареста и после возвращения из ссылки. Отдельные отсутствующие у А.М.Скабичевского детали, касающиеся преимущественно литературных трудов Н.Г.Чернышевского 50-х годов, замечены из воспоминаний В.Н.Шаганова.

Установление всех источников статьи П.А.Грабовского позволяет точнее определить ее место в ранней литературе о Н.Г.Чернышевском и высказать ряд соображений о характере использования этой работы в качестве источника для изучения сибирского периода его биографии и творчества, а также подробнее осветить вопросы ее комментирования.

А.И.Киселев писал, что "статья Грабовского, кроме статей Г.В.Плеханова, - одна из первых работ о великом революционном демократе как в украинской, так и в русской литературе. (Имя Чернышевского длительное время было под запретом, и статьи о нем в основном появились в 1905-1906 гг.)"¹⁷. Собственно, в отношении приоритета П.А.Грабовского в освещении этой темы в украинской литературе утверждение верно¹⁸. Требуется уточнения другая его часть, где идет речь о месте статьи в контексте русской литературы. Известно, что в русской легальной печати впервые после вынужденной длительной паузы имя Н.Г.Чернышевского было названо в январе 1881 г. в либеральной газете "Смена", высказавшейся за смягчение его участи¹⁹. После смерти писателя публикации о его жизни и творчестве (преимущественно биографические статьи и воспоминания) стали появляться во многих русских легальных периодических изданиях²⁰ (Жизни, основой для посвященных Н.Г.Чернышевскому параграфов книги А.М.Скабичевского "История новейшей русской литературы (1848-1890)" послужили публикации А.И.Розанова, А.В.Смирнова и Ф.В.Духовникова, появившиеся в петербургском журнале "Русская старина" в 1889-1890 гг.). Можно утверждать, что П.А.Грабовский еще до написания статьи "Николай Гаврилович Чернышевский" если и не был знаком с некоторыми из них, то, по крайней мере, знал об их существовании. О публикации воспоминаний А.И.Розанова сообщалось в "Некрологе Н.Г.Чернышевского", предварявшего в "Якутском сборнике" воспоминания В.Н.Шаганова. (Эти мемуарные свидетельства были представлены там как биография Н.Г.Чернышевского, указывались их выходные данные, но имя автора не было названо²¹). Другое дело, что вплоть до 1904 г. в публикациях легальной печати фактически не освещались политические аспекты биографии Н.Г.Чернышевского, в частности, его пребывание на каторге и в ссылке²².

Если уж говорить о статье П.А.Грабовского в контексте изучения биографии и творчества Н.Г.Чернышевского, то основное ее значение в другом - здесь

впервые была представлена в системном изложении на основе мемуарных свидетельств (В.Н.Шаганова и собранных самим автором) информация о каторге и ссылке писателя и его литературных произведениях этого периода. Кроме упомянутых кратких сообщений в русской зарубежной периодике, фрагментарные сведения о его пребывании в Сибири, также восходящие к мемуарным источникам, были ранее представлены лишь в лондонском издании "Воспоминаний о Чернышевском" В.Г.Короленко, появившемся в 1894 году.

Как было показано, зависимость "сибирских" страниц работы П.А.Грабовского от воспоминаний В.Н.Шаганова очень значительна. Поскольку до сих пор вопрос об источниках статьи украинского писателя оставался неизученным, данное обстоятельство не принималось во внимание исследователями биографии Н.Г.Чернышевского, что не могло не сказаться на достоверности ряда положений и выводов их работ. Это относится, в частности, к отдельным местам исследования И.М.Романова о пребывании Н.Г.Чернышевского в вилюйской ссылке. Например, приводя описание камеры Н.Г.Чернышевского, данное В.Н.Шагановым, исследователь писал: "Это же подтверждает и П.А.Грабовский"²³. Ссылка на статью украинского писателя (283) выглядит здесь не вполне корректной, поскольку процитированный автором отрывок восходит непосредственно к воспоминаниям В.Н.Шаганова²⁴. Такого же рода аргументация (подкрепление свидетельства В.Н.Шаганова ссылками на восходящие к ним же места статьи П.А.Грабовского) используется И.М.Романовым и еще в нескольких случаях²⁵. Автор другого исследования заимствует из статьи П.А.Грабовского (283) информацию для характеристики Ивана Максимова, одного из жандармов, охранявших Н.Г.Чернышевского в Вилюйске²⁶. Здесь украинский писатель также воспроизводит соответствующее место воспоминаний В.Н.Шаганова²⁷, на которое и следовало бы сослаться.

Только теперь, с выяснением вопроса об источниках работы П.А.Грабовского, появляется возможность ее удовлетворительного комментирования (существующие комментарии П.А.Дзверина, А.И.Киселева и В.Ф.Святовца требуют многочисленных дополнений и уточнений). Подготовка подробного систематического комментария - задача, которая встанет перед будущими публикаторами статьи Грабовского. Здесь же, ввиду ограниченного объема сообщения, представляется возможным конспективно осветить, с точки зрения комментатора, лишь некоторые фрагменты работы украинского писателя.

В статье П.А.Грабовского имеется одно место (характеристика литературного творчества Н.Г.Чернышевского сибирского периода), не находящее полного соответствия в воспоминаниях В.Н.Шаганова. Автор мемуаров отмечал, что "Пролог к прологу" был опубликован за границей²⁸. У П.А.Грабовского же данная информация конкретизирована - указано, что "Пролог к прологу" напечатан в Лондоне в 1877г. (281). Более вероятно (принимая во внимание обстоятельства создания статьи "Николай Гаврилович Чернышевский"), что это уточнение исходило не от П.А.Грабовского, а от ее издателя - И.Я.Франко. В 1878г. И.Я.Франко представил сведения о лондонском издании в библиографии ценовой зарубежной социалистической литературы, опубликованной во львовском литературном сборнике "Молот"²⁹; данная книга сохранилась в его библиотеке³⁰.

Другие замечания относятся к проблеме комментирования статьи с точки зрения фактической достоверности. Как указывает Е.И.Прохоров, "недостаточно

ограничиться простой констатацией допущенной автором ошибки, а нужно попытаться выяснить причину ее появления"³¹. Специальное сопоставление статьи украинского писателя (и сохранившейся в архиве И.Я.Франко части ее автографа) с воспоминаниями В.Н.Шаганова и трудом А.М.Скабичевского позволяет доказательно объяснить происхождение практически всех неточностей, допущенных П.А.Грабовским. Их появление было предопределено по большей части использованными источниками. В частности, ошибочная дата рождения Н.Г.Чернышевского (19 июня 1828 г.³²) была заимствована украинским писателем из труда А.М.Скабичевского³³. В опубликованном тексте статьи П.А.Грабовского защита диссертации "Эстетические отношения искусства к действительности" отнесена на 1856 г. (276). Эта неточность возникла при подготовке рукописи к печати вследствие корректорского недосмотра, в оригинале статьи дата указана верно - 1855 г.³⁴.

Как удалось установить, лишь в двух случаях (работая с воспоминаниями В.Н.Шаганова) ошибся сам П.А.Грабовский. Так, В.Н.Шаганов указывает, что "летом 1864 г. появился в газетах приговор о ссылке Н.Г.Чернышевского"³⁵. Далее, в следующем абзаце, он сообщает: "В том же 1864 году появился список с доклада сената присутствию сената по делу Чернышевского"³⁶. Излагая эти факты, П.А.Грабовский пишет, что в 1864г. "появился в печати и текст доклада (решиши), составленного секретарем сената относительно дела Чернышевского (по-современному это "обвинительный акт")" (277). Из цитаты понятно, что украинский писатель неправомерно отождествил приговор (действительно появившийся в мае 1864 г. в газетах "Сенатские ведомости", "Санкт-Петербургские ведомости") и сенатскую записку по делу Н.Г.Чернышевского, которая ко времени создания статьи для львовского журнала печаталась только на страницах "Колокола" (1864г. 20 дек. №193) - именно данная лондонская публикация, по-видимому, и была источником списка, о котором упоминает В.Н.Шаганов.

В другом месте у В.Н.Шаганова говорится о том, что Н.Г.Чернышевскому было увеличено казенное содержание (с 11 до 17 рублей в месяц) по время переезда из Александровского завода в Вилюйск³⁷. П.А.Грабовский же, неточно интерпретируя соответствующее место воспоминаний В.Н.Шаганова, связывает это событие с приездом в Вилюйск в октябре 1872 г. князя Голицына, адъютанта генерал-губернатора Синельникова (284).

Привлечение воспоминаний В.Н.Шаганова в издании 1907 г. для сопоставления со статьей П.Грабовского требует ряда оговорок, поскольку Э.К.Пекарский не ставит своей задачей сохранить аутентичность авторского текста. В частности, он исправил ряд допущенных В.Н.Шагановым фактических неточностей, касающихся биографии и библиографии произведений Н.Г.Чернышевского, не оговаривая уточнения в каждом конкретном случае. Кроме того, издатель исключил ранее опубликованный им же фрагмент воспоминаний В.Н.Шаганова (рассказ Л.Н.Яценко о роли двух московских мещан в деле Н.Г.Чернышевского)³⁸, поскольку тот был квалифицирован М.К.Лемке как недостоверный³⁹. Это место воспоминаний использовано в статье П.Грабовского (277-278).

Данное обстоятельство предопределило обращение к другому источнику воспоминаний - их публикации в иркутской газете "Восточное обозрение", предпринятой В.С.Ефремовым в ноябре-декабре 1905 г. по тексту "Якутского

сборника"⁴⁰. На основании этого источника возможно восстановить более близкий к оригиналу текст воспоминаний В.Н.Шаганова⁴¹, что помогает объяснить появление в статье П.А.Грабовского еще некоторых неточностей. Например, в отдельном издании воспоминаний, подготовленном Э.К.Пекарским, указывается, что Н.Г. Чернышевский был приговорен к 14 годам каторжных работ⁴². У П.А. Грабовского в этом месте приведена другая, неточная цифра - 15 лет (277); именно она содержится и в тексте В.Н.Шаганова, помещенном в "Восточном обозрении"⁴³.

Кроме многочисленных дополнений и уточнений, которые должны быть внесены в комментарий вследствие сопоставления статьи с ее источниками, необходимо также приведение его в соответствие с современным уровнем научного знания о Н.Г.Чернышевском. Это касается, в частности, восходящих к воспоминаниям В.Н.Шаганова⁴⁴ утверждений П.А.Грабовского о непричастности Н.Г.Чернышевского к написанию прокламации "Барским крестьянам от их доброжелателей поклон" (277, 288), до сих пор сопровождающихся комментаторскими указаниями на их несоответствие действительности (288)⁴⁵. Как отмечает А.А.Демченко, известные на сегодняшний день источники не дают бесспорных оснований считать Н.Г.Чернышевского автором воззвания к крестьянам или какой-либо другой прокламации⁴⁶.

Изложенные результаты изучения статьи П.А.Грабовского позволяют более основательно судить об истории ее создания, привлеченных автором источниках и характере их использования, а также точнее определить место данной работы в истории изучения и освещения жизненного и творческого пути Н.Г.Чернышевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Грабовский П.А.* Избранное / Пер. с укр. М., 1952. С.285, 286. Далее ссылаемся на это издание в тексте, указывая страницу.

² *Пекарский Э.К.* Из воспоминаний о каракозовце В.Н.Шаганове // *Каторга и ссылка.* 1923. №4. С.212.

³ Две прижизненные публикации этой статьи на украинском языке были осуществлены там в 1895 году. Вначале она появилась в журнале "Житє і слово" /№6/, и затем - отдельным изданием с приложением поэмы Н.Г.Чернышевского "Гимн Деве неба" в украинском переводе И.Я.Франко.

⁴ Другие аспекты данного свидетельства Э.К.Пекарского /о месте первоначального помещения воспоминаний В.Н.Шаганова и о характере их использования в статье П.А.Грабовского/ будут прокомментированы с точки зрения фактической достоверности далее.

⁵ См.: *Рибиков І.* Українці-народники 1870-80-х [років] на Карийській каторзі та на засланні в Сибіру // *Україна.* 1929. №6. С.73

⁶ Также см., напр.: *Кисельов О.* Павло Грабовський: Його життя і діяльність. Київ, 1940. С.54; *Грабовський П.А.* Про літературу. Київ, 1954. С.134.

⁷ На цитированное свидетельство Э.К.Пекарского также обратил внимание Г.Ф.Кунгуров. /См.: *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. Изд. 2-е, доработ. Иркутск, 1975. С.106-107/, однако сопоставление статьи П.А.Грабовского с воспоминаниями В.Н.Шаганова не входило в задачи его исследования.

⁸ А.И.Кисельов ограничивается здесь следующим указанием: "Для этой статьи Грабовский использовал записи и воспоминания людей, хорошо знавших

Чернышевского в Вилкойске" / *Кисельов О.І.* Павло Грабовський: Життя і творчість / Перероблене і доповнено видання. Київ, 1950. С.83/. Не упоминаются мемуары В.Н.Шаганова и в комментариях к этой статье П.А.Грабовского в собраниях его сочинений на украинском языке (1960, 1964, 1985). И. Чапля указывает лишь, что статья П.А.Грабовского была написана "на основании непосредственных впечатлений и нецензурных материалов" / см.: *Чапля І.* Павло Грабовський - критик і публіцист // Павло Грабовський у документах, спогадах і дослідженнях. Київ, 1965. С.315/.

⁹ Биография В.Н.Шаганова /1839-1902/ воссоздана в биобиблиографическом словаре "Деятели революционного движения в России" /М., 1928. Т.1. Стлб. 458-459/ и во вступительной заметке Г.А.Самосюка к фрагментам его мемуаров в сборнике "Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников" / Саратов, 1959. Т.2. С.117-119/.

¹⁰ См.: *Шаганов В.Н.* Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке: Воспоминания / Посмертное издание Э.К.Пекарского. СПб., 1907. С.У.

¹¹ См.: *Кунгуров Г.Ф.* Указ. работа. С.109. Г.Ф.Самосюк ошибочно пишет, что мемуары были помещены в "Якутском сборнике" за подписью автора (см.: Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников. Т.2. С.119)

¹² Воспоминания В.Н.Шаганова были разделены на главы Э.К.Пекарским при подготовке публикации 1907 года.

¹³ Соответственно - исключительно к этим фрагментам относится и мнение Е.С.Шаблювского о том, что статья П.А.Грабовского до сих пор сохраняет "первоисточниковое значение" (см.: *Шаблювский Е.С.* Чернышевский и Украина. Киев, 1978. С.266).

¹⁴ Так, документы о запрещении Н.Г.Чернышевскому выходить из стен Вилкойского тюремного замка в течение трех дней (февраль 1879 г) опубликованы в статье В.Пржиборовского "Н.Г.Чернышевский в г.Вилкойске: по архивным данным" / *Минувшіе годы.* 1908. №3. С.14/.

¹⁵ Это, в частности, свидетельства Г.С.Щепина и А.Л.Щепиной-Могилевой в записи А.И.Михалевича и В.В.Бернштама (см.: Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников. Т.2. С.217-224).

¹⁶ См.: *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы (1848-1890) СПб., 1891. С.57-67. П.А.Грабовский мог воспользоваться и вторым изданием данной работы (1893 г.): в нем оба параграфа, посвященные Н.Г.Чернышевскому, не претерпели никаких изменений. Указание на знакомство П.А.Грабовского с этой книгой содержится в его статье "Михаил Ларионович Михайлов" (1894), источниками которой, кстати, также послужили работа А.М.Скабичевского и посвященные М.Л.Михайлову страницы воспоминаний В.Н.Шаганова о Н.Г.Чернышевском.

¹⁷ См.: *Кисельов О.І.* Павло Грабовський: Життя і творчість. С.96. Это суждение без соответствующей критической проверки заимствовано у А.И.Киселева другими украинскими литературоведами. Напр., см.: *Грицюта М.С.* Павло Грабовський // Історія української літературної критики: Дожиттєвий період. Київ, 1988. С.290; *Гавелька Н.М.* Вивчення творчості Павла Грабовського. Київ, 1989. С.90.

¹⁸ Ранее, в 1889 г., в газете "Kurjer Lwowski" появилась в польском переводе И.Я.Франко небольшая, но злобоязвучная неточностями заметка "поминание Чернышевского", заимствованная из австрийской газеты "Wiener Abendpost" (см.: *Фрэнго І.* Збірання творів. У 50 т. Київ, 1980. Т.27. С.338-340)

¹⁹ О публикациях нелегальной печати, на страницах которой появились и упомянутые А.И.Киселевым статьи Г.В.Плеханова (См.: Клеветский М. И. Г. Чернышевский в нелегальной литературе 60-80-х годов // Литературное наследство. М., 1936. Т.25-26. С.545-575).

²⁰ См.: О Чернышевском: Библиография. 1854-1910 / Сост. М.И.Чернышевский. Изд. 2-е, испр. и знач. доп. СПб., 1911. С.22 и далее

²¹ См.: Кунгуров Г.Ф. Указ. работа. С.108.

²² Фрагмент воспоминаний В.Н.Шаганова, посвященный художественным произведениям Н.Г.Чернышевского, написанным в Сибири, был напечатан Э.К.Пекарским в журнале "Русское богатство" в 1900г. (№10) - анонимно и с некоторыми сокращениями и изменениями, вызванными цензурными причинами.

²³ Романов И.М. Вилуйский узник. Якутск. 1978. С.31.

²⁴ См.: Шаганов В.Н. Указ.изд. С.35. Переводчик статьи "Николай Гаврилович Чернышевский" на русский язык Л.Нестеренко, допустив ошибку при воссоздании приведенного И.М.Романовым фрагмента, несколько "отдаляет" текст П.А.Грабовского от воспоминаний В.Н.Шаганова. В работе украинского писателя, как и у В.Н.Шаганова, говорится, что даже в конце апреля в камере нельзя было снять валенок (см.: Грабовский П. Збирання творив: У 3 т. Киев. 1960. Т.3.- С.82). В переводе же речь идет о "конце мая"(283). Следует указать, что данный перевод статьи П.А.Грабовского - именно им, а не украинским текстом пользуется большинство исследователей, живущих за пределами Украины - не свободен и от ряда других ошибок.

²⁵ Напр., см.: Романов И.М. Указ. работа. С.29, 61,64.

²⁶ См.: Антонов В.С. Новое о Н.Г.Чернышевском в период вилуйской ссылки //Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1979. Т.8. Чернышевский и его эпоха. С.258.

²⁷ См.: Шаганов В.Н. Указ. изд. С.39.

²⁸ Там же. С.18.

²⁹ См.: Молот: Галицько - українська збирка /Видав М.Павлик. Львов, 1878. С.219; Травушкин Л.С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М.,1979. С.139.

³⁰ См.: Пархоменко М.Н. Иван Франко и русская литература /Изд. 2-е, доп. М., 1954. С.76.

³¹ Прохоров Е.И. Текстология: Проблемы издания классической литературы. М., 1966. С.156.

³² В русском переводе статьи указанная П.А.Грабовским дата воспроизведена неверно - 19 июля 1828г.(274).

³³ См.: Скабичевский А.М. Указ. работа - С.57.

³⁴ См.: Рукописный отдел Института литературы им.Т.Г.Шевченко АН Украины. Ф.З. Д.224. С.314.

³⁵ Шаганов В.Н. Указ. изд. С.1.

³⁶ Там же. С.2.

³⁷ Там же. С.38. Сведения, сообщенные В.Н.Шагановым по данному вопросу, уточнены архивными разысканиями исследователей сибирского периода биографии Н.Г.Чернышевского. Установлено, что увеличение размера казенного содержания предусматривалось специальным предписанием генерал-губернатора Восточной Сибири Спешельникова якутскому губернатору о надзоре за Н.Г.Чернышевским от 12 ноября 1871 г.(См.: Стеклов Ю.М. Н.Г.Чернышевский: Его жизнь и деятельность. 1828-1839) Изд.2-е, испр. и доп. М.-Л., 1928. Т.2. С.52/Содержание

было увеличено (фактически оно составило 17 рублей 12 коп. в месяц) уже по прибытии Н.Г. Чернышевского в Вилюйск. в апреле 1872г. (см.: *Струминский М.Я. Н.Г. Чернышевский в вилюйской ссылке. Якуток. 1939. С.20-21).*

³⁸ См.: *Пекарский Э.К. Еще о деле Н.Г. Чернышевского // Наша жизнь. 1905 1 февр. №77.*

³⁹ Об этом см.: *Шаганов В.Н. Указ.изд. С.3* (прим. Э.К.Пекарского) имеются в виду соображения М.К.Лемке, высказанные в его работе "Дело Н.Г.Чернышевского: По неизданным материалам /См.:Былое о 1906. №3. С.143

⁴⁰ Намерение воспользоваться для исследования данного вопроса оригиналом "Якутского сборника", к сожалению, оказалось нереализованным, поскольку информация о том, что названная рукопись хранится в научной библиотеке Иркутского университета (см.: *Кунгуров Г.Ф. Указ. работа. С.92*) не подтвердилась. "Якутский сборник" не зафиксирован в специальной работе о рукописных и печатных редкостях библиотеки Иркутского университета (здесь рассматриваются другие рукописи, подаренные библиотеке Г.Ф.Кунгуровым, см.: *Боннер А.Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979, С.11. 50). Об отсутствии "Якутского сборника" в фондах библиотеки Иркутского университета сообщила автору этой статьи и научный сотрудник библиотеки Н.Д.Игумнова (письмо от 28 октября 1991г).*

⁴¹ Хотя и эта публикация с текстологической точки зрения не является безукоризненной (см.: *Шаганов В.Н. Указ.изд.- С.У, прим. Э.К.Пекарского; Кунгуров Г.Ф. Указ. работа С.108-110), вмешательство публикатора здесь было в целом все же более сдержанным, чем в отдельном издании 1907г.; по крайней мере, он не стремился последовательно исправлять фактические ошибки В.Н.Шаганова.*

⁴² *Шаганов В.Н. Указ. изд. С.1.*

⁴³ См.: *Восточное обозрение. 1905. 24 ноября.-№259.*

⁴⁴ См.: *Шаганов В.Н. Указ.изд. С.8.*

⁴⁵ Также см. напр.: *Грбовский П. Зибрания творив. Т.3. С.322-323; Его же. Вибрани творив: У 2т. Киев.1985. Т.2. С.307; Папченко В.Е. Поет революционного гаргу. Киев, 1989. С.24.*

⁴⁶ См.: *Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. М., 1989. Т.3. С.123*

М.З.Тугушева

ПИСАТЕЛЬ-САРАТОВЕЦ МИХАИЛ ВОРОНОВ

По новым архивным материалам

Судьба известного в 1860-70-е годы писателя и журналиста Михаила Алексеевича Воронова неразрывно связана с Саратовом. На берегах Волги прошло его детство; отрочество неотделимо от первой мужской гимназии. С Саратовом М.Воронова сближают не только детские и юношеские годы, но и самые лучшие его творения - повести "Мое детство", "Братья-разбойники", "Болото", "Трудные годы", в которых писатель рисует старый город, быт и нравы своей среды. И все же имя Воронова неоправданно забыто. Даже земляки-саратовцы мало что знают о нем. В последний раз его сочинения издавались в 1961-м году.

Обращение к произведениям писателя-демократа и новые разыскания позволяют прояснить многие факты биографии М.Воронова, в которой немало "белых пятен".

Прежде всего - о дате рождения писателя. Во всех опубликованных ранее работах утверждается, что М.А.Воронов родился 5-го сентября 1840-го года. Нами найдены документы, опровергающие это утверждение. В саратовском архиве хранится копия свидетельства, выданного по прошению отставного штаб-ротмистра Алексея Ивановича Воронова "на предмет определения сына его Михаила в учебное заведение". Здесь читаем: "... по метрическим книгам селения Масандры Иоанно-Предтеченской церкви, в Архиве Консистории хранящимся, состоит в записи под №21 следующий акт: тысяча восемьсот тридцать восьмого года августа первого числа у отставного из Санкт-Петербургского Уланского полка штаб-ротмистра Алексея Ивановича Воронова и жены его Ирины Семеновой родился сын Михаил ..." ¹ Документ заверен казенной печатью и подписями свидетелей. Сохранился и "Формулярный список" о службе А.И.Воронова, где отмечено, что он, будучи женат, "имеет детей: сыновей: Михаила, родившегося 7 сентября 1834 года, Михаила, родившегося 1 августа 1838 года, Ивана, родившегося 30 июля 1840 года, Семена, родившегося 23 июля 1842 года; дочерей: Наталью, родившуюся 28 августа 1836 года, Варвару, родившуюся 28 декабря 1845 года и Ольгу, родившуюся 20 июля 1849 года ..." ² Существуют и другие доказательства. Сам М.Воронов в повести "Мое детство" пишет: "Родился я в 18... году августа 1-го. Так гласит календарь, на страницах которого мой отец имел обыкновение делать всевозможные заметки..." "Четыре часа вечера. Погода хорошая - дождик моросит. Магь (так отец называл свою жену, мою матушку) родила сына, имя: Михаил. Именины его будут праздноваться вместе с другим Михаилом - старшим" ³. В воспоминаниях не указан год рождения, но упомянуто число, которое увязывается с приведенными выше справками. Что же касается двух Михаилов, именно так и было: два старших сына имели одно имя. Между тем, исследователи, не допуская этого необычного факта нередко выдавали старшего Михаила за Ивана, в то время как Иван, судя по датам, был младшим из трех братьев. О причине одинаковых имен в одной семье можно лишь догадываться. Возможно, старший сын Михаил был слабого здоровья от рождения или тяжело болел накануне появления на свет младшего брата, что и подтолкнуло родителей, опасавшихся за жизнь первенца, назвать второго сына его именем. Возможно, повлиял и тот факт, что второй сын в семье Вороновых, по рассказам матери, "родился мертвым", и повивальная бабка, говорящая, что он "не жилец на этом свете", невольно определила выбор имени младенца, появившегося на свет вскоре после дня святого Михаила. Родителям ничего не оставалось делать, кроме как, уповая на милость Божию и святого, оберегавшего их старшего сына, назвать тем же именем и младшего. Как видно, родители не ошиблись, и беда миновала их семью. В дальнейшем большинство рожденных друг за другом детей у Вороновых назывались при крещении именами святых.

Образование все братья получили в местной гимназии, и годы пребывания в ней также служат доказательством указанных дат рождения. В сохранившемся списке саратовских гимназистов за 1850-1851-й учебный год значатся: 1/в пятом классе - Михаил Воронов, поступивший в гимназию в 1844-м году, 2/в третьем - Михаил Воронов, поступивший в гимназию в 1848-м году, 3/в первом классе /второй год/ - Иван Воронов, поступивший в гимназию в 1849-м году ⁴. В то время

обычно мальчиков отдавали в гимназию 9-10 лет. Доказательство начала обучения Михаила Воронова в гимназии не ранее девятилетнего и возраста находим и в его повести: "У ребенка девяти лет совершенно министерский почерк, совершенно..."⁵ - хвастается отец постороннему лицу успехами домашних занятий своего сына. Поскольку курс обучения в Саратовской гимназии длился семь лет, выпуск гимназистов, поступивших в 1848-м году, должен производиться в 1854-1855-м учебном году. Многие исследователи именно 1855-й год считают завершающим в гимназической жизни писателя. Логика и элементарный подсчет подтверждают, казалось бы, правильность этого факта. Однако снова неточность. По сохранившейся "Общей ведомости об успехах учеников на 1854-1855-й год", где представлены оценки всех гимназистов за каждый месяц, видно, что Михаил Воронов в это время числился учеником 6-го класса, а не 7-го, как должно бы быть. В нашем распоряжении также и "Ведомость окончательных испытаний учеников 5-го класса Саратовской гимназии"⁶ за июнь 1854-го года, в списках которой должно значиться имя Михаила Воронова, но, по всей видимости, была допущена опечатка, и вместо Михаила вписан Иван, в то время как Иван Воронов в той же ведомости числится учеником 3-го класса, где он и должен был находиться. Таким образом, исходя из вышеупомянутых документов и произведенных расчетов, можно сделать предположение, что в период обучения Михаила Воронова в 3 или 4-м классах он, скорее всего, по болезни, так как учился он хорошо, оседался во второй учебный год. Следовательно, писатель Воронов вместо положенных семи провёл в гимназии восемь лет и, поступив в нее в 1848-м году, закончил ее в 1856-м первым учеником с правом поступления в университет без экзаменов.

Вскоре после этого он покидает родной город и направляется в Казань. Юный герой автобиографической повести М.А. Воронова нелегко переносит расставание с родиной: "Мысль, что настала разлука с людьми, с которыми прожил под одной кровлей целые восемнадцать лет, совершенно подавила враждебные чувства, вызванные было прошлой тяжелой жизнью, и горькие слезы так и просились на глаза"⁷. Выехал он из Саратова "восьмого августа вечером" вскоре после своего дня рождения, когда ему исполнилось восемнадцать лет. Это еще раз подтверждает, что год рождения писателя-демократа Михаила Воронова - 1838-й, а не 1840-й, как принято считать до сих пор.

Воспитание в семье оказало громадное влияние на будущего писателя. Между тем о родителях М. Воронова мы знаем чрезвычайно мало. Новые архивные исследования позволяют расширить наше представление о жизни его отца Алексея Ивановича Воронова. В послужном списке от 1853-го года отмечено, что Воронов Алексей Иванович "от роду имеет 60 лет"⁸, следовательно, родился он не ранее 1793-го года. Родом Алексей Воронов из гороховецких даточных крестьян. Гороховецкими называли себя крестьяне, жившие в расположенном на реке Клязьме селении Гороховец во Владимирской губернии. Даточными именовались в России 15-18вв. "черносошные" крестьяне, отдаваемые на пожизненную военную службу. О своем прошлом Алексей Воронов, будучи, по-видимому, человеком честолюбивым, рассказывать не любил. "Дети болтливы, - говаривал он, - пойдут толковать да рассказывать, а там, чего доброго, откажутся от всего, и от отца, и от родных; они, дескать, мужики..."⁹. Поэтому дети о своих предках узнавали либо стороной, либо ненароком от матери. Дело, иной раз, принимало анекдотический характер. Михаил Воронов вспоминал об этом так: "Раз один из моих братьев, ласкаясь к матери, наивно спросил ее: 'кто был ваш

папенька?" Услыхавши такой вопрос, отец резко закричал любопытному: "Как! Ты не знаешь кто были Симеон и Ирина!?" Несчастный вздрогнул и замолк. "Ты не знаешь, - продолжал отец тем же тоном, - кто были Симеон и Ирина, записанные в поминальной книжке?..." "Дедушка и бабушка..." - со слезами отвечал любопытный. "Ну так чего же спрашиваешь?" - заметил отец, опуская глаза на лежащую перед ним псалтырь"¹⁰. Как бы то ни было, а прошлое предков, безусловно, повлияло на жизненный выбор Алексея Воронова. И в 1810-м году, семнадцатилетним юнцом, он вступает в военную службу, определяя таким образом всю свою дальнейшую жизнь. Вместе с тем, "дед был человек богатый и мог бы нанять вместо отца охотника, но отец сам пожелал идти в военную службу"¹¹, - вспоминал его сын Михаил Воронов. Здесь, надо полагать, сыграли свою роль желание верою и правдой послужить царю и Отечеству да тайная надежда на военную карьеру. Определен был Алексей Воронов в кавалерию Санкт-Петербургского Уланского полка рядовым. Так началась ревностная служба, которая продолжалась 27 лет. За эти годы А. И. Воронов медленно, но неуклонно "за отличие в делах и старание" продвигался по службе и награждался следующими чинами: 1813г. - трубач, 1818г. - эскадронный квартирмейстер, 1822г. - старший вахмистр, 1830г. - кандидат, 1832г. - корнет, 1834г. - поручик, 1837г. - "за болезнью и раной уволен от службы штабс-ротмистром, с мундиром и пенсиейю полного жалованья"¹². А. И. Воронов, воспитанный армейской службой, должно быть, был не только очень дисциплинированным и старательным человеком, но и мужественным воином, за что и получал неоднократные поощрения и благодарности. На счету штабс-ротмистра Воронова - Серебряная медаль за взятие Парижа в 1814-м году, знак отличия 4-й степени за Турецкую войну 1828-1829-го годов, участие в сражениях против польских мятежников 1832-го года. В 1829-м году "при переправе через реку Мадир Дербент (Балканы, Румыния) ... и разбитии турецких войск... ранен в правую ногу пулею с повреждением кости..."¹³. Вскоре после ранения А. И. Воронов получает первый офицерский чин и только теперь считает возможным обзавестись семьей. "...Женившись, отец еще с большим рвением принялся за службу и прослужил до штабс-капитанского чина с честью и славою", - повествует сын. В поучение детям А. Воронов часто говорил: "Я до сорока пяти лет был необразованным человеком, а всегда был на виду у начальства и считался добрым служакой"¹⁴. Он, действительно, научился читать и немного писать, "посредством перографов", очень поздно. Однако отсутствие серьезного образования начинало все более сказываться на службе, и, сознавая, что ничего уже не добьешься, А. Воронов уходит в отставку

Следующая запись в "Формулярном списке" относится к 1847-му году, когда А. И. Воронов был определен Смотрителем Тюремного Замка в Саратове. Что же было с ним и его семьей с момента отставки в 1837-м году до получения новой должности? Архивные материалы умалчивают об этом периоде жизни отставного штабс-ротмистра Воронова. Вместе с тем необходимо проснить этот вопрос, чтобы восстановить большой отрезок жизни семьи Вороновых, особенно важный еще и потому, что именно в это, туманное, по документам, время и был рожден будущий писатель Михаил Воронов. В мемуарах Ивана Воронова по этому поводу находим следующее: "В 1834-м году отец отправился в Ялту управляющим именем генерала Шагова, бывшего командира полка, в котором служил мой родитель..."¹⁵ О том же свидетельствует и Михаил: "Вышедши в отставку, отец

мой уехал на юг России управлять имением, где и прожил шесть лет..."¹⁶ Поскольку А.И.Воронов вышел в отставку в 1837-м году, а переехал в Саратов со всеми домочадцами в 1843-м году, т.е. шесть лет спустя, то более вероятными являются сведения, представленные Михаилом, и значит Вороновы переехали в Крым не в 1834-м, а в 1837-м году. Здесь и родился год спустя Михаил Воронов (1836), а также братья Иван и Семен (1840, 1842). Должность управляющего, исполняемая отцом семейства в течение шести лет, по-видимому, не давала А.Воронову возможности выйти из положения полкового вахмистра, и, понимая, что потребности семьи возрастают, он решил попытать счастья в гражданской службе. Семья, которая к этому времени значительно разрослась и состояла, включая родителей, из шести человек - троих сыновей и одной дочери - переехала в Саратов. Город на Волге был выбран как место дешевое и хлебное, к тому же здесь подрастающие дети могли получить образование.

Сразу же по приезде семьи в Саратов был куплен дом, расположенный в зажиточной купеческой части города, на одной из лучших его улиц. Дом стоял на ул.Большой Сергиевской (ныне ул.Чернышевского) между ул.Гимназической и Бабушкиным взвозом. Факт покупки дома примечателен и свидетельствует о том, что годы, проведенные в Крыму, принесли немалые сбережения. Одновременно начались поиски нового места службы, однако лишь на третий год, несмотря на усердные хлопоты, они "увенчались полным успехом: открылось место Смотрителя Тюремного Замка, и отец получил его"¹⁷, - вспоминает М.Воронов. В послужном списке А.Воронова 26 марта 1847-го года произведена запись: "Определен Смотрителем Саратовского Тюремного Замка"¹⁸. Тюремный замок, или, так называемая старая тюрьма, находился в то время на углу улиц Московской и Рахова. (В 30-е годы там помещалась Трудовая колония для несовершеннолетних). В интересующий же нас период здание тюрьмы считалось одним из самых больших в городе и вмещало, судя по архивной "Книге о содержащихся в Саратовском Тюремном Замке арестантах..."¹⁹ более шестисот человек, хотя и было выстроено для двухсот¹⁹. Безусловно, такое скопление заключенных, в три раза превышающее норму, затрудняло и без того нелегкую службу смотрителя. Первые найденные документы о замке относятся к 1830-му году, возможно, тогда он и был выстроен. Замок состоял из трех дворов, на одном из которых должен был жить смотритель со своей семьей. Поэтому предсмотрительный А.И.Воронов, оформивший покупку каменного дома на имя жены, переехал на казенную квартиру, а дом стал сдавать внаем. Итак, многочисленное семейство (к этому времени в семье уже было шестеро детей) переселилось со всем скарбом в "укрепленный дом с железными решетками" во дворе тюремного острога. Как размещалась там многолетняя семья, можно только догадываться. Сохранилась выписка из Акта Тюремного Комитета, обследовавшего Замок в конце 1849-го - начале 1850-го годов в связи с жалобой заключенного Ф.Бауса, недовольного тем, как его содержат. Судя по указанным датам, новый Смотритель был преемником Воронова, а потому и жилищные условия его мало чем отличались от условий предшественника. Здесь записано: "...Флигель для квартирования смотрителя выстроен на заднем дворе Тюремного Замка, в коем устроены небольшие три комнаты, которые все занимают смотрителем и его семейством с малолетними детьми..."²⁰ С жесткими условиями, железные решетки и ближайшее присутствие людей преступного мира, а также

все более ожесточавшийся и без того тяжелый нрав отца - вот обстановка, в которой жила семья будущего писателя.

Должность смотрителя Тюрмы была незавидной и хлопотной, но А. И. Воронов, довольный получением места, справляя ее с большим усердием, и три месяца спустя, как человек гражданский, был по распоряжению начальства "переименован из штабе-рогмистра в Губернские секретари". По истечении двух лет исправной службы в остроге Воронов переводится на новую должность со следующей записью в "Формулярном списке": "По служению Смотрителем Саратовского Тюремного Замка удостоен двумя денежными наградами от Саратовского Попечительного Комитета от тюрьмах: первую за усердную и ревностную службу, тишину и спокойствие по замку и за умеренные расходы по экономии денег и за сбережение арестантской одежды - 150 руб. серебром, вторую за открытие преступника... - 200 руб. серебром"²¹ Вряд ли подобное усердие облегчало каким-то образом жизнь заключенных, однако факт бдительности Воронова в финансовых делах вверенного ему заведения подтверждается и найденными в "Книге о приходах и расходах суммы, отпускаемой на содержание Тюремного Замка арестантов"²² подписями смотрителя Воронова, которыми он неукоснительно каждый месяц скреплял приходно-расходные листы. И здесь сказывались армейская выучка и дисциплина.

Сдав дела смотрителя Тюремного Замка, А. И. Воронов 30 мая 1849-го года был перемещен "брандмейстером Саратовской пожарной команды". Брандмейстер в России - полицейский чиновник, начальник одной из городских пожарных команд. Существует, правда, одна деталь, позволяющая предположить, что первоначально Воронов был принят в пожарную команду не брандмейстером, а помощником брандмейстера, о чем свидетельствует "Алфавит дел Саратовского Губернского правления за 1849-й год"²³, куда Алексей Воронов обращался по поводу квартирных денег. Скорее всего, на должности помощника он пребывал недолго, лишь на срок ознакомления с делами и принятия их, поэтому и не была зафиксирована запись об этом в основном документе. Впрочем, как бы то ни было, такое перемещение по службе воспринималось и самим Вороновым, и его окружением, без всякого сомнения, как повышение. Так оно и было в действительности. Новая должность позволяла А. Воронову занять более высокое положение в обществе, завести новый круг знакомств. Чтобы соответствовать этому уровню, в семье были произведены важные перемены. Прежде всего Вороновы переехали из острога в свой дом на Большую Сергиевскую, одну из лучших, как уже отмечалось, улиц города, ближе к знати и купечеству. Далее, вспоминает Михаил Воронов, "переменился и обычный ход нашей домашней жизни: завелись различные знакомства, всех нас огулом принялись учить танцам, музыке и французскому языку, - одним словом, из нас намеревались сделать полезных членов общества..."²⁴ И уже не столь важно, что огромное семейство сумело поместиться в небольшом флигеле в то время, как главный дом, по-прежнему, отдавался внаем, и никого не удивляло, что французскому языку и танцам дети учились у отставшего от странствующих акробатов немца, а музыке - у слепого органиста католической церкви. Все это, действительно, было уже не так важно для людей того круга, к которому теперь принадлежал А. И. Воронов. Главным здесь было другое - соответствовать "нормам" общества, в которое с таким трудом удалось попасть, упрочить свое положение и сохранить его как можно дольше. Одним словом, удавалось быть не хуже других, и честолюбие

А. Воронова, разумеется, было удовлетворено. Так проявлялось упорное стремление к лучшей жизни человека незнатного происхождения, испытывавшего постоянную материальную нужду, несшего на себе на протяжении многих лет заботу о многочисленном семействе. И как бы груб, своенравен и жесток ни был Алексей Воронов с самыми близкими своими людьми, следует отдать ему должное - в немверно трудной борьбе за существование, благодаря выработанной годами жизненной стойкости и привычке полагаться только на себя, он сумел сохранить семью и дать детям образование.

Новая должность вместе с почестями принесла, надо полагать, и много новых забот. В 1849-1851-м годах в Саратове, судя по местной статистике, было зафиксировано большое количество пожаров, что, конечно же, отразилось на деятельности 58-летнего А.И. Воронова. К сожалению, мы не располагаем документами, указывающими, в течение какого времени Воронов возглавлял пожарную службу в Саратове. Известно лишь, что в 1850-м году он был переведен снова в штабе-ротмистры, поскольку пожарная служба относилась к военному ведомству. Есть основания утверждать, что должность брандмейстера, Воронов исполнял, по меньшей мере, вплоть до 1854-го года. Именно в этом году Воронов-отец посылает прошение в Саратовское Депутатское Дворянское собрание, претендуя на право получения дворянского титула. В приложенном к прошению "Формулярном списке" нет записи об увольнении его с должности брандмейстера.

Желание А.И. Воронова стать дворянином, вероятно, было продиктовано стремлением обеспечить будущее своих детей и прежде всего намерением дать сыновьям университетское образование. Из прошения видно, что Комиссии были представлены следующие документы: копия с "Формулярного списка" о службе и три метрические свидетельства Херсонской Духовной Консистории о законном рождении и крещении сыновей Михаила, Ивана и Семена²⁵. Причем, в прошении упомянут лишь один Михаил - младший. Скорее всего, старший Михаил не внушал особого доверия, так как, вспоминает М. Воронов-писатель, тот "малопомалу начал отбиваться от семьи"²⁶, нрав имел дерзкий, непокорный, за что и был исключен из гимназии с переходом в уездное училище. Гимназию ему, правда, все же удалось закончить, хотя и без аттестата, что, тем не менее, не лишило его права сдавать вступительные экзамены в высшее учебное заведение, чем он и воспользовался, поступив в том же году (1853) в Петербургскую Медико-Хирургическую академию. Следует также отметить, что Михаил Воронов-старший благополучно закончил обучение, проявив, не свойственные, казалось бы, ему усидчивость и старание. Из писем М. Воронова видно, что именно он настойчиво советовал отцу дать университетское образование младшим братьям. К советам уже повзрослевшего, поумневшего сына, Воронов, должно быть, прислушался.

По истечении полугода со дня подачи прошения А.И. Воронова о дворянстве в Саратовское Дворянское Депутатское Собрание пришел Указ Его Императорского Величества о внесении "Алексея Воронова с женой Ириной и детьми: Михаилом, Иваном и Семеном во 2-ю часть дворянской родословной книги"²⁷, что и было записано в данной Книге с представлением родословной и доказательством дворянства Вороновых. К этому времени в их семье было уже семеро детей. В неоднократных же воспоминаниях Михаила Воронова упомянуто о четверых мальчиках и четырех девочках²⁸. Надо полагать, последним, восьмым, ребенком была девочка, рожденная после того, как семья стала именоваться дворянской.

О матери Михаила Воронова, Припе Семеновой, почти ничего неизвестно, кроме того, что замуж она вышла, должно быть, очень молодой за человека значительно старше себя, рожала ему детей, растила их, воспитывала как могла, да безропотно несла на себе все тяготы по уходу за огромной семьей, какие только могут выпасть на долю русской женщины. Ирава была кроткого, тихого, отчего, видимо, и терпела всю жизнь деспотичный и суровый характер мужа. Дети ее очень любили, видя лишь в ней свою заступницу и утешительницу. Вот и все, что можно сказать об этой удивительно душевной и доброй женщине, да и то со слов ее сына. Документальных же сведений о ней, увы, не находится.

Принадлежность к дворянству, однако, существенно не изменила быт семьи Вороновых, имевших крестьянские корни. В сущности, Вороновы вполне вписывались в разночинскую среду, которая и формировала сознание будущего писателя, определяя круг его художественных интересов и его общественное поведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 14.

² ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 3.

³ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* Саратов, 1937. С.11.

⁴ *Бунканец Е.Г. Н.Г. Чернышевский и братья Вороновы // Русская литература.* 1979. №2. С.112.

⁵ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.15. ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Ед.хр. 522. Л. 18.

⁶ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Ед.хр. 518. Л. 16 об., 17.

⁷ *Воронов М. Повести и рассказы.* М., 1961. С.93.

⁸ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 2.

⁹ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.12.

¹⁰ *Там же.* С.13.

¹¹ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.12.

¹² ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 3-6.

¹³ *Там же.* Л. 8-9.

¹⁴ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.13. Там же.

С.12.

¹⁵ *Воронов М.А. Саратовская гимназия // Русская старина.* 1909. №7. С.331.

¹⁶ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.13.

¹⁷ *Там же.* С.15.

¹⁸ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 5.

¹⁹ ГАСО. Ф. 448. Оп. 1. Ед.хр. 29.

²⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 2547. Л. 13 об.

²¹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 5,6.

²² ГАСО. Ф. 448. Ед.хр. 26. Оп. 1.

²³ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 2568. Л. 20.

²⁴ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.60.

²⁵ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 6.

²⁶ *Воронов М.А. Макашин С.А. Рассказы о старом Саратове.* С.27.

²⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1308. Л. 23.

²⁸ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 1273. Л. 44.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ Письма Д.Л.Мордовцева к М.И.Семевскому

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые четыре письма Д.Л.Мордовцева к М.И.Семевскому по праву могут быть отнесены к числу ценных эпистолярных памятников 60-х гг. XIX в. Во-первых, заслуживают интереса сами участники переписки, люди неординарные. Во-вторых, письма содержат любопытные сведения как об их авторе, так и об адресате.

В жизни Даниила Лукича Мордовцева (1830-1905) саратовский период занимает видное место. Уроженец слободы Даниловки, Усть-Медведского округа Области войска Донского, он в 1844 г. успешно окончил окружное училище.

В августе того же года, успешно выдержав вступительные экзамены, Д.Л.Мордовцев был принят сразу во второй класс Саратовской гимназии. По завершению обучения в гимназии он в 1850г. поступил в Казанский университет, но в 1851г. перевелся на словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В столице Д.Л.Мордовцев вошел в круг общения известных литераторов. По его свидетельству, "из молодых литераторов в конце университетского курса (конец 1853-начало 1854 гг. - В.П.) я был знаком с Чернышевским"¹. Однако близости идейной, как и личной, между ними не было. Иначе складывались взаимоотношения Д.Л.Мордовцева с А.Н.Пыпиным, которые носили дружеский характер.

Летом 1854г. Д.Л.Мордовцев по окончании университета возвращается в Саратов, где сближается с Анной Николаевной Пасхаловой, ставшей осенью того же года его женой, и с В.И.Костомаровым, известным впоследствии историком, сосланным в 1847 году в Саратов в связи о участием в Киевском Кирилло-Мифодиевском обществе.

В начале Д.Л.Мордовцев зарабатывал на жизнь частными уроками. в 1855г. Н.И.Костомаров, возглавлявший до 1858г. губернский статистический комитет, взял себе в помощники Д.Л.Мордовцева. Официально он занимал должность начальника газетного стола. Осенью 1855г. становится редактором газеты "Саратовские губернские ведомости". В письме к М.И.Семевскому от 21 мая 1862 года он явно недооценивал свое участие в газете. Много позже он вспоминал: "За время моего редакторства, почти в каждом номере я выступал с обличением всего, что требовало обличений и каждую неделю обличаемые являлись в губернатору с жалобами на меня. Но я не унимался - это именно было время обличений и увлечений пред освобождением крестьян. И я дообличался до того, что за две мои заметки о квартировавших тогда в Саратове войсках (заметки юмористические) последовал высочайший выговор губернатору Игнатьеву с высочайшим повелением подвергнуть наказанию редактора "Губернских ведомостей" и автора заметки, т.е. меня"².

Думается, в этом откровении Д.Л.Мордовцева имеется определенное преувеличение, но в 1860г. он действительно имел неприятности в связи с публикацией статьи о неприглядном событии в Бутырском полку.

Сменивший А.Л.Игнатьева на посту Саратовского губернатора В.И. Барановский, в августе 1861г. назначил Д.Л.Мордовцева чиновником по особым поручениям³. В этой должности он состоял до 1864г., когда, не поладив с новым губернатором В.А.Щербатовым, 4 июля покинул Саратов и уехал в Петербург, в котором проживал до середины 1867 года.

Подъем общественного движения в России после поражения в Крымской войне (1853-1856гг.) все больше и больше приобретал антикрепостнический характер. Д.Л.Мордовцев оказался очень восприимчивым к влиянию освободительных и общинных настроений.

Вспоминая о том времени Д.Л.Мордовцев много лет спустя писал: "... конец пятидесятих годов - это было время всеяческих "обличений". Герцен громко звонил в свой гулкий "Колокол" в Лондоне и обличал, кажется, и отца, и мать, и попа, и попадью с поповской дочкой. Салтыков - Щедрин "обличал" всевозможных неправедных крутогорцев с крутогорками⁴. Батько Тарас и кнутом и кнутовищем карал всякую "силу неправды", которая "весь мир пожирала" и т.п.

Недаром говорится: "Куда иголка, туда и нитка. Вот и я был тогда такой именно ниткой. Куда Герцен да Батько Тарас, туда и я."⁵

Публикуемые письма находятся в русле демократических симпатий Д.Л.Мордовцева, которые в дальнейшем претерпели изменения в сторону умеренного либерализма, чему ярким примером может служить его роман "Знаменле времени".

Адресат Д.Л.Мордовцева Михаил Иванович Семевский (1837-1892), ставший в 60-90-е гг. известным историком, родился в сельце Федоровце Великолукского уезда Псковской губернии. Домашнее образование он получил под руководством Иосифа Игнатьевича Малевича, к которому до конца жизни последнего питал глубокое уважение и человеческую теплоту⁶. С сентября 1847г. М.И.Семевский обучался в Полоцком кадетском корпусе, по окончании которого 10 августа 1852г. переехал в Петербург и был принят в Дворянский полк, переименованный вскоре в Константиновский кадетский корпус. Его учителями и со временем друзьями-наставниками стали И.И.Введенский⁷ и Г.Е.Благосветлов⁸. Их благотворное влияние во многом содействовало развитию интереса М.И.Семевского к литературе и особенно к истории, который в его сознании возник еще в отроческие годы. По признанию М.И.Семевского, "Отечественную историю я стал изучать с весьма ранних лет моего возраста. Я говорю "изучать" потому, что уже 15-16 лет не довольствовался одним учебным курсом, а старался прочитать, как говорилось в школе, "посторонние книги", имевшие более или менее отношение до родной старины"⁹.

Выдающиеся учебные успехи М.И.Семевского обратили на себя внимание генерала-адъютанта Я.И.Ростовцева¹⁰, сыгравшего в декабре 1825г. весьма неблагоприятную роль в деле декабристов.

В мае 1855г. М.И.Семевский получил серебряный кубок за сдачу экзаменов и 5-го июня того же года произведен в офицеры, став прапорщиком лейб-гвардии Павловского полка. Для участия в коронации Александра II, которая состоялась 26 августа 1856г. лейб-гвардии Павловский полк выступил 9 октября 1855г. в Москву, где пробыл около года.

Пребывание М.И.Семевского в Москве явилось важным этапом его умственного и духовного развития. Перед отъездом из Петербурга М.И.Семевский заручился советами Г.Е.Благосветлова и рекомендательными письмами Я.И.Ростовцева к авторитетному литературоведу А.Д.Галахову¹¹.

В Москве М.И.Семевский прослушал университетские лекции выдающегося ученого-историка России профессора С.М.Соловьева (820-1879), историка-медиевиста профессора П.Н.Кудрявцева (1816-1858), крупного специалиста по древнерусской литературе академика Ф.И.Булаева (1818- 1897), знатока литературы славянских народов профессора О.М.Бодянского (1808-1897) и некоторых других. Он был принят в дома многих ученых (к примеру М.П.Погодина и С.П.Шевырева), сошелся с кружком местных литераторов и особенно с галантливым и популярным драматургом Александром Николаевичем Островским (1823-1886). "Все это вместе взятое, - справедливо полагала биограф М.И.Семевского В.В.Тимошук, - имело на него сильное влияние; умственный, литературный труд, на который он смотрел вначале только как на приятное и полезное препровождение времени, стал рисоваться ему желанной целью жизни; фронтовая служба начала тяготить его, и он при первой возможности постарался выйти на иное, более широкое поприще деятельности"¹².

С Москвой связано начало литературного творчества М.И.Семевского. По настоятельной рекомендации А.А.Григорьева¹³, М.И.Семевский написал, на основе найденных им подлинных актов ХУП века небольшое исследование о предках А.С.Грибоедова, которое было опубликовано в июльской книжке журнала "Москвитянин" за 1856 год.

В ноябре 1856г., побыв четыре месяца в отпуске у родных, М.И.Семевский вернулся в Петербург. С 1857г. он систематически печатает в различных периодических изданиях разнообразные оригинальные очерки по истории. К 1862г. их насчитывалось уже около пятидесяти. Решив посвятить себя литературной деятельности, М.И.Семевский оставляет строевую службу и переходит на педагогическую деятельность в Первом кадетском корпусе в качестве репетитора, а затем по приглашению К.Д.Ушинского¹⁴ в Смольный институт.

В феврале 1861г. М.И.Семевский вышел в отставку в чине подпоручика. С этого времени он становится профессиональным литератором и издателем. Так увлечение М.И.Семевского историей изменило его жизнь. С каждым годом рос авторитет М.И.Семевского как знатока истории России ХУП века. Но, безусловно, вершиной его деятельности стало создание и издание журнала "Русская старина", редактором которого он был в течение 22 лет (с. 1870г.).

Летом 1861г. М.И.Семевский встретился с Д.Л.Мордовцевым. Несмотря на то, что Д.Л.Мордовцев был на 7 лет старше М.И.Семевского, которому в 1862г. исполнилось всего 25 лет, саратовский метр, автор свыше двадцати статей и заметок, выражал адресату писем глубокое уважение.

Однако в 1863-1864гг. переписка между ними прекратилась из-за перлюстрации писем и полицейской акции против М.И.Семевского¹⁵.

В 1864г. Д.Л.Мордовцев переехал в Петербург, где жил до 1867 года. Затем снова Саратов до 1873г., когда Д.Л.Мордовцев переселился до 1885г. в столицу. Прямых свидетельств об их взаимоотношениях не сохранилось. Но полагаю, что они поддерживали контакты между собой. Об этом говорит участие Д.Л.Мордовцева в "Русской старине" и упоминание его имени М.И.Семевским в книге "Знакомые. Альбом 1867-1888" (СПб., 1888).

Бесспорно, публикация значительно обогатилась бы при наличии в ней писем М.И.Семевского к Д.Л.Мордовцеву. К сожалению, их пока обнаружить не

удалось. Возможно, со временем они где-нибудь и будут обнаружены. Об их содержании можно частично судить по ответным письмам Д.Л. Мордовцева.

Подлинники писем Д.Л. Мордовцева хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) - ИРЛИ, ф. 274, Д. 254. Написаны они очень мелким почерком, весьма трудным для прочтения. Этим объясняется то, что некоторые слова восстанавливаются условно по смысловому содержанию текста письма и за ними ставится знак вопроса. Письма пронумерованы. Примечания даются к каждому письму отдельно с соответствующей внутренней их нумерацией.

Письма Д.Л. Мордовцева

Саратов. 28 марта 1862г.¹

I

Милостивый государь Михаил Иванович!

С особым удовольствием получил я через архимандрита Никанора² присланные вами брошюры, отчасти как память нашего знакомства в Саратове³, а для меня собственно - как воспоминание приятно проведенных с Вами двух-трех часов. Я очень рад, что у меня пополняется отдел Ваших исторических произведений, хотя жаль, что некоторых статей Ваших я никак не мог приобрести.

Я думаю и уверен, что Вы все так же серьезно работаете для русской истории, как работали до сих пор. От Вас при Ваших знаниях нельзя и ожидать меньше того, что Вы делаете, и Вам было бы непростительно заниматься (?) подобно нам провинциалам.

Что Вы теперь готовите? Скоро ли выйдет остальная часть Ваших путевых заметок по Волге⁴. Что-то скажите Вы о Саратове?

Я бы забросал Вас вопросами, но считаю это не деликатным, потому что этим я вызвал бы на ответ, хотя мне было бы приятно получить весточку о Вас и лично от Вас. Но у меня, уважаемый Михаил Иванович, есть к Вам покорнейшая просьба. Я собираю, сколько могу в этой глуши, портреты и статуэтки наших родных деятелей, и мне хотелось бы иметь Вашу статуэтку, если она есть в Петербурге, а если ее нет, то я,- позвольте быть бесцеремонным,- желал бы иметь Вашу карточку или портрет. Извините мой каприз, но что же делать, мне этого хочется. Извините меня за болтовню, но что же делать, я хотел поблагодарить Вас за память обо мне.

Желал бы Вам сказать до свидания: но Бог ведет (?) пути человеческие.

Прошу верить совершенному уважению Вашего покорнейшего слуги.

Д. Мордовцев

P.S. Жена шлет Вам свой привет. Она осталась тою же охотницей до Ваших статей и теперь читает Монсов, которых называет Молсами.

Саратов. 21 мая 1862г.¹

II

Милостивый государь Михаил Иванович!

Если и в самом деле ваша догадка справедлива, что у нас, захолустных сучиков, не много свободного времени, то все же от этого едва ли чего-нибудь

выигрывает человечество, как и от того, например, что настоящие суслики стениные, при своей необыкновенной подвижности и деятельности, вечно свистят на ветер, суется около своих нор. Что толку в их деятельном свисте, как и в нашей деятельности? Право так: толчень-толчень казенную воду в казенной ступе и при этом казенным пестом, а все не выходит масла из нашего пахтанья. Ваши стеничные суслики, хоть до чего-нибудь досвистываются, а мы свищем деятельно казенными свистками во славу Божию - и никому от этого ни легче, ни тяжелее. Было бы не обидно, если бы из нашей суеты выходило что-нибудь, а то, что называется, - ни себе, ни добрым людям.

Видите ли, добрейший Михаил Иванович, украдешь, самым подлым образом споруешь минутку-другую казенного времени, оторвешься на часок от казенного места и толчен, дашь волю своему неказенному великодушному мышлению, обмакнешь неофициальное перо в неофициальную чернильницу и напишешь что-нибудь неказенное, хоть бы, например, про какого-нибудь поволжского горемыку Брагина или Зубакина, а уж из столицы и слышутся отзывы, что вроде весьма бы хороший очерк, да подробностей мало, деталей не достаёт. Да где нам взять детали-то, Михаил Иванович? В Царьинском архиве? Да там, кроме крыс, других деталей не обретете. Ей Богу так! Вам хорошо в государственных архивах рыться, там всего много - лишь бы сил и времени хватило. Вас мучит, даже излишество материалов, Вас ломит громада сведений, а нас сушит бедность, недостаток этих материалов. Знаете ли, для Брагина я выжат весь сок, даже подчас негодный и ненужный, из царьинского делишка всего на каких-нибудь пятнадцати-двадцати листках.

В самом деле, говоря серьезно, даже мрачно, в провинции ужасно трудно работать: ничег о нет, негде взять, негде справиться. Я сам сознаю справедливость Ваших замечаний, но что же делать, когда извернуться нечем? Уменья, может, и хватило бы, за талантом тож в люди не пойдешь (талантлив русский человек!), да не к чему уменья это приложить, не на чем талант свой показать.

Но ради Аллаха, извините, заболтался, а о деле еще ничего не сказал.

Прежде всего, искренне благодарю Вас за карточку. Вы меня этим очень обязали. Жена² Вас сейчас же вделала в рамочку и поставила на приличном месте.

Что касается до рукописи, которую Вы оставили у губернатора, то Вы, вероятно, уже получили ее или на днях получите от Ольги Карловны Тимберг, сестры жены Барановского, которая через Петербург отправляется за границу и без сомнения увидится с Вами. Сам Барановский просил кланяться Вам.

На некоторые прямые вопросы Ваши я не сумел, кажется, ответить прямо. На первый вопрос, пожалуй, отвечу (снисок моих трудов): 1. Самозванец Богомолов (в "Парусе" №1). 2. Заметаев (в "Русском дневнике" №4-8). 3. Медведицкий бурлак (в "Русской газете" 1859 №2, если не ошибаюсь). 4. (...)

В первых русских журналах и оживлению гласности (в "Русском слове" 1860г., номерах в грех помнится). 5. Самозванец Хашин (в "Русском веселье" 1860г.). 6. Самозванец Степан (...) (в "Русской беседе", 1860г., кажется, так). 7. Понизовая вольница (в "Русском слове"). 8. Провинциальные тени под псевдонимом Фомы Брута (там же). 9. Сабакенич-фельетонист (в "Русском мире") тоже Фомы Брута¹⁰. Учияидные воспоминания (в "Московском Вестнике" 1860г.). 11. Разбор сочинений Буслаяна (три больших статьи в "Русском слове" 1861г.). 12. Отчет г. Костомарову (там же). 13. Крестьяне в Юго-Западной Руси XVI в. (в III кн. Архива Качачеспа в 1861г.). 14. Выдержка из истории Польши

(в "Русском слове" 1861 г.) 15. О русских школьных книгах ХУП века (в 4-й кн. Чтений Московского общества. 1861). 16. Падение Польши (в "Русском слове" 1861 г.). Может быть и еще что написал, да не припомню теперь. Из малороссийских: 1. Малорусский литературный Сборник, изд. в Саратове в 1859 г. (вместе с трудами Костомарова). 2. Девонарь (?) рассказ (в "Основе") 3. Повестина (там же). В "Губернских ведомостях" моих статей, дребедени, статистики и пр. - паче песка морского. В трех памятных книжках Саратовской губернии - тоже есть статьи из моих: "Картина судоходства по Медведице и Дону" и другие.

Вы просите написать Вам список деятелей, родившихся в Саратове. Да кто их знает, по правде сказать: Ст. Шевырев³, Зинин профессор⁴, покойный Введенский⁵, губернатор А.И.Артемов⁶, Чернышевский, Пыпин, Благовестов, Волков⁷, Захарьин⁸ (профессор в Москве) труды по разным комиссиям, Ровинский П.А.⁹ Кто же еще? Я не припомню. Может быть, забыв главных. Все это люди, получившие здесь первоначальное образование. Не знает ли кого Григорий Евлампиевич, а я не здешний старожил, и потому не знаю почти никого.

Что касается до очерка истории Губернских ведомостей, то хоть убейте меня - ничего, кроме предмета, не скажу. Они такие скучные, что ужас. Да я и не помню, было ли в них что-нибудь замечательное. Вам бы все лучше переписать их в Публичной библиотеке, там все вы и узнаете. Это отнимет у вас полчаса времени.

С бедным Мейером несчастье. Его побил при всем старшем классе воспитанник гимназии: две пощечины дал и за волосы драл. Теперь идет суд. Скандал страшный. Жаль Мейера¹⁰. В "Голосе"¹¹ и рад буду участвовать, если буду в городе сам, т. е. если буду иметь свободное время.

Однако я надеял Вам без сомнения. Толку из моего письма не выйдет никакого, а само оно вышло большое. Кончаю - "страшно перечесть". . .

Крепко жму Вам руку. Жена шлет Вам искренний привет.

Уважающий Вас Д. Мордовцев.

Саратов. 5 июля 1862г.¹

III

Что за странные дела творятся у Вас в Петербурге?² Город, по-видимому, далекий от России, разобщенный с ее интересами, живший как будто отдельной жизнью, город немецкий - вдруг зашевелился. И что за несообразности: студенты будто бы жгут, немцы воруют старопечатные русские книги и раскольниковы свитки, журналы запрещаются, правительственные газеты исполошились, - да что это такое? Ведь до сих пор Петербург для России ничего, кажется, не делает, кроме статуэток Багрова³ и чиновников, да других представительств власти. А теперь вдруг с его голоса поет вся Россия сию арию: не такая ли уже это штука, какие творил некогда Феофан Прокопович⁴ да другие "милостивцы"? Не дурачат ли опять бедное овечье стадо, чтоб с зеленого луга, на которое оно вышло попасгись и начало отъедаться, загнать в душную кошару? Овцы говорят, стаю волков помирить, с пастухами запанибрата, шапки не ломают. Удивительно...

У нас мужички распоясались в ожидании, что скоро будет сладко пить и крепко спать, - и ровно ничего не понимают, что вокруг них творится. Работать свыше того теперь не надо, а как есть на что выпить - пей. Грамоты не подписывай⁵, все это штуки, наши руки бары хотят связать подписью. Толки такие, как в сказаниях о "песых головах" и о "Сарацинском царстве". образо-

ванная молодежь теряет голову, у кого была таковая на плечах и не знает, что же это такое . . .

"Делали тое". - как говорил Шевченко, а выходят сапоги всякую. Стыдно стало быть отсталым, стыдно стало и передовым казаться, черт знает, что за чепуха.

Хочется работать, а не знает за что приняться: все под сомнением, не ведаешь, что принесет завтрашний день. Не достает только знамений на небесах, звезд хвостатых да плывущих икон, а то все есть. Теперь только выказалась вся несостоятельность русскои мысли: оказалось, что никто и не думал ответить. Запевают "богородицу" и со стороны подхватывают "не рыдай мене маты", а издали несется голоса "унеси ты мое горе быстра реченька с собою" и над всем этим разноголосьем раздается пьяная, буйная песня ".погибла ты моя буйная головушка.."

Вы о себе мало пишете, Михаил Иванович. Что у Вас в вашем кружке: неужели все потеряли головы? Что представители литературы? Что они видят впереди? На какую дорогу выбираются, - на ту ли, где конь сыт, а добрый молодец голоден и убит; на ту ли, где добрый молодец здоров, а конь убит или . . . на ту ли, где и коню, и всаднику плохо?

Я виноват перед Вами, что запоздал ответить, а все это потому, что хотел отвечать обстоятельнее, т.е. сказать что-нибудь положительное относительно того, что Вы пишете о Вашем брате⁶, о его желании быть мировым посредником. Впрочем, и теперь не могу сказать ничего определенного: Барановский⁷ все разъезжал по губернии, а теперь все живет на даче, не правит губернией, и мне не удается с ним видаться. То я не совсем здоров, то в семействе что-нибудь хромает. За всю весну и лето только и выезжал за город да на кладбище, зарывал в землю старое поколение.

За последнее время кое-что подписывал и послал в "Русское слово", но "Русского слова" уже нет⁸. Просил Григория) Евл(амиевича) (Благосветлова - В.П.) устроить мои статьи куда-нибудь - все равно, хоть к Асоченскому⁹. Такие времена пришли странные.

Я спешу, однако, кончить. Вам все кланяются. Жена шлет Вам искренний привет. Ее сильно волнует нынешнее положение России.

Пишите, ради Аллаха, больше, больше и больше, если есть свободное время и если Ваше сердце не прочь утешить человека.

Искренне уважающий Вас Д.Мордовцев

Саратов, 5 сентября 1862 г.¹

15

В странное, однако, положение ставит иногда людей их известность. В странное положение поставили и Вас, Михаил Иванович. Ваши литературные занятия, Ваша известность, хорошо, по крайней мере, что все это кончилось пятнадцатиминутной беседой с хорошими людьми, а с хорошим человеком отчего же не побеседовать. Селифан¹⁰ с хорошим человеком не отказывался даже водочки выпить.

Но вот видите ли что: мало того, что известность ставит известных людей в странное положение, она ставит в не менее странное положение и других, имеющих какое-либо отношение к известностям. После Вашей беседы с хорошими

людьми я уже не знаю, как мне, простому смертному, держать себя в отношении к Вам: меня уже стесняет несколько Ваше высокое положение, я уже начинаю сомневаться, захотите ли Вы знатья со мной после того, что с Вами было 9 августа¹.

Говоря не метафорически, я боюсь теперь чем-нибудь повредить Вам, особенно, когда я знаю, что Вы не один будете читать письма, адресованные Вам, что все хорошие люди хотят любезно избавить от неприятности читать каждое письмо, особенно почему-либо неприятное... для Вас. Вследствие этих соображений я бы желал иметь от Вас известие, в какой мере моя корреспонденция будет неприятна для Вас. Могу ли я все говорить, что дозволяет мой здравый смысл и требования логики, или говорить только то, что дозволяют известные притчи большого света. Мне то можно, да я за Вас опасаясь и потому умолкаю до вашего следующего послания.

Барановский и жена моя Вам искренне кланяются. О Вашем брате я говорил губернатору, и он отвечал мне, что очень рад видеть на службе Вашего брата, что в мировых посредниках они нуждаются. Ваш брат имеет именные в Саратовской губернии, вероятно. Как Ваш брат думает поступить в этом случае? Сам ли явится сюда или сшишется с кем следует и, конечно, с Барановским. Вы не знакомы с князем В.А.Щербатовым⁴, который здесь у нас губернский предводитель?

До Вашего ответа.

Жму Вашу руку...

Ваш Д.Мордовцев

P.S. Не будет ли у Вас еще одной Вашей карточки для альбома? Вы бы тем очень одолжили, прислав еще один экземпляр. Познакомился я здесь с Г.В.Есиповым⁵...

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (сокращенно ИРЛИ Пушкинского дома). Ф.273. Оп.2. Д.18. Л.2.

² *Хованский Н.Ф.* Саратовские губернские ведомости// Саратовский край: Исторический очерк, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып.1. С.283.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.407. Оп.1. Д.2041. Служебный формуляр Д.Л.Мордовцева 1856-1864 гг.

⁴ Сатирическое описание города Кругогорска (прототипом которого была Вятка) и его жителей содержится в "Губернских очерках" М.Е.Салтыкова-Щедрина, опубликованных в 1856-1857 гг. в "Русском вестнике". Отдельное издание "Очерков" было осуществлено в 1857 г.

⁵ *Хованский Н.Ф.* Указ. соч. С.297.

⁶ В ИРЛИ (Ф.274. Оп.1. Д.239) хранятся 25 писем М.И.Семевского к Н.Н.Малевицу за 1856-1869 годы.

⁷ *Введенский Примах Иванович* (1813-1355)-известный литературный критик и переводчик.

⁸ *Благосветлов Григорий Евлампиевич* (1824-1880) - критик, публицист, редактор журналов "Русское слово" и "Дело".

⁹ ИРЛИ. Ф.274. Оп.1. Д.16. Л.1_в

¹⁰ *Ростовцев Яков Павлович* (1803-1860). Сообщив накануне 14 декабря Николаю I о готовящемся восстании, Я.П.Ростовцев открыл себе дорогу к

государственной карьере. С 1835 г. возглавил военно-учебные заведения России. В 1856 г. стал членом Государственного Совета, а с 1859 г. председателем Редакционных комиссий.

¹¹ *Галахов Александр Дмитриевич* (1807-1892) - историк литературы, критик, педагог, автор учебников для гимназий.

¹² *Тимоцюк В.В.* Михаил Иванович Семевский основатель исторического журнала "Русская старина": Его жизнь и деятельность. СПб. 1895. С.32.

¹³ *Григорьев Аполлон Александрович* (1822-1864) - известный критик, поэт. В 1850г. вошел в состав "молодой редакции" журнала "Москвитянин".

¹⁴ *Ушинский Константин Дмитриевич* (1824-1870) - талантливый педагог и психолог, автор известной книги "Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии". СПб, 1863-1869/

¹⁵ М.И.Семевский, сделавшийся в последнее время известным в нашей литературе в особенности после напечатания сочинения под заглавием "Семейство Мопсов" ("Время", 1862, №№ 2-6), - гласит о нем официальная справка, - обратил впервые на себя особенное внимание 3-го отделения после литературного вечера в зале 1-й гимназии 10 декабря 1861г. / РГИА. Ф.109. 3 Эксп. Д.174. Л.28/.

Вашинский политический сыск беспоконил "предосудительный образ мыслей" М.И.Семевского. 6-го августа 1862г. чиновник 3-го отделения Алексей Ялинский доносил управляющему "конторы у Цепного моста" (Формула А.И.Герцена - В.П.) генерал-адъютанту Александру Львовичу Погапову, что "завтра, т.е. 7 августа в 8 утра на Московской железной дороге Михаил Семевский возвращается в Санкт-Петербург из Валдайского имения. Задержание его в вокзале с чемоданом и другими вещами необходимо; при нем есть возмутительные сочинения... Ожидая приказаний Вашего Превосходительства к 5 или 6 часам утра". (Там же. Л.26).

М.И.Семевский был задержан и доставлен в резиденцию шефа жандармов и главноуправляющего 3-м отделением генерала-адъютанта В.А.Долгорукова. Но дело закончилось устным внушением.

Видимо, об этом узнал Д.Л.Мордовцев и приоткрыв перепишку с человеком, за которым наблюдало 3-е отделение. Под секретным надзором политической полиции М.И.Семевский находился до самой кончины.

Письма Д.Д.Мордовцева

I

¹ На письме пометка М.В.Семевского "Получил 12 апреля 1862 года. Ответил 29 апреля".

² Архимандрит Никонор (1827-1890)-в миру Александр Иванович Бравкович - известный духовный писатель. С 16 апреля 1858 г. по 4 сентября 1864 г. был настоятелем монастыря в Саратове. Впоследствии архиепископ Западский, Херсонский и Одесский (см.: *Порох И.В.* История в человеке. Саратов.1971; Полный православный энциклопедический словарь. М., 1992. Т.2. Стб.1636; Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. С.200).

³ Знакомство состоялось летом 1861 года, когда М.И.Семевский совершил пароходную поездку от Нижнего Новгорода до Астрахани.

⁴ Свои путевые заметки о путешествии по Волге М.И.Семевский опубликовал в журнале "Отечественные записки" в 1861 г. в 12 номере и в 1862 г. в 4 и 12 номерах под названием: "От Твери до Астрахани". К сожалению, в них

отсутствует описание впечатлений о пребывании в Саратове и о его знакомстве с местной интеллигенцией. Подлинник рукописи "Записок" находится в ИРЛИ. (Ф.274. Оп. Д.)

II

¹ На письме надпись М.И.Семевского "Ответил 31 мая 1862 года"

² *Пасхалова Анна Никоноровна* (1823-1885), урожденная Залетасва, во втором браке с Д.Л.Мордовцевым с 1854 года. Собирательница фольклора народов Поволжья.

³ *Шевырев Степан Петрович* (1806-1864) из дворян Саратовской губернии. историк русской словесности, критик и поэт, профессор Московского университета, с 1847 по 1855 декан историко-филологического отделения философского факультета. В 1852 году избран академиком. Друг и сподвижник известного историка М.И.Погодина, верный сторонник теории официальной народности. В 1857 году на заседании Московского художественного общества затеял драку с графом Владимиром Алексеевичем Бобринским на почве споров о прошлом России. По высочайшему повелению С.П.Шевырев был уволен с должности профессора. В 1860 году выехал за границу и уже более в Россию не возвращался.

⁴ *Зинин Николай Николаевич* (1812-1880)-известный русский химик. Родился на Кавказе, но после смерти родителей переехал в Саратов, где окончил гимназию. Дальнейшее образование получил в Казанском университете. Специализировался с 1837 по 1840 гг. в Германии. До 1847 г. - ординарный профессор Казанского университета. Затем профессор в С.-Петербургской медико-хирургической академии. С 1856 г. - академик. Славу ему принесли исследования по бензойным соединениям и образованию анилиновых красок.

⁵ *Губер Эдуард Иванович* (1814-1847) - поэт, переводчик Фауста. Сын пастора немецкой колонии Усть-Залиха Саратовской губернии. Сотрудничал в "Современнике", "Библиотеке для чтения", "СПб. ведомостях". Собрание сочинений Э.И.Губера издано в СПб. в 1860 г. со вступительной статьей Тихменева.

⁶ *Артемьев Александр Иванович* (1820-1874) -высококвалифицированный специалист в области статистики, археологии, этнографии и географии. Родился в г.Хвалынске Саратовской губернии. После гимназии обучался в Казанском университете. За диссертацию "Имели ли варяги влияние на славян, и если имели, то в чем оно сказалось?", защищенную в 1845г., удостоен звания магистра русской истории. С 1844 по 1852 гг. редактор "Казанских губернских ведомостей", в которых опубликовал массу оригинальных статей. С 1852 г. до самой кончины служил в Министерстве внутренних дел, занимаясь статистикой. С 1871 г. редактор сборника Центрального статистического комитета.

Волков - предводитель дворянского рода - потомок Ивана Григорьевича Волкова. Внесен в 1 часть родословной книги Саратовской губернии.

⁸ *Захарьин Григорий Антонович* (1829-1892) - крупный ученый, медик-терапевт. В 1852 г. окончил Московский университет. В 1854 г. защитил докторскую диссертацию "О болезнях, сопровождающих роды". В 1885 г. избран академиком. Особую популярность завоевали клинические лекции (М., 1889 г.).

⁹ *Ровинский Павел Аполлонович* (1831-1916) - писатель, исследователь-этнограф, общественный деятель, публицист, путешественник. Окончил

филологический факультет Казанского университета. В 1862- 1863 гг. был связан с тайным обществом "Земля и воля". В 1870 г. пытался освободить Н.Г.Чернышевского. В конце 60-х и в 70-х годах посетил Сербию, Словакию, Хорватию, Крайну, Боснию, Герцеговину. Крупнейший труд "Черногорье в прошлом и настоящем" (СПб., 1888- 1897, Т.1-11).

¹⁰ *Мейер Алексей Андреевич*. С 1857 по 1862 год - директор Саратовской гимназии. Человек неуравновешенный и грубый. Он 5 мая 1862 г. во время перемены нетерпеливо оскорбил ученика VI класса Кучинского за то, что он, углубившись в чтение, не заметил директора и своевременно не поздоровался с ним. Назвав Кучинского "свиной" и "ослом", А.А.Мейер пригрозил исключить его из гимназии. РГИА, Ф.733. Оп.4В. 1862.. Д.219. Л.28-88 об./ Деспотический произвол А.А.Мейера вызвал негодование гимназистов. 7 мая, получив требование гимназистов извиниться перед Кучинским, А.А. Мейер, возбужденный, направился в VI класс. Увидев там старшеклассников, погребовал, чтобы немедленно разошлись. Однако они не подчинились приказу директора. Тогда А.А.Мейер схватил за руку стоявшего рядом с ним ученика VII класса В.Н.Катина-Ярцева и намеревался вытолкнуть его за дверь. Возмущенный грубыми действиями А.А.Мейера, Н.Н.Катин-Ярцев ударил его по лицу. Выпнувший в суть дела, попечитель Казанского учебного округа Ф.Ф.Стендер в донесении министру внутренних дел П.А.Валуеву взял под защиту Н.Н.Катина-Ярцева. По прошению Ф.Ф.Стендера П.А.Валуев распорядился уволить А.А.Мейера и отдать в солдаты Н.Н.Катина-Ярцева /Там же, Л.24 об./.

¹¹ "Голос" - газета политическая и литературная. Выходила ежедневно в Петербурге с января 1863 по декабрь 1884 г. Издателем и редактором являлся А.А.Краевский, с 1871 г. к нему присоединился В.А.Бильбасов. Цель газеты - оказывать поддержку правительству в его преобразовательной деятельности. "Голос" ратовал за капитализацию России. В программной статье, помещенной в первом номере газеты, говорилось: "Мы за деятельную реформу, но не желаем скачков и бесполезной ломки. Любопытно, что еще в мае 1862 г. М.И.Семевский подыскивает сотрудников для газеты. Сам М.И.Семевский довольно часто печатается в "Голосе", участвовал в газете и Д.И.Мордовнев.

III

¹ Памятка М.И.Семевского-"Ответил 10 августа 1862 г."

² Д.И.Мордовнев имел скорее всего в виду студенческое движение и аресты ряда литераторов.

³ По всей видимости, подразумевалась статуетка С.Т.Аксакова (1791-1854) - автора известных мемуаров "Детские годы Багрова внука".

⁴ Прокопович Феофан (1681-1736) - видный русский церковный и политический деятель, историк. Автор труда "История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии" (1713), политико-философских трактатов: "Слово о власти и чести царской" (1718), "Правда воли монаршей" (1722). Сподвижник Петра I, был епископом Псковским (1718), Новгородским (1724). С 1821 г. вице-президент Синода.

⁵ Речь идет об "уставных грамотах", которые соответственно Положению крестьян, вышедших из крепостной зависимости", регламентировали отношения помещиков и крестьян. Последние не очень охотно подписывали эти документы.

На 1 января 1862 г. по данным министерства внутренних дел 2796 "уставных грамот". Введены же в действие 2043, из них подписаны крестьянами - 1463 грамоты, не подписаны - 881, и неизвестна судьба 59 грамот. (Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. М.-Л., 1950. С.95). Через месяц - 1 февраля 1862 г. число составленных "уставных грамот" возросло до 3625, введено в действие 3206. Из этого числа подписанных крестьянами было 1856, не подписанных 1252. 98 грамот затерялись. /Там же, С 104/.

⁶ Переписца велась об Алексеедре Ивановиче Семевском (1838- 1879). Вместо мирового судьи какого-либо из уездов Саратовской губернии А.В.Семевский стал со временем почетным мировым судьей Великолукского уезда Псковской губернии и членом Великолукского училищного совета.

⁷ Барановский Егор Иванович (1861-1914) окончил училище правопедения, вице-губернатор Оренбурга, в 1861-1862 гг. губернатор саратовский.

⁸ Журнал "Русское слово" литературно-научный и с 1863 г. - литературно-политический. Основан графом Григорием Алексеевичем Кушелевым-Безбородко. Издавался с 1859 по январь 1866 г. С 1860 г. ведущее положение в нем занял Григорий Евлампиевич Благодетяев (1824-1880). 19 июля 1862 г. по распоряжению министра внутренних дел Петра Александровича Валуева (1815-1890) за "систематически вредное направление" были закрыты на 8 месяцев журналы "Современник" и "Русское слово", а также газета И.С.Аксакова "День".

⁹ Аскоченский Виктор Игнатьевич (1873-1879) - реакционный журналист, редактор газеты "Домашняя беседа". Среди пишущей интеллигенции получил прозвище "добровольца сыска".

IV

¹ Надпись М.И.Семевского. "Ответил 22 сентября 1862 г."

² Селифан - гоголевский персонаж из "Мертвых душ", кучер Чичикова.

³ См. примечание 15 к Предисловию. Интересно, откуда мог узнать Д.Л.Мордовцев о злоключениях М.И.Семевского?

⁴ Щербатов Владимир Алексеевич (1826-1838) - князь, надворный советник, камер-юнкер, предводитель дворянства Саратовской губернии. С мая 1863 по май 1869 года - саратовский губернатор.

⁵ Есинов Григорий Васильевич (1812-1899) - историк, заведующий Общим архивом министерствам императорского двора и уделов. Собирает материалы по истории России XVI-XIX веков. Сотрудничал в "Русской старине" М.И.Семевского.

И.Г.Ямпольский

УЛИЧНЫЕ ЛИСТКИ 1862 ГОДА

Как известно, в 1858-1859 годах в Петербурге и Москве (преимущественно в Петербурге) вышло множество - несколько десятков - уличных юмористических листков. Они обратили на себя внимание современников, а Добролюбов написал о них специальную статью. Не оставила их без внимания напуганная потоком цензура¹.

Цензура была на чеку, и как столь массовое явление листки в 1860-е годы уже не возрождались. Однако летом и осенью 1862 года десятка полтора таких

листочков все же вышло, и в связи с первым из них, попавшим в III Отделение, там возникло целое дело². В деле находится пакет со следующими листками:

Бубенчик. Первый. Всякая всячина. 1862. В.Шмитановского. Эпиграф: "На потеху людям. Н. Некрасов". СПб., в тип. Г.Трусова, 8с., цена 5 коп. сер. (дата цензурного разрешения - 24 июня 1862г.).

Бубенчик. Второй. Всякая всячина... (ценз. разр. - 16 июля 1862г.).

Бабочка, которая летает везде. 1862. Сон Верхоглядова. В конце подпись: Степан Забубенный. СПб., в тип. Г.Трусова, 8с., цена не указана (ценз. разр. - 13 августа 1862 г.). Автором листка является Н.Ф. Суелов³.

Тысячелетие. Листок для всех. Иринея Мельника. Лист первый. 8 сентября 1862 года. СПб., в тип. И.Маркова и К⁰. 1862, 8с., цена 10 коп. сер. (ценз. разр. - 10 августа 1862г.).

Петербургская клубничка. Для не детей 1862 года. СПб., в тип.И.Маркова и К⁰. 4с., цена 10 коп. сер. (ценз. разр. - 2 октября 1862г.).

Заря для всех. В.Пропащего. Вып.2. СПб., в тип. И.Маркова и К⁰, 1862, 32с., цена не указана (ценз. разр. - 10 октября 1862г.)⁴.

В выпуске этих листочков III Отделение усмотрело нарушение постановлений по цензуре 1858 года.

Третье Отделение обратилось в С.-Петербургский цензурный комитет с запросом, на каком основании был одобрен к печати "Бубенчик", имеющий вид периодического издания, но не получивший специального разрешения, какое установлено для периодических изданий. Кроме того, главный начальник III Отделения кн. В.А.Долгоруков в письме к министру народного просвещения А.В.Головнину спросил его, нельзя ли вообще запретить как печатание, так и продажу на улицах подобных листочков. 26 сентября 1862 года Головнин ответил Долгорукову, что цензор разрешил листок, не считая его периодическим изданием, на которое требуется виза III Отделения.

При этом Долгоруков был извещен, что по Петербургскому цензурному комитету сделано распоряжение о недопущении впредь к печати листочков, хотя они, в сущности говоря, не заключают в себе ничего противоцензурного и обращают на себя внимание только тем, что продаются на улицах (а такая продажа была воспрещена полицией в 1858 году).

По сведениям III Отделения, в №2 "Тысячелетия или листок для всех". Пренция Мельника (Волокитина), "частью уже одобренного цензурой, будут напечатаны статьи против Герцена и Блюммера, которые до появления можно будет получить" (листок, по-видимому, не вышел). Напротив, при "Заре для всех", издававшейся однофамильцем шефа жандармов кн. Долгоруковым ("сыном магнетизера"), был приложен отдельный листок с предсмертным письмом Рыдеева⁵. Из дела узнаем также, что продававшие этот номер "Зари", предлагая его, шептали прохожим: "Запрещенное-е". Второй номер "Зари", по свидетельству сообщившего об этом факте лица, разошелся за один день в количестве 1000 экземпляров. На полях сообщения есть пометка Долгорукова: "Переговорить об этом при случае с Тройницким (товарищем министра внутренних дел) и Цез (председатель С.-Петербургского цензурного комитета). Можно бы сообразить средства противодействовать подобным спекуляциям". Сам автор - В.А.Долгоруков - в очень интересном заявлении в Литературный фонд от 15 июня 1864 года сообщил "Заре" следующее: "Я составил листок "Заря" (В.Пропащего. 1862). К несчастью, в 1-й вступительная часть неокончена вся цензурой: а

книгопродавец, взявший у меня издать "Зарю", несмотря на это, все-таки ее напечатал, - 1-й номер, а вскоре за ним и 2-й, с приложением предсмертного письма к жене Рылеева. Хотя этот листок и не представляет в литературном отношении достойного внимания - но из листков он был лучший; и я старался, чтоб это был не сборник статей разных направлений; но чтоб, по возможности, во всех статьях было проведено одно убеждение. И - во всяком случае - он более принес пользы "Бубенчика" Шмитановского"⁶.

Когда "Бубенчик" попал в руки к Аскоченскому, он разразился замечкой в "Домашней беседе". "Неужели опять возвращаются времена "Густозвонов", "Щелчков", "Смехов Смеховичей", "Шутов гороховых" и прочей дребедени, навозившей лет пять тому литературную толкучку", - восклицал он и призывал "полицию и городских принять надлежащие меры к уничтожению такой литературной нечисти, заражающей гнилыми миазмами наше полуграмотное простолюдь"⁷. Но особенно возмутил его один из следующих листков - "Петербургская клубничка". И он решил действовать более решительно. 16 ноября 1862 года Аскоченский обратился с письмом к управляющему III Отделения А.Л.Потапову, в котором вспомнил в связи с крайне возмущившим его листком о вышедшей за полгода до этого прокламации "Молодая Россия", поселившей панический страх в сердцах всего "благонамеренного" общества.

"Я выбился из сил, преследуя нахальных растлителей народной нравственности, - писал Аскоченский. - Голос мой остается гласов вопиющего в пустыне. Бесстыдство борзопиццев и поставщиков уличной литературы дошло до крайности. Благоволите взглянуть на прилагаемый при сем листок. - что это такое! Как могла пропустить цензура такую возмутительную гадость? Как может оставаться хладнокровным правительством при таком буйстве разнуждавшихся страстей? И чем все это кончится?.. Ради господа бога, обратите строгое внимание на этот ужасный разлив крайнейшего разврата. Потребны решительные меры в настоящем случае: не то будет поздно... Молодая Россия жива: она действует энергически, осуществляя на деле то, о чем писала в своей гнусной прокламации. Сказавшись пожарами, она, пожалуй, скажется чем-нибудь пострашнее того. Поберегите нас, сторонников правды божией и закона!.."

Эти исторические вопли были вызваны ничтожным, но в политическом отношении совершенно безобидным листком, в котором, однако, Аскоченский увидел, по своему обыкновению, потрясение всех устоев российского государства и православной церкви⁸. Письмо Аскоченского - еще один документ, свидетельствующий о том, до какой степени консервативные круги были напуганы в этот момент призраком революции.

Письмо Аскоченского было сообщено министру внутренних дел П.А.Валуеву, который в своем отношении к министру народного просвещения А.В.Головнину указал на то, что листок подлежал безусловному запрещению⁹, Аскоченскому была передана благодарность. Товарищ министр народного просвещения бар.А.П.Николаи обещал Потапову "подтвердить цензурным комитетом - не разрешать издание летучих листков, подобных ... "Бубенчикам" и проч."¹⁰, а петербургский генерал-губернатор кн.А.А.Суворов - повторить "существующее запрещение продажи всяких журналов и листков на улицах". Цензор де Роберги, пропустивший "Петербургскую клубничку", был уволен со службы¹¹.

В новом письме к Потапову Аскоченский выразил свою признательность за распоряжение "о прекращении вопиющего разврата посредством

разнуздавшейся прессы", но тут же сообщил, что гнусные листки проникли в учебные заведения, откуда их уже трудно извлечь обратно, и что он готов кричать об этом во весь голос. "Непонятно, что это делает министерство так называемого народного просвещения с своей цензурой? Знает ли оно о существовании "Бубенчиков", "Бабочек", "Щелчков", "Погремушек", "Трезвонов" и прочей гни смертной?.. Не вернее ли называться ему... министерством народного помрачения..."¹²

Кроме листов 1862 года, находящихся в деле III Отделения, мне известны еще десять. Привожу их названия и библиографические сведения о них:

Бубенчик. В.Шмитановского (вып.3), Спб., в тип. В.Спиридонова, 1862. 8с., цена 5 коп.(ценз.разр.- 4 сентября 1862г.; был разрешен "с исключениями")¹³.

Аферист. 1862. Спб., в тип.Г.Трусова, 1862. 16с., цена не указана (ценз.разр.- 9 сентября 1862г.). Автором "Афериста" является Н.Ф.Суслов. Листок был разрешен цензурой "с исключениями"; в частности, было зачеркнуто обозначение: "вып.1"¹⁴.

Трезвон. Кн.1.Спб., в тип. Ю.Штауфа, 16с., цена 10 коп. сер, (ценз.разр.- 24 сентября 1862г.). Автором или издателем листка является некий Туманский. Он подал в цензуру одновременно три книжки "Трезвона"; Судьба остальных двух неизвестна¹⁵.

Щелчок. Собрание повестей и рассказов в стихах и прозе. Ч.1. Спб., изд. К.Козлова, 1862. 16с., цена не указ.(ценз. разр.- 26 сентября 1862г.).

Бубенчик. В.Шмитановского. /вып.4/. Спб., в тип. В.Спиридонова, 1862. 16с. (ценз.разр. - 27 сентября 1862г.).

Щелчок. Собрание повестей и рассказов в стихах и прозе. Ч.2. Спб., изд. К.Козлова, 1862. 16с. (ценз.разр.- 28 сентября 1862г.). 3-я часть "Щелчка" была разрешена цензурой 20 октября 1862г.¹⁶, но не вышла.

Северная лира. Спб., изд. Немтина, 1862. 15с., цена не указ. (ценз.разр.- 3 октября 1862г.). 2-й выпуск "Северной лиры" был разрешен цензурой 29 октября 1862г.¹⁷, но не вышел.

Чертовы салазки или Бабушка привередница, ханжа и лихая модница. Солод разной чуши. Сазынка Барона Брамбеуса. Спб., в тип. И.Маркова и К⁰. 1862. 16с., цена не указ.(ценз.разр.- 10 октября 1862 года). Этот листок, чего нельзя было ожидать по его заглавию, проникнут явно оппозиционным духом. Автором и издателем его также является упомянутый выше В.А.Долгоруков - он пишет об этом в своем заявлении в Литературный фонд 1864 года. 2-й выпуск "Чертовых салазков" был разрешен цензурой "с исключениями" 10 октября 1862 года¹⁸, но не вышел.

Погремушка. Спб., в тип. Р.Голике, 16с., цена не указ.(ценз. разр.- 10 октября 1862г.).

Мужичок. Рассказы дяди Макара. Спб., изд. С.Смирнова, 1862, 16с., цена не указ.(ценз. разр - 7 ноября 1862г.). Больше половины этого листка заполнено перепечатками из "Трутня" и "Живописца" Н.Н.Новикова, и, конечно, не оговоренными. Перепечатано, в частности, знаменитое "Письмо уездного дворянина к его сыну" (первое) - с некоторыми изменениями, любопытными прииспособлениями к современному моменту и огромным количеством опечаток. Этот листок так же вызвал особенный интерес властей¹⁹. Издателем "Мужичка" является С.Немтин²⁰, выпустивший до этого "Северную лиру".

Бубенчик. Часть пятая. В.Шмитановского. Спб., в тип. Рейхельда, 1862. 16с., цена не указ (ценз.разр - 19 октября 1862г.).

В сентябре-декабре 1862 года несколько листов не было разрешено к печати Петербургским цензурным комитетом. Приложу их список:¹

Колокольчик. С.Немидина. Рукопись на 20 страницах. Запрещена 14 сентября 1862 года.

Аферист. Случайный листок. Рукопись на 10 страницах. Поступила от Н.Суслова. Запрещена 14 сентября 1862 года.

Пустозвон. Карикатурные бредни. Рукопись на 20 страницах. Поступила от Зейделя. Запрещена в сентябре 1862 года.

Курьозы. Заметки провинциального гнома. Рукопись на 7 страницах. Поступила от В.А.Долгорукова. Запрещена 30 сентября 1862 года.

Погремушка (явление второе). Рукопись на 20 страницах. Поступила от Тенского. Запрещена 1 декабря 1862 года.

Свисток. Кн.1. Посвящается всем и каждому, рыжему и седому, плешивому и кривому. Рукопись на 36 страницах. Поступила от Филиппова. Запрещена 1 декабря 1862 года.

Смех. Карикатурные листочки. Рукопись на 7 страницах. Поступила от издателя листка В.Прейса. Листок представляет собою "карикатурные политипажи с текстом". Запрещен 7 декабря 1862 года. Титульная страница и одна из шести карикатур, предназначавшихся для листка, сохранились в собрании рукописей С.-Петербургского цензурного комитета. №470.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Листкам 1858-1859 годов посвящена глава в моей книге "Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов" (Л., 1973).

² Центральный гос. архив Октябрьской революции. Дело III Отделения, 1-й экспедиции. 1862. №451 - "о печатных листках, продаваемых в виде газет".

³ Центральный гос. исторический архив в Ленинграде (ЦГИА). Реестр рукописей и печатных книг, поступивших в С.-Петербургский цензурный комитет в 1862г., л.98.

⁴ Еще до этого, в августе 1862г., цензору В.Н.Бекетову, пропустившему в первом выпуске "Бубенчика" "Прошение звонаря Ивана Тычкина", которое вызвало неудовольствие петербургского митрополита и министра внутренних дел, было сделано замечание за неосмотрительность (см.: Усов П. С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. №4. С. 75; С.-Петербургский цензурный комитет. 1862. №1. л.139). Митрополит "нашел неуместным употребление церковно-славянских выражений в юмористическом рассказе".

⁵ Этот листок под заглавием "Предсмертное письмо К.Рыльева (писанное к жене)" был проведен через цензуру независимо от "Зари для всех", что видно из отдельной более ранней даты цензурного разрешения - 29 сентября 1862г.

⁶ Рукописное отделение Гос.публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Арх.Лит.фонда. Т.13. Л.138об.

В.А.Долгоруков - весьма любопытная фигура. В 1862г. ему было всего 16 лет: он был кадетом Морского корпуса. В конце 1861г. цензурой была одобрена рукопись (13 стр.): "Детские стихотворения князя Всея Долгорукого (В.Северянина) и Николая Карякина (Н.Россианина)". Спб.ценз.ком., 1861. №36, л.135 и 132 (на л.132 объем рукописи указан другой - 40 страниц). Однако напечатана она, вероятно, не была. В это же время он предпринял издание "Литературного сборника произведений русского юношества", публикация о

котором появилась в "С.-Петербургских ведомостях" в январе 1862 года (№2), но не успел его довести до конца; печатание было приостановлено корпусным начальством, отпечатанные листы были уничтожены. Единственный экземпляр этих листов с сопроводительными разъяснениями Долгорукова и расшифровкой псевдонимов - его и его товарищей - находится в Российской национальной библиотеке, г. Санкт-Петербург. В 1863 году Петербургский комитет запретил рукопись: "Собрание разных сочинений в стихах и прозе (Баркова, Рылешева), изд. кадета кн. Долгорукова" (Спб. ценз. ком., 1863, №29, л.82). В 1863-1865 годах Долгоруков пытался издать другую книгу: "Сатирические произведения прошлых годов. Библиографические заметки кн. Вс. Долгорукова. Вып.1". Книга была напечатана, но все же не увидела света (см. указанное выше заявление Долгорукова в Литературный фонд "Центр. управление по цензурному ведомству", 1865, №58, а также собрание рукописей С.-Петербургского комитета, №608). В 1869 году издал книгу "Долгорукии. Долгоруковы и Долгорукии-Аргутинские", которая была арестована, но затем, после перепечатки ряда мест, все же выпущена. О дальнейшей его литературной и журналистской деятельности см. в "Материалах для сибирского словаря писателей" Н.В.Здобного (М., 1927, С.22), который, однако, считал, что Долгоруков начал ее только в 1880-х годах. Некоторые сведения о В.А.Долгорукове приведены в статье В.Н.Сажина "Издатель запретной литературы" (Книга. М., 1978. №36. С.160-162).

⁷ Блески и изгарь // Домашняя беседа. 1862. №32. С.118.

⁸ Ср. презрительный отзыв о "Петербургской клубничке" Щедрина в первой статье его цикла "Наша общественная жизнь" (Современник. 1863. №1-2. С.361). В фельетоне журнала "Русский мир" содержится намек, что какое-то отношение к этому листку имел Л.Л.Камбек (Русский мир. 1862. №46. С.844); это подтверждается данными цензурного архива - см реестр рукописей и печатных книг, поступивших в С.-Петербургский цензурный комитет в 1862г., л.122-123.

⁹ Текст отношения Валуева напечатан П.С.Усовым в "Историческом вестнике" (1883. №4. С.75).

¹⁰ Это обещание было реализовано в распоряжении от 7 декабря 1862 года, согласно которому одобрение к печати подобных листков и брошюр запрещалось отдельным цензорам, и они могли появиться "не иначе, как с дозволения цензурного комитета" (Там же).

¹¹ Там же. С.76.

¹² См. также "Домашнюю беседу" (1862. №49. С.486).

¹³ 3 и 4-го выпусков "Бубенчика" и 2-го выпуска "Щелчка" я не видел. Сведения о них взяты из списков вновь выходящих книг, печатавшихся в "Книжном вестнике" (1862, №19. С.385; №20. С.408; №21. С.429), а даты цензурного разрешения - из реестра рукописей печатных книг..., л.107-об.-108, 118-об.-119, 120-121.

¹⁴ Реестр рукописей и печатных книг... л.109 об.-110.

¹⁵ Там же. Л.118, об.-119.

¹⁶ Там же. Л.136, об. - 137.

¹⁷ Там же. Л.141, об. - 142.

¹⁸ Там же. Л.128, об. - 129.

¹⁹ См.: ЦГИА. Дело департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел (1862. №46. л.3), а также записку председателя С.-Петербургского цензурного комитета В.А.Цезя к секретарю комитета С.И.Загибенину от 8 декабря

1862г. (спрашивая, кто из цензоров разрешил этот листок, он пишет, что это "непростительно") и ответ последнего. Записка Цезя и ответ Загипеннина - среди бумаг Цезя в ГПБ.

²⁰ Реестр рукописей и печатных книг... Л.151, об. - 152.

²¹ Сведения о них извлечены из "Реестра рукописей и печатных книг..." (Л.113, об. - 114, 121 об.- 122, 163 об.-164, 167 об.-168).

Г.В.Еремин, В.П.Студенский

СТУДЕНСКИЕ - СЕМЬЯ ДЕДА Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Российские сельские жители - крестьяне и церковники в большинстве своем вплоть до конца XVIII века не имели фамилий и роль фамилии выполняло отчество (что впоследствии часто и закреплялось за потомками в качестве фамилии) в форме Иван Иванов (сын), т.е. что мы сейчас называем Иван Иванович. Хотя еще в XVII веке многие на селе уже имели и фамилии (прозвища), вследствие чего при всеобщем учете населения у сельского населения появились по две фамилии: бытовой - "уличной" и "волостной", которая присваивалась и записывалась официально. Типа Иван Иванов сын Сидоров, а по уличному (прозвищу) Кузнецов.

Священникам и их детям чаще всего тогда давали официальные фамилии по имени их прихода (церкви, села). Так в Пензенской губернии появились Бельинские (с.Бельны), Керенские (с.Керенка), Ключевские (с.Ключи), Чернышевские (с.Чернышево). Село Студенка Чембарского уезда дало фамилию местным священникам, в числе которых были прямые предки Н.Г.Чернышевского по линии отца. Их потомком является и один из авторов настоящего очерка.

Самым ранним предком рода Студенских установлен дьячок Покровской церкви чембарского села Покровского, Тянга тож Василий, родившийся около 1685-1695 годов.

Его сын Савва Васильев служил дьяконом в Знаменской церкви села Студенки. Там же скончался в 1772 году. У него было три сына: Василий (1744-1808), Алексей (1749-1818) и Иван (1758-1815).

Василий Саввин был посвящен в дьяконы церкви Знаменья Пресвятыя Богородицы в с.Студенке в 1772г. на место умершего его отца епископом Палладием Рязанским. В 1775г. Симоном Рязанским он был посвящен в священники этой церкви, на место умершего священника Василия Ульянова. Жена - Татьяна Михайловна (1745 - позднее 1795). У них были дети: Иван (1763-1808), Федор (1764-?), Яков (1766-1796), Лаурентий (1773- 1804), Мария (1774 -?), Матвей (1775-?), Марк (1778-1822) и Никанор (1785-?).

Иван Васильевич в возрасте 15 лет был посвящен в дьячки при Архангельской церкви с.Чернышево преосвященным архиепископом Симоном Рязанским в 1778 году, а в дьяконы - в 1791г., на место вышедшего во священники Семена Фролова. Здесь Иван Васильевич жил и женился на сестре священника Федота Маркова (1750-1836) Евдокии (Авдотье) (1765- 1835). У них было трое детей: Степанида (1791-?), Гавриил (1793- 1861) и Фотий (1795-1835). Степанида, видимо, вышла замуж за церковника из Тамбовской епархии, и сведений о ее дальнейшей судьбе пока не выявлено. Гавриил - отец Н.Г.Чернышевского, Фотий - с 1831г. служил священником в селе Обвале Чембарского уезда Пензенской губернии. С ним же жила и их мать.

Федор Васильевич в 1783г. "за сво проступок" был отдан в "военную службу". Дальнейшая судьба неизвестна.

Яков служил дьячком в местной церкви на месте дяди Алексея Саввича. Его сын Иосиф Яковлевич Студенский (1792-?) в 1811г. окончил Пензенскую семинарию и служил в селе Аркадак Саратовской губ. Он известен по своим связям с Г.И. и Н.Г.Чернышевскими. У него были два сына, из которых известен Алексей Осипович (1838-1877), сотрудничавший с Н.Г.Чернышевским в Петербурге, затем содержавший корректурное бюро, в котором одно время служил В.Г.Короленко. А.О.Студенский - автор ряда трудов (5 книг) по корректуре и др. Его сын Александр Алексеевич (1870-1903) в 1894г. окончил Военно-медицинскую Академию с отличием, защитил диссертацию на звание доктора медицины. Работал в Клиническом военном госпитале, специализировался на инфекционных болезнях. В 1894г. он женился на дочери коллеги - известного врача проф.Мих.Марковича Шершевского (1846-1911) Евгении Михайловне Шершевой (ок.1875-1908). Она прекрасно знала немецкий, французский, итальянский, шведский, английский, датский и испанский языки, писала рассказы, стихотворения, делала переводы, печаталась в журналах. Широко известен ее перевод с немецкого стихотворения Рудольфа Грейница (апрель 1904г.) "Память "Варяга"":

"Наверх вы, товарищи, все но местам

Последний парад наступает...

Врагу не сдастся наш гордый "Варяг" ... и т.д.,

ставший популярной песней.

У них было двое детей: Макс и Вероника.

Лаврентий Васильевич с 1792г. служил на месте Якова Васильевича пономарем, а затем дьячком в с.Орьево, женившись на дочери тамошнего дьяка Степаниде Родионовне. Их многочисленное потомство жило и служило в селах Керенского и Чембарского уездов.

Мария Васильевна вышла замуж за церковника в тамбовское село Гавриловку. Дальнейшая судьба неизвестна.

Матвей Васильевич "по собственному желанию выбыл в гражданское ведомство", т.е. стал чиновником.

Марк Васильевич в 1795г. учился в Тамбовской семинарии, где получил фамилию Студенского. В 1796г. посвящен в дьячки родного села на место умершего брата Якова, а в 1809г. преосвященным Моисеем Пензенским - на место умершего отца - в священники.

Никанор Васильевич в 1806г. окончил Тамбовскую семинарию и служил священником в селе Елань Аггарского уезда Саратовской губернии. В 1803г. он ходатайствовал перед преосвященным Феофилом, епископом Тамбовским и Шацким, о принятии в семинарию 9-летнего племянника Гавриила (так как отец последнего "весьма болен"). Просьбу Никанора поддержал Василий Саввин. 5 февраля 1803г. ректор семинарии Гавриил Шиловский и префект Яков Богданов вынесли резолюцию: "Как просителей внук в российском чтении оказался не худ, то принять его в семинарию и ввести в класс по надлежащему". В это время образовалась Пензенская епархия, и Гавриил Иванович Чернышевский стал учиться в Пензенской семинарии, где получил фамилию Чернышевского, а не Студенского, как его дяди.

Алексей Саввин служил дьяконом с 1783 по 1809г., был женат на Пелагее Алексеевне (р.1756г.). У них было 8 детей: Наталья (р.1772), Иван (р.1774), Савва

(р.1777), Марфа (1780-1790), Михаил (р.1786). Степан (р.1790), Лукерья (1791-1838), Агафья (р.1794). Сыновья были священнослужителями: Иван - священником в селах Ершово и Сентягино, Савва - в селе Кириллово Моршанской округи, Михаил - дьяконом в селе Бабино Балашовской округи, Степан - в селе Пяше Сердобесской округи. Из дальнейшего потомства получили известность дети Ивана Алексеевича:

Иван Иванович Студенский (1799-1873), будучи семинаристом, в 1818г. в Пензе спас от нападения собак М.М.Сперанского, бывшего в Пензе губернатором. По окончании семинарии в 1822 году преподавал греческий язык в Пензенском духовном училище. В 1824г. рукоположен в священники Пензенского кафедрального собора. В 1828-1835гг. был штатным протоиереем в Чембаре, затем в гор. Пензе - настоятелем Казанской церкви до 1847г. и последние 26 лет - настоятелем Духосошестввенской церкви.

Дмитрий Иванович Студенский (1838-1881) окончил семинарию в 1860г. В 1869-1879гг. был священником в селе Дурасовке. В 1876-1877гг. организовал сбор пожертвованных в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине (497 руб. 10 коп.). Был членом правления Пензенского епархиального училища (1876г.). В 1879г. переведен в Пензу к Мирноосицкой церкви, а с 1881г. - к Казанской.

Николай Иванович Студенский (1844-1891) в 1864г. окончил Пензенскую духовную семинарию, в 1869г. - медицинский факультет Казанского университета. Еще студентом выполнил несколько научных работ, некоторые из которых были отмечены премиями и стипендией. Был ординатором Госпитальной хирургической клиники и преподавал хирургию в Земской фельдшерской школе. В 1873г. получил степень доктора медицины, в 1874 - звание приват-доцента. В 1876г. принял участие в освободительной войне Сербии начальником сформированного в Казани медицинского отряда в городе Крагуеваце. Великий Пирогов отметил его работу: "Из... хирургов, отличившихся своей деятельностью в эту войну... Н.И.Студенского". В 1877-1878гг. он работал хирургом в госпиталях Румынии и Болгарии. В 1884-1887гг. - профессор оперативной хирургии. С 1837г. - директор Госпитальной хирургической клиники в Казани. Н.И.Студенский опубликовал 50 научных трудов, издал 18 книг.

После неудачного покушения на самоубийство Максима Горького 14 декабря 1887г. Николай Иванович его оперировал, извлек пулю и ошибся в предсказании, что пациент (будущий писатель) не проживет и суток... Этот эпизод упомянут М.Горьким в "Мои университеты".

В 1878-1882гг. Студенский покровительствовал студенческой библиотеке, имевшей фонд нелегальной революционной литературы.

Иван Саввин с 1779г. служил в родном селе пономарем, а с 1796г. - священником в селе Ширяеве. Жена - Степанида Ефремова (р.1760г.). У них были дети: Надежда (р.1778г.), Петр (р.1780г.), Федосья (р.1787), Тимофей (1789-1833), Илья (р.1791г.), Иван (р.1794г.).

Надежда Ивановна около 1796г. вышла замуж за бывшего рязанского семинариста Андрея Петрова (1777-ок.1840), который, не окончив семинарии, был направлен в село Ершово в дьячки в мае 1796-года. Он имел ставленную грамоту и в 1813г. стал дьяконом, в 1824г. посвящен в священники. В 1837-1840гг. был вторым священником в селе Студенке. Он и его дети получили фамилию Студенских. Его сын Василий (р.1809г.) служил в с.Студенке пономарем, а с 1843г. - дьячком. Был женат на Марфе Васильевне (р.1811г.), с братом которой Семеном (дьячком) он служил.

У В.А. и М.В.Студенских было трое сыновей: Сергей (1832-1876), Тимофей (1835-1873) и Григорий (1838-1900). Все они окончили Пензенскую духовную семинарию и служили в Пензенской епархии. Один из авторов настоящей публикации является внуком Григория Васильевича и его жены Анастасии Александровны (в девичестве- Петровой). Г.В.Студенский окончил семинарию в 1860г. Служил священником в чебаркиских селах Бол. Щепотево, а с 1877г. до 1900 - в с.Чернышево.

Отец автора статьи Павел Григорьевич (1870-1940) родился в селе Бол.Щепотево, скончался в Пензе. Служил священником в с.Михайловском, Кучук-Порт (тож. Жена - Надежда Иваловна, урожденная Архангельская (1871-1920). Их сын (автор) Василий Павлович (р.1903г.) инженер-энергетик, участвовал в создании ряда крупных энергетических объектов страны, ныне пенсионер, проживает в Москве. Его сын Олег Васильевич Студенский (р.1936г.) продолжает дело отца. У него двое дочерей: Ольга (р.1962г.) и Надежда (р.1967г.).

В заключение укажем, что и другие ветви потомков Студенских дали миру известных людей. Например, внук дядька седа Обвала, где он служил вместе с братом отца Николая Гавриловича Фотием Чернышевским, Семена Васильевича Студенского (1817-ок.1893) и его жены Федосьи Григорьевны (р.1818) Павел Максимович Студенский (1887-1961) родился в Петербурге в семье присяжного поверенного. Закончил юридический факультет Петербургского университета, а затем в 1908-1909 годах учился в Париже на факультете естественных наук. Одновременно в Париже окончил аэроклуб и получил диплом летчика-испытателя. В 1910г. приехал в США и в 1917г. окончил Высшее коммерческое училище в Нью-Йорке. С 1930г. - профессор Нью-Йоркского университета. Автор ряда научных трудов. Его книга "Доход нации" в 1968г. переведена на русский язык. Имел сына Роберта и дочь Веру.

Геннадий Александрович Студенский (1898-1930) родился в селе Алексеевке. Окончил два факультета Сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева в 1922 году. Преподавал в этой академии и в Средне-Волжском сельскохозяйственном институте (г.Кинель близ Самары), с 1926г. профессор. Издано около 20 научных трудов. Работал вместе с профессорами Чаяновым и Кондратьевым. В 1930 году вместе с ними был арестован и в конце 1930г. покончил с собой. Посмертно реабилитирован вместе с Чаяновым и Кондратьевым.

Н.М.Чернышевская

А.Н.ПЫПИН И ЕГО СТАРШАЯ ДОЧЬ

Пыпины не могли не заинтересовать меня, потому что они вошли в жизнь нашей семьи еще до того, как я начала себя помнить. А когда я была еще совсем маленькой, это продолжалось уже на моих глазах.

Раз мы, дети, и расли у себя в детской. Вдруг - звонок. Кто-то из нас побежал узнать, кто пришел, и, вернувшись, извещал, что это дядя Митя Пыпин (сын Александра Николаевича).

Наступило время обеда. За обедом мама подняла на отца глаза, подняла слез, и тихо сказала:

- Приезжал Митя. Умер Александр Николаевич. Завтра похороны.

Отец насулился, весь обед прошел в тосочном молчании старших. И мы тоже притихли.

На другой день родители мои с утра уехали на похороны.

Это было в 1904 г., за три года до моего поступления в гимназию. Перед этим нас, детей, возили к “дедушке Пышину”, как мы его называли в отличие от “дедушки Чернышевского”. Я была еще так мала, что от этой поездки у меня осталось только воспоминание о плохой погоде и процессе закутывания и раскутывания нас, детей. Ехать надо было далеко: с Петербургской стороны на Васильевский остров. Из встречи с дедушкой Пышиным осталось в памяти, как он усадил нас с Леной за стол, принес какую-то большую толстую книгу и начал нам показывать картинки. Мне дедушка внушал уважение, смешанное со страхом, поэтому я не проронила ни слова. Но Лена была любознательной, прямой и нетерпеливой девочкой.

- Дедушка Пышин,- обратилась она к нему,- а это что такое? - и показала пальцем на какую-то иллюстрацию.

Как сейчас вижу перед собой довольно полного тяжеловатого “дедушку Пышина” с ослепительно белой пушистой бородой, “как у деда Мороза” (таков он на своей последней фотокарточке).

Потом мама говорила, что он сам выразил желание повидать нас, детей, и остался доволен знакомством. Это был период, когда Александр Николаевич писал, то есть диктовал дочери свои воспоминания о Н.Г. Чернышевском (между 1900 и 1903 гг.).

Вскоре после смерти “дедушки Пышина” в разговорах моих родителей зазвучало имя его дочери Веры. “Верочка” стала особенно памятной с того вечера, когда отец вернулся домой во фраке и привез больной маме белую розу из венчального букета. Это обозначало, что тетя Вера вышла замуж за литератора Евгения Александровича Ляцкого. После этого на моих детских глазах произошло какое-то новое движение в отношениях отца с Пышиными. Прежде всего в доме у нас появились рукописи. Их приносил отец после своих вечерних поездок к тете Вере. Это были письма Белинского, Герцена и других писателей.

Тогда не было машинок, чтобы печатать материал для издания. Эту роль выполняли переписчики от руки. У всех нас в семье были хорошие, четкие и разборчивые почерки. Ляцкий стал готовить к печати письма Белинского, их надо было переписать. Рукописи эти брались им из архива А.М. Пышина, находившегося в Академии Наук. Помню, как много дней склонялась мама над перепиской этих писем даже в жаркие летние дни на даче. Переписывала немного и старшая сестра.

Письма Герцена переписывались позднее для М.К. Лемке, который получил копии их из архива Пышина от моего отца. Ему последнему доверила это дело В.А. Пыпина. В архиве М.Н. Чернышевского имеется расписка в получении М.К. Лемке этого материала:

“13 сентября 1913 г. получил от М.Н. Чернышевского переплетенную тетрадку (465 стран.) скопированных рукою А.Н. Пыпина писем Герцена к Кетчеру и др. лицам. М. Лемке”.

Я в то время не получала такой работы, но когда выросла, тетя Вера дала мне переписать письма Тургенева к графине Ламберг, а Е.А. Ляцкий направлял в рукописное отделение Академии Наук к обаятельному старику с седой бородой - Всеволоду Измайловичу Срезневскому, и там, в полутемном уголке я переписывала письма Гончарова к семейству Майковых, после чего Всеволод Измайлович с видимым удовольствием погружался в прошлое, рассказывая мне о своем личном знакомстве с этой семьей в молодости.

Вера Александровна Пылина занимала особое место в нашей семье. Она была большим другом моего отца с детских лет. Отец любил, уважал ее и был связан с ней семейной архивной работой.

У каждого была своя дорога в этом направлении. Отец мой всю жизнь собирал и хранил архив Н.Г.Чернышевского. Вера Александровна Пылина посвятила свою жизнь разборке и описанию архива А.И.Пылина. Здесь их пути не раз скрещивались, так как Вера Александровна была по завещанию своего отца наследницей его богатейшего архива и извлекла оттуда все, что относилось к Н.Г.Чернышевскому, чтобы передать это моему отцу. Таким образом к последнему отошли рукописи Чернышевского, его дневники, корректуры и письма.

Когда я окончила гимназию, то заболела scarlatiной. Мне было 18 лет, а в таком возрасте болезнь была тяжелой, с осложнением. Все лето я проболела. Врачи не советовали поступать после этого на курсы. Шла война. Был 1915 год. К обеду приехала тетя Вера и рассказала, что немцы разорили в Меддуме под Двинском выстроенный ею домик, в котором ей хотелось создать пансион "для престарелых литераторов". Когда-то, первым из этих "престарелых" все же успел оказаться Павел Елисеевич Щеголев, проживший все лето у тети Веры со своей женой. Рядом с небольшим клочком земли тети Веры находилась усадьба художника Э.О. Визеля. Там была построена добротная каменная дача, окруженная переидской сиренью. Усадьба Визелей тоже подверглась разрушению. Тетя Вера и говорит:

- Встретила я Визелей на улице. Они постарели, согнулись, как старики. Теперь все у них погибло, и они считают, что жизнь их кончилась. Посмотрели на меня и удивились: "Вера Александровна, ведь у вас тоже все погибло, почему же вы такая бодрая?" - А я им отвечаю: "Ну что же, значит надо жить другим. Надо жить своими духовными ценностями".

У нас было принято, что за столом дети не вмешиваются в разговоры старших. Поэтому при этих словах мы с Леной только переглянулись, ничего не сказав, без слов поняли друг друга и снова нагнулись к своим тарелкам. Ай да тетя Вера, как ответила, как нашлась! Мы гордились такой тетей Верой. Вот это характер!

Этот разговор был одной из капель той живительной влаги, которую вливала в воспитание наших характеров тетя Вера.

Обед закончился, и папа с тетей Верой ушли в свой кабинет. Вдруг я слышу они зовут меня. Оказывается, они за меня уже все продумали, переговорили, нашли мне дело.

- Поскольку зима у тебя будет свободная, дружок, - обратилась ко мне тетя Вера, - то я хочу предложить тебе работу. Эта работа будет состоять в описании архива моего отца. Сторож привезет из академии Наук шкафчик с его перепиской, и ты будешь заниматься дома.

Так началась моя работа над семейным архивом. Научная переписка Пылина уже была собрана тетей Верой, но нужно было в алфавитном порядке ее разобрать и составить резюме содержания каждого письма. Здесь под руководством строгой и аккуратной тети Веры я прошла первую школу архивоведения. Общение с корреспондентами А.И.Пылина всегда держало меня в таком состоянии, будто я каждый день вижу и беседую с разными учеными нашей страны. Мне стали близки и знакомы имена Веселовских, П.А.Ровинского,

Корсакова, Ягила и многих, многих других. Стало понятнее значение деятельности А.И.Пыпина, его служения исторической науке, осязаемо охватывало многообразие его интересов. Некоторые письма особенно захватывали и волновали, например, письмо Н.Д.Новицкого по поводу смерти Н.Г.Чернышевского или записочки Некрасова, наскоро набросанные карандашом. Последним я даже посвятила стихи, начинавшиеся словами:

Вчера я Некрасова письма разбирала.
Известия о болезни... приглашения к обеду.
Мне кажется, потому в них слов так мало,
Что некогда было вести в письмах беседу.

Но я помнила главное: прощание Некрасова с Чернышевским, произошедшее во время предсмертной болезни Некрасова, и из этих записочек поэта одна особенно была пережита мной:

И лишь тогда, когда увидала
Это письмо, написанное сверх сил,
Я поняла, кого я так просто читала
И чьи слова пред смертью он повторил.

Замечу, что свободная форма стиха была тогда, в 1916 году, в моде.

Работа над архивом Пыпина была закончена мною к весне. Затем тетя Вера сделала доклад о ней в Библиологическом обществе Академии Наук, там ее одобрили и высказались за опубликование. Впоследствии эта рукопись отошла в Публичную библиотеку имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. Она осталась неопубликованной.

Когда много лет спустя я писала книгу "Летопись жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского", куда первоначально вводила всю его семейную и литературную переписку, как пригодился мне опыт резюмирования писем, полученный в 18 лет! Спасибо тете Вере за эту первую ступень к моей научной работе, к книге, ставшей моей диссертацией.

Следующей фазой наших литературных отношений с тетей Верой было создание ее дневников. Это целая гора тетрадей за 1916 - 1930 годы. Дневники были начаты в форме ответов на вопросы в нашей переписке, а затем приняли форму самодовлеющих записей обо всем, что волновало тетю Веру. А волновало ее больше всего раздумье об огромном архиве Пыпинных и Чернышевских, оставшемся совершенно необработанным. Один за другим уходили из жизни люди старшего поколения, ровесники А.И.Пыпина и Н.Г.Чернышевского, видевшие их, жившие с ними вместе в 60-е годы; жгучим и острым был вопрос о взаимоотношениях с Ольгой Сократовной на протяжении долгих лет. Наконец Веру Александровну поразили прочтенные после смерти отца его письма к жене; в ней чувство дочери соединилось с чувством историка и психолога. Ей неудержимо захотелось создать галерею семейных портретов и выделить в особую монографию очерк под заглавием "Отец и мать в моем уме и сердце". И вот, на страницах дневника стали отлагаться образы прошлого, один за другим начали вырастать портреты Пыпинных предьдущего поколения. Одновременно в особый очерк В.А.Пыпина занесла все, что вспоминалось об отце о материю. А так как Н.Г.Чернышевский всю жизнь был в центре внимания А.И.Пыпина, то и в очерке он занял видное место.

Когда я приезжала к тете Вере с ночевкой по ее приглашению, она давала читать мне свеженарисованные страницы своих дневников.

В 1918 году наша семья уехала из Петрограда в Саратов, где находился дом Чернышевского, переданный моим отцом в народное достояние для устройства в нем музея. Прощаясь со мной, тетя Вера обратилась с такой просьбой:

- Ты увидишься там с Катенькой (так все называли Екатерину Николаевну Пышину, подобно тому, как Варвара Николаевна для всех была "Варенькой", а Евгения Николаевна - "Евичькой", независимо от поколений), так ты беседуй с бабушкой, расспроси ее обо всех братьях и сестрах и о старших, и все записывай для меня, а потом пришлешь мне эти записи.

Таким образом началась в Саратове моя дружба с бабушкой Катей, длившаяся четырнадцать лет, до самой ее смерти, и нашедшая отражение в рукописи, озаглавленной тетей Верой "Из рассказов бабушки Кати".

Перед нашим отъездом в Саратов Вера Александровна с увлечением работала над своей книжкой "Любовь в жизни Н.Г.Чернышевского". Она неутомимо собирала материалы об Ольге Сократовне и смотрела на свою работу как на выполнение священного долга своей жизни. Вера Александровна хотела объяснить потомству, что лежит в основании недоброжелательного тона переписки Пыпиных по отношению к жене Чернышевского, этой огромной переписки более десятка человек. Со стороны Чернышевских такого подхода к Ольге Сократовне не было. Книга В.А.Пыпиной была напечатана издательством "Прибой". Она произвела "шум" в литературных кругах, как сказал мне проф. Б.М.Соколов. Сама Вера Александровна не ожидала этого и говорила мне незадолго до смерти, что теперь эту книжку она не написала бы. Она считала, что ее недостаточно поняли.

После отъезда в Саратов, где М.Н.Чернышевский посвятил себя созданию музея, Вера Александровна стала связующим звеном в этом деле между Саратовом и Петроградом. Шла гражданская война, Саратов был в осадном положении. В эти годы М.Н.Чернышевский перевозил из Петрограда оставшиеся там вещи для музея и останавливался у В.А.Пыпиной. Она была посредницей между ним и П.Е.Щеголевым в подготовке к печати сочинений Н.Г.Чернышевского и статей о нем.

В 1924 году Михаил Николаевич скончался в Москве, и меня на другой же день назначили на его место. Мне было 28 лет. Сразу же дали командировку в Москву и Ленинград.

С тех пор до самой смерти В.А.Пыпиной она была ближайшим другом музея и его деятельным внештатным сотрудником. Первое, что было ею сделано, - это передача музею семейных писем Пыпиных и Чернышевских в количестве нескольких тысяч. Второе и самое главное - это помощь в передаче музею из Рукописного отделения библиотеки Академии Наук архива Н.Г.Чернышевского.

Таким образом, Вера Александровна оказала большое содействие музею Чернышевского. В это время она постоянно бывала в Пушкинском доме, Академии Наук и Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, распределяя архивные богатства А.Н.Пыпина между этими основными книгохранилищами Ленинграда. Кроме того, она, как художница, принимала самое активное участие в оформлении экспозиции Пушкинского Дома и Пушкинской квартиры на Мойке.

Командировки из Саратова в Ленинград помогали росту музея. Вместо с тем Вера Александровна до самой смерти не бросала своей семейно-архивной работы. Когда я приезжала, на столе, у дивана, на котором я дочевала, меня уже дождалась ее рукопись-машинипись, раскрытая на новом продолжении текста,

и на этом месте - карандаш для заметок. Теперь это была уже новая тема: "К биографии А.Н.Пыпина". Здесь были использованы неизданные материалы, письма приводились в виде обширных цитат, много места занимали страницы, посвященные Н.Г.Чернышевскому.

Самое главное - это то, что Вера Александровна никогда не писала спокойно, равнодушно. Она всегда смотрела на свои мемуарно-психологические очерки как на дело большого общественного значения и стремилась разрешить жгучие вопросы в современной оценке жизни и деятельности А.Н.Пыпина. Всю жизнь ее волновало и мучило обвинение Пыпина в несочувствии революционерам в эпизоде с романом "Пролог". очень горячо переживала она отождествление Пыпина с М.М.Стасюлевичем, редактором "Вестника Европы", - журнала, отказавшего Чернышевскому в сотрудничестве после возвращения из ссылки. Прежде чем записать, Вера Александровна много, настойчиво и взволнованно делилась со мной своими соображениями и размышлениями, высказывая то, что накопило у нее на душе за время нашей разлуки. Особенно памятным для меня остался ее рассказ о том, как тяжело сам А.Н.Пыпин переживал вырвавшиеся у него оскорбительные строки о революционерах. "Я помню, сколько потом у него было мучительных дней, как сидел он за столом, закрыв лицо руками, и как, не выдержав, раз обратился ко мне со словами: "Никогда не пиши писем в злой день. От этого потом будешь страдать всю жизнь". Только одна она знала об этих переживаниях отца. Успела ли записать? - Не знаю, потому что у меня сохранились только две папки и там нет, другие были у брата Веры Александровны - Н.А.Пыпина.

А.Н.Пыпин сам сознавал, что сгинул крапкой по отношению к революционерам - в докладной записке царю. Это доставило ему большие страдания. Ведь в то время на него никто за это не нападал, записка не появлялась в печати. Но сам он тяжело переживал этот вынужденный жест.

Февральская записка 1881 года, поданная Пыпиным об облегчении участи Чернышевского на 17-м году ссылки, была предметом ожесточенных нападков на него со стороны таких лиц, как Ю.Стеклов и В.Шульгин. Акция Пыпина дала им повод наброситься на него как на презренного либерала, для которого они не жалели выражений. Вслед за ними эта характеристика вошла в научный оборот. Однако никто из исследователей Чернышевского до сих пор не обратил внимания, что в этой же записке приведены факты, которые рисуют Пыпина с совершенно другой стороны. Из этого документа мы впервые узнаем, что в личных беседах с Пыпиным в крепости Н.Г.Чернышевский рассказал о подлоге в его деле: о подложном письме, сфабрикованном Всеволодом Костомаровым, и о лжесвидетеле Яковлеве. И Пыпин имел мужество *тогда же* возвысить свой голос в защиту Чернышевского, иложив всю эту гнусную историю с подлогом в письме к генерал-губернатору Петербурга А.А.Суворову. Эта записка не получила хода, дело Чернышевского уже было решено по царской воле, и Суворов был беспсилен что-либо сделать. Текст этой записки Пыпина 1863 года остался нам неизвестен, так как записка затерялась в архиве А.А.Суворова. Но сам Суворов подтвердил наличие этого документа, и по просьбе В.Д.Новицкого, Н.И.Костомарова и А.Н.Пыпина, согласился использовать ее в том же 1881 году, для чего специально ездил в Стрельну, где находился архив¹.

Значит А.Н.Пыпин в 1863 г. действовал рука об руку с той передовой студенческой молодежью, которая, узнав о низкой миссии лжесвидетеля Яковлева, не устранилась вмешаться за Чернышевского и раскрыла подлог в его

деле, написав Некрасову письмо с разоблачением провокации. Это знаменитое письмо от 13 апреля 1863 года, подписанное Ив. Гольд-Миллером, П. Петровским-Ильенко, А. Новиковым, Я. Сулиным и Л. Яценко².

Когда впоследствии мне встречались нападки на А.Н. Пыпина в статьях Ю. Стеклова или В. Шульгина, передо мною мысленно возникала фигура В.А. Пыпиной, и я видела ее взволнованное лицо, обрамленное серебряными гладко причесанными прядями волос, и слышала ее твердый голос, без малейшего оттенка гибкости, слабости или смущения. Теперь мне особенно ясно, что Вера Александровна всю жизнь искала истину. Ведь Пыпин хорошо знал подробности дела Чернышевского от него самого при свиданиях с ним в крепости. Весь Петербург говорил тогда о подложных документах, подкупном свидетеле. Пыпин особенно хорошо были осведомлены об этой гнусной комедии, которую царское правительство разыграло над Чернышевским. Могли ли они сочувствовать такому правительству?

Замкнувшись в себя после проводов Чернышевского в ссылку, они никогда не переставали думать о нем и страдать за него. В такой обстановке росла Вера Александровна, родившаяся через год после появления в печати романа "Что делать?" и названная в честь Веры Павловны. В записках Вера Александровна об отце прямо указывает, что женитьба его была ускорена тем, что ему нужен был друг в лице его невесты, так музлительно переживалась потеря Чернышевского, так пусто и тягостно стало в их петербургской семье. Жена А.Н. Пыпина Юлия Петровна воспитывалась после смерти отца в семье своей сестры, которая была замужем за Г.Р. Городковым. В студенческие годы Н.Г. Чернышевский встречался с ним у И.И. Введенского и до конца своих дней пользовался глубокого уважением с его стороны.

Пыпину пришлось взять на свои плечи тяжелое бремя, упавшее на семью Чернышевского. Самое тяжелое состояло в том, чтобы взять к себе в дом и воспитать детей Чернышевского, - это было сделано просто, по-семейному; от души была проделана А.Н. Пыпиным сложная операция по спасению дома Чернышевских от конфискации: покупка его во время пребывания Н.Г. Чернышевского в крепости и затем передача через нотариуса обратно в дар детям Чернышевского, когда они подросли. Пыпин взял на себя еще более ответственную задачу: около сорока лет он сохранял в своем кабинете ценнейшие рукописи Николая Гавриловича со всеми цензорскими изъятиями: "Эстетические отношения искусства к действительности", "Очерки гоголевского периода русской литературы", "Лессинг", перевод Милля с примечаниями и много, много других. Благодар мужеству А.Н. Пыпина, хранившему этот архив запрещенного писателя в те годы, когда по царскому велению из всех библиотек изымались и предавались уничтожению его сочинения, они дошли до нас в виде рукописей и корректур, которые в настоящее время составляют "золотой фонд" Центрального Государственного Архива литературы и искусства, как выразился в своем докладе начальник этого архива в клубе писателей в 1952 году. По законам царского времени Пыпин вполне мог быть привлечен за это по статьям свода законов о государственных преступлениях.

Но самое тяжелое, что обрушилось на Пыпина после ссылки Чернышевского и было для него невыносимо тяжело в моральном отношении, - это выступления в защиту Чернышевского перед правительством от лица семьи Николая Гавриловича. Совершенно безграмотная в этом смысле Ольга Сократовна была беспомощна как ребенок: психически больной старший сын Александр не мог

связать и двух слов в подобного рода прошениях; младший сын Михаил тоже был совершенно неопытен. За всех должен был думать Александр Николаевич Пыпин. Скрепя сердце он должен был писать Александру II, затем Александру III свои прошения об облегчении участи Чернышевского, причем обязан был облекать их в самую верноподданническую форму, чтобы они были приняты.

В.Шульгин, а вслед за ним автор проредактированной им книги Н.М. Романов, с чувством какого-то смакования приводят письмо Ольги Сократовны к А.Н.Пыпину, где она гордо отказывается принять его за то, что он боится быть в ее обществе как жены ссыльно-каторжного¹. Этот истерический припадок Ольги Сократовны не имел под собой никаких оснований, А.Н.Пыпин чист перед "женою ссыльно-каторжного" Чернышевского. Об этом говорят другие документы, мимо которых нельзя пройти исследователям архива Чернышевских - Пыпиных, хранящегося в ЦГАЛИ и ЦГИА в Москве. Понадобится ли Ольге Сократовне получить разрешение на свидание с Николаем Гавриловичем в крепости в 1863 г., захочет ли она предпринять поездку в Сибирь для свидания с мужем в 1866 г., выразит ли желание встретить Н.Г.Чернышевского в пределах Европейской России при переезде из Вилуйска в Астрахань после 19-летней ссылки - кто составляет ей прошения на имя начальника штаба корпуса жандармов Потапова, на имя петербургского военного генерал-губернатора Суворова и в департамент полиции? - Все тот же Александр Николаевич Пыпин. Его рукою написаны все эти прошения для женщины, которой он по благодетельству души простил оскорбительное письмо, правильно расценив его как проявление истерического припадка.

Ольга Сократовна долго не хотела "кланяться" графу П.А.Шувалову, наконец, сломила свою гордость, подала ему написанное Пыпиным прошение о переводе Николая Гавриловича из Вилуйска в более здоровую местность. Результатом была поездка жандармского полковника Винникова к Чернышевскому с прошением о помиловании, которое Николай Гаврилович отказался подписать. После этого Ольга Сократовна не переставала обращаться к сыновьям с просьбами о наведении справок в III отделении о здоровье отца, о пересмотре его дела при новом царствовании и т.д. Сыновья могли действовать только через того же А.Н.Пыпина.

Если сравнить текст прошения, поданного сыновьями Чернышевского Александру III в 1883г. о помиловании отца, и прошения М.Н.Чернышевского, обратившегося в 1885 г. к царю о разрешении отцу "повсеместного в империи жительства", то прямо можно сказать, что в обоих этих документах опять выступает А.Н.Пыпин в защиту Н.Г.Чернышевского, напоминая царю о подлоге в его деле, о гнусной роли предателя В.Костомарова. Тексты четырех прошений буквально совпадают в этой части.

В верноподданнический текст А.Н.Пыпин на протяжении более 20 лет вносил свой гражданский протест, имея мужество говорить правду в лицо "венценосному монарху".

После смерти отца М.Н.Чернышевский только при помощи А.Н.Пыпина смог пройти школу подготовки к изданию сочинений Чернышевского (замечательную школу истинного работника печати) и, что особенно важно, школу мытарств в цензурном комитете для получения разрешения издать несколько томов без имени автора в 1892-1894 годах. Кропотливый пожизненный труд М.Н.Чернышевского по разборке архива своего отца, расшифровке его дневников, составлению библиографических указателей был естественным

результатом воспитания, проходившего в семье такого крупного ученого-библиографа, каким был А.Н.Пыпин.

Александр Николаевич Пыпин никогда не пользовался милостями и щедротами из Зимнего дворца. Глубокий ученый, неутомимый труженик науки, он испытал на себе, что значит быть родственником Чернышевского, в тот долгожданный для всякого научного деятеля момент, когда решалась его судьба по утверждению его академиком. Хлопоты в научном мире по этому поводу протекали в чрезвычайно тяжелых условиях, они совпали с резким ухудшением судьбы Чернышевского: переводом в Вилейск на пожизненное поселение. О Пыпине перед этим собирали сведения в III отделении. Сведения эти были самого неблагоприятного свойства: Пыпин был выставлен неблагонадежным лицом. В качестве иллюстрации были приведены его тесные отношения с Н.Г.Чернышевским, Н.А.Серно-Соловьевичем и М.И. Михайловым, его сотрудничество и редакторство в запрещенном журнале "Современник", его присутствие на гражданской казни Чернышевского, выражение сочувствия последнему и т.д. (справка от 13 ноября 1869 г.). Шумная история, связанная с вопросом об утверждении А.Н.Пыпина академиком, достаточно известна. Пыпин был вынужден сам отказаться от "академического кресла", и таким образом, по выражению А.В.Никитенко, и овцы оказались сыты, и сено - цело (запись от 20 июля 1871 г.)⁴.

В нашей литературе следует пересмотреть еще одно пятно, тяготеющее над А.Н.Пыпиным. Это - обвинение его в сожжении рукописи романа Н.Г. Чернышевского "Старина". Впервые прозрачный намек на роль Пыпина в этом деле появился в письме Н.Ф.Даниельсона к К.Марксу из Петербурга от 16/28 января 1873 года.

"Чтобы получить сведения о жизни Чернышевского, я обратился к его друзьям, - пишет Н.Ф.Даниельсон. - Один из его друзей, с ранней юности тесно связанный с ним и поэтому близко его знающий, боняк теперь произнести громко его имя. Но этого мало. Получив в 1866 г. от Чернышевского роман чисто энического характера, в котором автор относится к своему герою точно так же, как Теккерей к Пенденису, роман, рисующий общественное движение 40-х годов в столице и в провинции, впечатление, произведенное Крымской войной на общество, общественное движение, явившееся результатом этой войны, освобождение крестьян и т.д. - этот человек не нашел ничего лучшего, как... сжечь роман!..."⁵

В редакционном примечании к этому письму говорится: "Возможно, что речь идет о "Старине" - первой части трилогии ("Старина", "Пролог", "Утопия"), которую Чернышевский писал в ссылке во второй половине 60-х годов. Рукопись "Старины" не сохранилась".

Г.Тамарченко категорически утверждает: "Несомненно и то, что в этом письме речь идет о Пыпине... Несомненно и то, что речь идет именно о рукописи романа "Старина", так как краткая характеристика ее содержания в письме Даниельсона совпадает по существу с более подробным изложением сюжета "Старины", которое дает товарищи Чернышевского по заключению - С.Стахович и В.Шаганов, слышавшие роман в чтении самого автора"⁶.

Эта версия подв�вачена и другими авторами книг о Н.Г.Чернышевском⁷.

Необходимо учесть, что Даниельсон в создавшейся исторической обстановке, когда царское правительство прилагало все усилия замолчать имя Чернышевского, был вынужден пользоваться непроверенными слухами.

складывавшимися вокруг этого имени. Указание Даниельсона подлежит пересмотру. Товарищ Н.Г.Чернышевского по каторге И.Г.Жуков также пишет о сожжении романа "Старые годы", но виновником сожжения называет прямо М.А.Антоновича⁸. Со стороны Пыпина такой поступок невозможен потому, что противоречит факту сохранения А.В.Пыпиным всего архива Н.Г.Чернышевского. В целях сохранения этого наследия Пыпин вместе с членами семьи занимался перепиской рукописей и писем Николая Гавриловича, составляя списки его сочинений. Почему же Пыпин не сжег весь архив Чернышевского и роман "Пролог", если на самом деле так сильно боялся преследований со стороны полиции?

После выхода книги Ю.Стеклова о Н.Г.Чернышевском (1928г.) имя А.Н.Пыпина подвергалось нападкам, превратившимся затем в какое-то линчевание: у таких "биографов" Чернышевского, как В.Шульгин, В.Баскаков, И.Романов и др. Пыпин превращен ими в закоренелого злодея, личного врага Н.Г.Чернышевского.

Поэтому с особенной яркостью встают передо мной сейчас выступления Веры Александровны Пыпиной в 1929-1930 гг. незадолго до смерти. Ей страстно хотелось показать подлинное лицо Александра Николаевича Пыпина. И все это делалось Верой Александровной честно, прямо, без подхалимства перед властью, а во имя правды. Писать очерк об отце было для нее вопросом жизни и смерти во имя исторической истины. Вере Александровне жило сознание долга, наложенного на нее историей. Из огромного богатства прошедших через ее руки архивных материалов и из личных впечатлений, складывавшихся в многочисленной семье Пыпиных и Чернышевских, она стремилась выбрать самое главное. Ей нужно было найти ключ к разрешению спорных вопросов, которые встретятся будущим исследователям большого культурного гнезда. В работах Стеклова Вера Александровна видела неправильный подход к этим вопросам. Его двухтомная монография, где много "левацких загибов" уже тогда, в 1928 году, дала толчок к выступлению В.А.Пыпиной с очерком об А.Н.Пыпине. И она была права.

Саратов, 1962г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Подробнее об этом см.: Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. Научная биография: В 4т. Саратов, 1978-1994. Т.3. С.263. Т.4. С.182-183. - Ред.

² Лемке М. Политические процессы. М., 1923. С.333-336; Процесс Н.Г.Чернышевского. Саратов, 1939. С.202-203.

³ См.: Шульгин В. Очерки жизни и творчества Н.Г.Чернышевского. М., 1956, С.262-263. Романов И.М. Н.Г.Чернышевский в вилюйском заточении. Якутск, 1957, С.130.

⁴ Никитенко А.В. Дневник: В 3т. М., 1956. Т.3. С.219.

⁵ Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями, Изд.2-е, М., 1951. С.92.

⁶ Тамарченко Г. Романы Н.Г.Чернышевского. Саратов, 1954. С.161-162.

⁷ См.: Шульгин В. Очерки жизни и творчества Н.Г.Чернышевского. М., 1956, С.263.

⁸ См.рукопись "Записки шестидесятника". Осн.фонд Гос. Дома-музея Н.Г.Чернышевского, №862, Л.44.

Н.Д.РОССОВ о А.П.ПЫПИНЕ По архивным материалам

"Незаконченное по независящим обстоятельствам высшее образование, ссылка, смерть жены после года совместной жизни, затем нелегкое положение человека без собственных средств, считающегося неблагонадежным". "Мягкий, гуманный, отзывчивый, деликатный, интересный и остроумный, добродушно, насмешливо подтрунивавший над увлечениями друзей и своими собственными, и строгий, принципиальный, когда дело касалось заветных убеждений и принципов"¹.

Приведенные строки из некрологов - характерные штрихи к портрету незаслуженно полузабытой фигуры уроженца Саратова Н.Д.Россова. Сын художника Дмитрия Николаевича Россова (1836 - 1888), разножанровые изобразительные работы которого хранятся в запасниках Саратовского музея им. А.Н.Радищева. Николай Дмитриевич оставил яркий след в различных областях общественной-политической и культурной жизни нашего города.

Сосланный сюда из Петербурга в мае 1885 года за участие в студенческом движении, Россов становится одним из заметных членов местного народо-вольческого кружка (второго состава) 1883 - 1887 годов. Уже тогда проявились литературные и художественные наклонности 19-летнего юноши. Народовольческая группа большое значение придавала пропаганде своих идей и организационной работе среди учащейся молодежи. Так, в 1883 - 1885 годах гимназисты и реалисты Саратова издавали гектографированный журнал "Рассвет", в подготовке которого активно участвовал Россов². Он, вероятно, также занимался художественным оформлением распространяемого среди реалистов гектографированного сборника "Стихи и песни"³.

Наиболее активные Саратовские народо-вольцы были сосланы в марте 1888 г. в Западную Сибирь. Россов также привлекался к дознанию по делам московских и петербургских кружков и был приговорен к трехлетней сибирской ссылке⁴.

После возвращения Николая Дмитриевича в Саратов в сентябре 1890 года⁵, наиболее значимым из известных фактов его участия в народо-вольческом движении явилась поездка в декабре 1891 года в Самару. Известно, что Россов участвовал в дискуссии, вызванной докладом В.В.Водовозова о деятельности германской социал-демократии, резким оппонентом которого выступил В.И.Ленин⁶. К сожалению, текст речи Россова остается неизвестным.

После сибирской ссылки Россов прожил в Саратове неполных 20 лет. По словам одного из авторов некролога по случаю кончины Николая Дмитриевича, "Старого журналиста", не было в тот период в Саратове сколько-нибудь заметного общественного и политического мероприятия, в котором бы Россов ни участвовал⁸. Его творческая биография тесно переплелась с его служебной карьерой. Он становится видным местным журналистом и крупным земским деятелем.

В те годы, зачетную под псевдонимами Н.Р., Р-ви, Р-ст, Ршорнет⁹, Россов выступает автором многочисленных литературно-художественных обзоров и статей, помещенных в местных газетах. В 1896 году Россов поешуил на службу в

губернскую земскую управу, участвовал в работах оценочного комитета. С 1911 года заведовал отделом народного образования. В публикациях Россова в "Саратовской земской неделе" и в "Земском деле" затрагивались проблемы истории земства и многие актуальные вопросы тогдашнего земского движения¹⁰.

Незаурядные способности Россова, в большей степени как знатока русской литературы и небезызвестного художника, проявились в его плодотворном сотрудничестве с основанным в Саратове 19 марта 1889 года Обществом любителей изящных искусств (ОЛИИ)¹¹. Помимо ярких печатных выступлений на общественно-исторические и литературные темы, Россов запомнился современникам как блестящий оратор, неоднократно читавший доклады по идентичным проблемам в народной аудитории и земском собрании¹².

Россову принадлежал биографический очерк о его дальнем родственнике, писателе-народовольце Н.Е.Каронине-Петропавловском, вошедший в двухтомник писателя, изданный К.Т.Солдатенковым в 1899г. в Москве¹³. Он принимал участие (вместе с известным саратовским художником В.В.Коноваловым) в подготовке иллюстраций к сочинениям Гоголя¹⁴, выставлял свои работы на 4-й художественной выставке ОЛИИ¹⁵.

Активная деятельность Россова на ниве просвещения тогдашнего общества была столь ощутима и заметна, что друзья в шутку называли его "культурным центром Поволжья"¹⁶. Умер Россов 11 июля 1914 года. Спустя два дня состоялись похороны Николая Дмитриевича. От Бахметьевской улицы, где он проживал, до Ильинской церкви, в которой его отпевали, друзья несли гроб с телом усопшего на руках. По пути процессии к ней присоединился член Государственной думы А.Ф.Керенский¹⁷.

Перечисленные заслуги Россова говорят о его незаурядной натуре и весомом вкладе в культурную и общественную жизнь Саратова, что, к сожалению, нашло лишь беглые упоминания в названных печатных изданиях. Фигура Н.Д.Россова заслуживает написания подробного биографического очерка. В этой связи особую значимость приобретают вновь найденные материалы, принадлежавшие или посвященные имепитому саратовцу. Так, в ГАСС хранится черновой набросок речи Н.Д.Россова, посвященный памяти А.Н.Пыпина, датированный 17 декабря 1904 года¹⁸.

Рукопись написана чернилами с многочисленными правками, вставками и зачеркиваниями. Начало и окончание источника датированы 17 декабря 1904 года, что позволяет говорить о кратковременном периоде его подготовки. Обращает на себя внимание отсутствие традиционных форм построения текста. Так, в речи не упоминаются биографические данные А.Н.Пыпина, лишь фрагментарно перечисляются его основные сочинения и характеризуются научные заслуги. "Памяти А.Н.Пыпина должна быть посвящена моя речь,- отмечает Россов. - Это имя связано с целым рядом добросовестнейших научных исследований, доставивших ему звание академика и общее уважение; но не теперь и не здесь уместно рыться в этих томах, взвешивать и оценивать значение этих исследований. Это не уйдет".

Обращение к документу позволяет утверждать, что в период созревания острых политических катаклизмов, способных до основания потрясти устой русского общества, когда наиболее зримо выкристаллизовывались позиции различных партий и течений, автор речи использовал характеристику личности Пыпина с целью изложения своих общественно-политических взглядов и умонастроений. Именно поэтому во главу угла он поставил анализ идейной

платформы ученого в тесной взаимосвязи с эпохой, в которую он жид и творил. "Более полвека,- писал Россов,- работал Пыпин в русской литературе, более полвека его имя связано с большим политическим журналом ("Вестником Европы" -А.О.)¹⁹, и я пройду за ним его длинный путь и постараюсь в общих чертах уяснить с кем и куда он шел по нему". Россов дает свою трактовку расстановки политических сил накануне крестьянской реформы. По этому поводу он отмечал, что "в одних рядах (борцов против крепостничества - А.О.) стояли западник, поклоняющийся английскому парламентаризму, славянофил, ждущий обновления от исконных русских начал, социалист, мечтавший о равенстве и братстве всех людей"²⁰.

Как основная через всю речь Россова проходит мысль о его неприятии бюрократического режима самодержавной России. Он говорит об этом постоянно, особенно полно, обращаясь к периоду контрреформ 80-90гг. прошлого столетия. "Жизнь обратилась в тюрьму, где человек задыхался, изнемогал,- писал автор речи. - бюрократия, по существу своему обязанная "служить" народу, оберегать закон и благо общественное, стала его тюремщиком, и от самого закона остались только сладкие воспоминания... Его (закон - А.О.) заменил административный произвол, опутавший все густой сетью циркуляров и предписаний, большей частью секретных".

Симпатии бывшего активного народовольца на стороне прогрессивных сил, к которым он относил как представителей революционной демократии, так и либеральной интеллигенции. Значительный интерес представляют страницы рукописи, на которых говорится о взаимоотношениях выразителей этих направлений общественного движения России. Автору видны их противоречия и различия. "Враждебно отнеслось,- отмечал он, - к либерализму и наиболее прогрессивное движение, во главе которого сначала стоял "Современник" со своими вождями Чернышевским и Добролюбовым и затем "Отечественные записки". Пафос речи Россова позволяет утверждать, что наиболее близки автору принципы, взгляды, позиции либералов, главное место среди которых он отводил политической свободе.

В начале нынешнего столетия, по его словам, "политическая свобода" стала тем самым вопросом дня, минуты... каким в Севастопольскую войну был вопрос о крепостном праве". Необходимость завоевания и отстаивания таких благ политической свободы, как свобода слова, печати, собраний, неприкосновенность личности, право участия граждан страны в законотворческой деятельности, приобретает для Россова всеобъемлющий характер, и с этим он связывает надежды на лучшее будущее России. Либерально-демократическая ориентация Россова выражалась в том, что для него были неприемлемы как самодержавно-бюрократический правящий режим страны, так и возможность победы сил политического радикализма. Именно с таких позиций можно расширить его слова о том, что если в период падения крепостного права против реального освобождения народа выступали различные круги помещичьей олигархии, "то теперь (в преддверии первой русской революции - А.О.) у всех нас должны быть только два врага: те, кто цепляется за старые цепи политического рабства, стараясь удержат исторический ход, и те, кто кует новые, желая этих политических прав не для всех, желая урезать свободы или лишить их неизбежных и прочных гарантий. Эта свобода без свободы или свобода без гарантий, то же, что свободный мужик без земли. Это новое замаскированное рабство".

Вместе с тем, у Россова нет негативных оценок деятелей революционно-демократического движения. Более того, указывая на разнородность либерального лагеря, свойственную его представителям нерешительность в решении тех или иных злободневных проблем тогдашней российской действительности, автор речи пишет: "Идейное значение течения, представленного "Отечественными записками" и "Современником", громадно. Оно переработало и самый либерализм... заставив его очень осторожно и внимательно относиться к социальной стороне вопроса, не забывать голодных ради благ, в которых сознательно заинтересованы прежде всего сытые, оно демократизировало русское общество".

Россов не исключал возможного союза представителей революционно-демократического и либерального лагеря, видя в нем залог успешных, так необходимых коренных преобразований жизни русского общества.

Так, он писал, что в новых исторических условиях; "стена, которая могла еще стоять между либералами и радикалами, стояла по недоразумению. Должно было расти сознание того общего, что по отношению к данному моменту связывало их всех, однако не обязывая свергивать свои прежние знамена, обособившиеся во имя различия направлений и крупных противоречий в основных взглядах на общественные задачи".

"Общее", что могло объединить прогрессивные силы России, было, по мнению Россова, завоевание политической свободы.

Содержание речи Россова позволяет также утверждать, что он не полностью освободился от народнических представлений о самобытном пути развития России. Так, справедливо указывая на несовершенства политического устройства европейских стран, автор речи считал возможным для русского народа "не идти за Европой ее путем, раз сама она не пришла по нему к должному концу", тем самым как бы ставя под сомнение объективные реалии общественного развития.

Самому А.Н.Пышину отведено буквально несколько страниц речи. Автор характеризует его на фоне общественного подъема 60-х годов. "Была "ясна" на русской земле, когда Пыпин выступил в литературе,- писал он,- была эпоха "освобождения" от крепостных цепей русского народа... Пыпин был вместе с другими на гребне этой освободительной волны. Он не был особенно заметен. Скромный, трудолюбивый и умеренный ученый терялся в рядах, блиставших именами гораздо более яркими, где работали огромные умы и таланты. По своему направлению он целиком примыкал к так называемому западничеству, считал, что европейская цивилизация - достаточный лозунг и что развитие ее основного начала: правового порядка, обеспечивающего личную свободу и законность - есть путь, на котором Россия приобщится, наконец, к этой цивилизации. Начатые реформы 60-х гг. логически вели к тому же".

Далее Россов определяет место Пыпина в общественном движении периода "контрреформ". В это время "многое было изуродовано уродливым ходом жизни. Из былого славянофильства выросла аксаковская "Русь". Катков перебежал в лагерь победителей... Чернышевский пошел на каторгу. Рабы души пытались как-нибудь приладиться к обстоятельствам. А.Н.Пыпин остался тем же, чем и был, и перенес свои надежды и свою веру в журнал ("Вестник Европы" - А.О.²¹), который все это бесконечное время прочно держал в своих руках свое западническое знамя, на котором первым лозунгом стояло: политическая свобода... Под этим знаменем Пыпин писал свои многотомные сочинения, и в них его мысль была прикована к воспитавшей его весне, к эпохе освобождения".

По словам Россова, писавшего эти строки в декабре 1904 года, "полвека литературной деятельности Пыпина... теперь должны получить иную оценку". Если ранее "его западнический лозунг терялся и не его знамя было боевым знаменем, - теперь оно стало боевым (и слово "либерал" не может больше трепироваться по-прежнему)... Теперь вокруг него должны сплотиться все направления... Удержать неизбежный исторический поворот нельзя".

Таков главный вывод, к которому приходит автор речи, посвященной А.Н.Пыпину. Рассматриваемый документ лишней раз убедительно подтверждает общественную значимость научно-литературного наследия ученого, влияние его идей и мыслей на современников.

Факт личного знакомства Н.Д.Россова с А.Н.Пыпиным установить не удалось. 24 сентября 1905 года на собрании СУАК, почтившем память умерших за последнее время членов комиссии, в том числе и А.Н.Пыпина, возможно, и была произнесена речь Н.Д.Россова, посвященная ученому²². Лишнее тому подтверждение тот факт, что документ хранится в ГАСО в деле СУАК.

Речь Н.Д.Россова представляет несомненный интерес как документ эпохи, неизвестный источник, содержащий интересные сведения о двух знаменитых саратовцах - А.Н.Пыпине и Н.Д.Россове.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Саратовский вестник, 1914. 12 июля.

² См.: Широкова В.В. Саратовские народовольцы в период реакции 1880-х годов // Освободительное движение в России. Саратов. 1975. Вып. 4-5.

³ См.: Там же. Вып. 4. С.102.

⁴ См.: Там же. Вып. 5. С.30.

⁵ См.: Малинин Г.А. Свяжите нас с Вавилоном. Саратов, 1973. С.9-10.

⁶ См.: Трофимов Ж.А. Самарские университеты. М., 1988. С.134-135.

⁷ Псевдоним Н.М.Архангельского (1864 - 1941) - известного саратовского журналиста с начала 1890-х гг., осужденного в январе 1886г. к четырем годам ссылки в Красноярский край за участие в деятельности партии "Пролетариат". Познакомился с Россовым в марте 1886 г. в знаменитой московской Бутырской тюрьме и в дальнейшем в Саратове поддерживал с ним дружеские отношения. (См.: Сивельев-Архангельский О. Не мыслю Саратова без Николая Михайловича // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып.5. С.90-108.)

⁸ Саратовский вестник. 1914. 12 июля.

⁹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4т. М. 1960. Т.4. С.411.

¹⁰ См.: Хованский Н.Ф. Краткие биографии // 25-летие Саратовской ученой Архивной комиссии. Саратов, 1911. С.29. Труды Саратовской ученой Архивной комиссии. 1915. вып.32. С.219.

¹¹ В ведении общества была музыкальная школа, литературная секция, рисовальная школа-студия. См.подробнее: Казаков Б.И., Казакова Г.Д., Любомирова Л.Н. Страницы летописи Саратова. Саратов, 1987. С.98.

¹² См.: Саратовский вестник. 1914. 12. 15 июля.

¹³ См.: Буш В.В. Материалы к биографии Каренина: Публикация черновых биографических записей, сделанных Россовым // Литературные беседы. Саратов, 1930. Вып.2. С.33-47.

¹⁴ Соколов С.Д. Саратовские художники. Саратов, 1925.

¹⁵ Кормакулина Г.М., Федорова Г.Е. и др. Хроника художественной жизни Саратова. 1874-1980. Саратов. 1988. С.23.

¹⁶ См.: Саратовский вестник. 1914. 12 июля.

¹⁷ См.: Там же. 1914. 15 июля.

¹⁸ Россов Н.Д. Памяти А.Н.Пыпина // ГАСО. Ф 407. Оп. №2. Дело №805. Л.1-19. Сведения о документе предоставлены И.В.Порохом, за что автор сообщения выражает ему глубокую благодарность.

¹⁹ А.Н.Пыпин работал в "Вестнике Европы" с 1867 по 1904 год.

²⁰ В советской историографии общепринято, что в конце 1850-х годов произошло размежевание радикально-демократических кругов с представителями либерального лагеря вследствие различного решения крепостного вопроса в России.

²¹ Защита "Вестником Европы" реформ 60-х гг., острая критика деятельности правительства в различных сферах общественной и культурной жизни, после долгих лет замалчивания, отмечаются в работах современных исследователей. См.: Кельнер В.Е. М.М.Стасюлевич и либеральная оппозиция в 70-начале 80-х годов XIX в. // Отечественная история. 1992. №4.

²² См.: Труды Саратовской ученой Архивной комиссии. 1908. Вып.24. С.94.

З.И.Рустамова

ВОСТОЧНАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ "ВОЕННОГО СБОРНИКА"

В 1858г. в Петербурге увидел свет новый журнал "Военный сборник". Замысел уредителей его был представлен в "Проекте об издании Военного сборника". В нем говорилось, что сборник этот не должен был "иметь характера журнала специального военного", а должен "быть изданием военно-литературным"¹.

Журнал молниеносно приобрел популярность не только среди офицерства, но и среди гражданского читателя. Первый его номер, вышедший в мае, был так быстро раскуплен, а желающих прочесть оставалось так много, что редакции пришлось организовать дополнительный выпуск этого номера. В первый же год журнал выходит тиражом более 5 тыс. экземпляров² (тираж такого популярного журнала, как "Современник", например, в 1858г. был около 4800 экземпляров).

Одной из причин столь широкой популярности "Военного сборника" было то, что его ведущим редактором стал Н.Г.Чернышевский, который и определил общее направление журнала.

Как известно, в конце 50-х-начале 60-х годов в России сложилась чрезвычайно сложная общественно-политическая ситуация.

Рост недовольства в стране, крестьянское движение и революционный подъем оказывали влияние на передовую часть русского офицерства; освободительные идеи проникали и в солдатскую среду.

Демократы во главе с Н.Г.Чернышевским хорошо осознавали необходимость военной реформы. Легальной возможностью заняться этим и было участие Чернышевского в работе над выпуском журнала "Военный сборник" в качестве редактора. Успешному выполнению Чернышевским редакционных

функций во многом способствовала весьма широкая популярность его в офицерских кругах еще с 1853г., когда он поступил работать учителем русского языка во 2-й Кадетский корпус.

Во всех выпусках журнала, которые успел отредактировать Чернышевский, нет ни одной статьи (и это был один из тактических приемов), под которой стояла бы его фамилия. Однако, несмотря на это, голос его слышался и рука его чувствовалась на каждой странице журнала. Из множества поступающих в редакцию статей Чернышевский отбирал для печати только те, которые выражали передовые идеи и по духу своему были близки убеждениям большей части редакционной коллегии.

Материал, отобранный к печати, помещался в четырех разделах журнала: официальном, военных наук, литературном и библиографическом. Помимо злободневных вопросов, связанных с положением в армии и на флоте, журнал смело поднимал и пропагандировал общегуманистические идеи: со страниц его звучал призыв к человечности по отношению к простому солдату, к заботе о нем. Эта направленность становилась все более заметной и привлекала читателей.

Однако предметом разговора в данном случае будет та сфера редакторской работы Н.Г. Чернышевского, которая позволяет говорить о его интересе к Востоку и его проблемам. Следует отметить, что журнал предлагал своим читателям статьи с ориентальной тематикой: но важным для нас является не наличие их в журнале, а то, под каким углом зрения, с какой целью Чернышевский подавал этот материал.

Устойчивый интерес к Востоку побуждал Чернышевского даже в статьях чисто военного характера обращаться к некоторым ориентальным вопросам, актуальным не только для журнала, но и для широкой общественности (например, французская экзекансия в Алжире).

Все "восточные" статьи условно можно разделить на два раздела: это материалы, непосредственно связанные с Россией ("Общий обзор Кавказского края", ряд статей о Крымской войне, некоторые материалы из "Обозрения военных журналов" и др.), и материалы, которые имеют с Россией опосредованную связь ("Очерк возмущения сипаев в Ост-Индии", "Кабилля в 1857 году", "Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах" и др.).

Структурировав таким образом статьи, можно утверждать, что Чернышевский, остро ощущавший специфику общественно-политической ситуации России начала 60-х годов, очень серьезно и глубоко интересовался опытом народных движений в различных регионах земного шара, в том числе восточных.

Присоединение закавказских земель к русским подхлестнуло официальную Россию к всестороннему изучению края. Ведь выход к нефти и эксплуатация ее требовали не только экономических, географических знаний, но и глубокого изучения этнографии, культуры народов, населявших эти земли.

Задачи по ознакомлению русского читателя с Закавказьем частично взяла на себя газета "Кавказ" (1846-1918), выходившая в Тифлисе. Первый издатель и редактор ее О. Константинов, разъясняя цели и задачи газеты, отмечает, что она призвана "знакомить своих соотечественников с любопытным нашим краем, еще находящемся почти в младенческом состоянии и мало известном"; "до сих пор читатель мало знал достоверного о характере, взаимных отношениях кавказцев с русскими, и газета, устранив все ошибочные мнения, постарается представить Кавказ в настоящем виде"³. Таким образом, "Кавказ", поставщик информации о

далеком и загадочном крае, должен был одновременно способствовать проведению правительственного курса - вовлечению Закавказья в экономическую жизнь России.

Газета очень скоро становится популярной среди русских читателей, которые могли почерпнуть в ней немало ценного, познакомиться с народами, живущими рядом. На ее страницах выступала и передовая интеллигенция Закавказья. М.Ф.Ахундов, например, публиковал здесь свои комедии.

В свое время Белинский, а затем и Чернышевский дали высокую оценку работе талантливых журналистов и редакторов, издававших газету. В 1855г. Чернышевский писал в "Отечественных записках" (№1): "Долгом поставляем... обратить внимание на прекрасную газету "Кавказ". ...издание заключает в себе драгоценные местные сведения о прошлой и нынешней жизни той любопытной страны, которой имя оно носит..."⁴

В первом же номере "Военного сборника" в разделе "Обозрение военных журналов" (авторство не указано) читаем: "О газете "Кавказ" скажем, что она честно служит своему делу, и в течение нескольких лет успела заинтересовать собою не только свой край, но даже ... и Россию"; "до сих пор "Кавказ" снабжает нас подробными сведениями о всех военных действиях, происходящих в тамошнем крае: желательно, чтобы он давал нам более серьезные статьи о сопредельных с ним странах"⁵.

Вот, так сказать, видимая причина обращения автора "Обозрения..." к анализу газеты - она снабжала читателей информацией о военных действиях на Кавказе. Но она не только поставляла материал военного характера, в большей степени она удовлетворяла потребность читателя в знаниях о новых неизвестных землях и их народах.

Здесь уместен и интересен следующий вопрос: кто же мог написать упомянутые выше строки о газете "Кавказ" ("Военный сборник", №1), которые своим эмоциональным и оценочным звучанием восходят к строкам Чернышевского в "Отечественных записках"?

Л.Г.Бескровный выдвинул предположение, что "Обозрения военных журналов" во всех выпусках под редакцией Н.Г.Чернышевского составлялись самим редактором⁶.

Попоставив приведенные выше отрывки из текстов, написанных в 1855 ("Отечественные записки") и 1858 ("Военный сборник") годах, нельзя не согласиться с выдвинутой гипотезой и сделать вывод о том, что автор у этих работ один и тот же, хотя "Обозрения..." не включены ни в один из библиографических указателей статей и работ Чернышевского.

В пользу авторства Чернышевского говорит также и тот факт, что сам он был общим редактором журнала и ведал одновременно его литературной частью, оба его помощника же (полковник Аничков и капитан Обручев) ведали чисто военным материалом⁷.

В следующем "Обозрении..." помещенном в третьем номере журнала, среди других называется и статья Анучина "О началах инженерного искусства, проявляющихся у кавказских горских народов"⁸ (из "Инженерного журнала"). В статье приведены интересные наблюдения автора. Воинственные племена Кавказа, постоянно кочующие, вынуждены грабить друг друга, чтобы прокормиться. Не имея стабильного места жительства (так же, как письменности и письменных памятников), племена, естественно, не могут производить

необходимые для жилья постройки, устроить свой быт. Однако элементы инженерного искусства у них проявляются именно вследствие военных действий (в возведении искусственных препятствий, при переправе через реки и горные ущелья и т.д.).

Интересно отметить, что в период выхода "Военного сборника" еще продолжалась борьба горцев Дагестана и Чечни во главе с Шамилем против паризма. Лишь в 1859г. он сдался в плен, в 1858 же году вопрос о торцах еще стоял на повестке дня, хотя автор об этом и не упоминает.

Из статьи становится ясным, что кочевой образ жизни и определенный уровень мастерства при возведении переправ в горах осложняют военные действия против восставших, их поимку и приведение к присяге. Это с одной стороны. С другой - напрашивается вывод о том, что несмотря на постоянную смену места жительства и борьбу племен друг с другом, отступстве письменности и памятников культуры, горцы обладают довольно обширными представлениями об инженерных операциях и достаточно успешно могут использовать определенные элементы инженерного искусства. Это говорит о больших потенциальных возможностях горских народов, чего нельзя было не учитывать при проведении дальнейших экономических и политических акций в регионе.

Очевидно, такой вывод соответствовал позициям журнала и убеждениям главного редактора, создающего необходимость способствовать развитию различных народов, народностей и их культур.

В редакционном "Общем обзоре Кавказского края" затрагиваются вопросы не только военного характера. Речь здесь идет о памятниках культуры закавказских народов⁹. Как доказательство древности культур этих народов приводятся описания развалин городов, известных и сегодня (Барда, Бейлаган и др.), водопроводов, которые прорезали во всех направлениях низменности Куры и Аракса, Муганской степи. Они снабжали водой значительную часть местного населения.

В первой части обзора ("Географический очерк края"), который ориентирован на военные проблемы, дается подробное описание гор Кавказского хребта, показывается стратегическое значение горных переходов, перевалов, фиксируется внимание на опасных, подстерегающих вооруженные отряды в горах и связанных часто с непогодой, характеризующая реки (свирепая и непредсказуемая Кура, Борчала, Акстафа и др.).

Вместе с тем в статье дан подробный этнографический очерк, в котором рассматривается национальный состав населения и деление его по вероисповеданию: говорится о бесправном положении женщины на Кавказе и т.д. После присоединения этих земель к России край поделен на четыре губернии - Тифлискую, Кутаисскую, Эриванскую, Шемахинскую - и получил гражданское управление. Среди фактов, свидетельствующих в пользу владычества России над Кавказом, есть и такие, как возможность содержания здесь войска для ограждения местного населения от частых набегов соседних племен, что способствовало бы искоренению привычки носить постоянно оружие, бояться набегов и др.

Таким образом, данная статья (как и газета "Кавказ") предложила своим читателям интересные материалы о "Кавказском крае" - соседнем, малоизвестном, поддержав тем самым общую ориентацию правительства на изучение Кавказа.

Последняя группа статей первого раздела, имеющих непосредственное отношение к России, объединена общей темой Крымской войны.

Чернышевский внимательно следил за возникновением и ходом русско-турецкой войны (1853-1856), переросшей в Крымскую. Он осуждал ее как несправедливую со стороны самодержавия, но одновременно говорил о захватническом характере войны со стороны Турции и особенно ее союзников - Англии и Франции.

Как известно, Крымская, или Восточная война велась между Россией, с одной стороны, и Великобританией, Францией, Турцией и Сардинией - с другой, за господство на Ближнем Востоке и закончилась поражением России. Россия не имела обученных резервов, армии не хватало вооружения, боеприпасов, продовольствия, финансовых средств и т.д. Поражение сильно подорвало международный и внутренний престиж царизма, ускорило падение крепостного права в России.

В ряде статей "Военного сборника", посвященных урокам прошедшей войны¹⁰, приводятся факты такого характера, что читатель в поисках причин поражения приходит не к мысли о превосходящих силах противника, а ищет эти причины намного глубже.

Редакция взяла на себя смелость раскрыть "изнанку Крымской войны" и рассказать об этом.

А рассказала она много такого, о чем официальная Россия предпочла умолчать. Прежде всего - это нечеловеческие условия, в которых содержалась армия. Сильнейшую разоблачительную силу приобрели многочисленные факты, свидетельствующие о гибели солдат не в сражениях на поле боя, а от бесконечных инфекций и эпидемий вследствие антисанитарных условий в армии, в госпиталях же - от нехватки медикаментов. Плохо было налажено и продовольственное снабжение: обмундирование солдат никуда не годилось, они мерзли, терпели другие неудобства и т.д. и т.п.¹¹

И все это происходило постоянно, хотя Россия хорошо понимала, что Севастополь держался не крепостию своих земляных оград, но силой своей артиллерии... а героизмом солдат и потоками пролитой ими крови"¹².

Кстати, о плохом снабжении армии, о нехватке медперсонала, о том, что умерших от эпидемий не успевали хоронить и 30 лет назад писал Энгельбах в своих "Воспоминаниях о действиях 1-й конно-егерской дивизии в турецкой кампании 1828 года"¹³. И хотя в статьях не говорится, но между строк ясно читается, что такое положение во всей царской армии, независимо от того, участвует ли она в военных действиях или нет. После походов, после проявленного героизма и стойкости под вражескими пулями, после эпидемий солдат возвращался в свои ужасные казармы, где его ожидали постоянные унижения, жизнь впроголодь, болезни. Он не получал даже минимума внимания, заслуженного им.

Особое звучание разоблачительным статьям о Крымской войне придавал обращенный в сторону офицерства призыв к гуманности по отношению к простому солдату: "Чтобы извлечь всю поучительность из Крымской войны, мы действительно должны бы были не упускать из виду ни одного солдата, хранившего в эти великие годы отечество..."¹⁴

Одно из заключений авторов заставило поволноваться многих чиновников. На основании многочисленных фактов, свидетельствующих о безобразиях в армии, был сделан вывод о том, что до армии просто не доходит все, что отпущается государством на ее содержание, и те жертвования, которые идут от народа. Они оседают в карманах тех, кто пользуется всем этим в своих интересах. "Кровь тысячи и тысячи умерших на совести этих людей"¹⁵.

Обращение редакции к теме Крымской, или Восточной войны позволило читателям "Военного сборника" четко определить позицию журнала по отношению к столь злободневному вопросу. Редакционная коллегия присоединилась к предложению генерал-майора Затлера о необходимости придерживаться строгой истины во всем¹⁶ и решила публиковать работы, в которых подвергались анализу причины поражения России в Крымской войне. Это позволило авторам сделать определенные разоблачения всей армейской системы. И хотя в статьях не утверждалось, что главная причина поражения была в отсталости царской России, это, однако, читалось между строк.

Второй раздел статей с ориентальной тематикой, как было упомянуто выше, имеет опосредованную связь с Россией. Из редакционного портфеля выбирались они, конечно, не без цели, останавливая внимание читателей на опыте освободительных движений в других странах.

В 1857г. в Индии началось народное восстание против английского колониального господства. Ядром восстания были сипаи (наемные солдаты, вербовавшиеся из местных жителей). Теме данного восстания, причиной которого послужила замена старого вооружения на новое, посвящена статья К.Львовича "Очерк возмущения сипаев в Ост-Индии"¹⁷. Новые ружья имели патроны, смазанные свиным салом. Стали распространяться слухи, что оно от нечистых животных и применено с целью унижения мусульман. Началось брожение, которое 10 мая 1857 года переросло в восстание.

Подробно описывая походы и операции восставших, автор подвергает анализу их военные действия на пути восстановления империи и провозглашения императором 82-летнего монгола Мирзы Абу Джаффара.

Не мог также оставаться незамеченным прогрессивно настроенной редакцией "Военного сборника" трагический этап многолетней истории национально-освободительной борьбы алжирского народа против французских завоевателей (1830-1917). В 1857 году французские войска, сломив сопротивление повстанческой армии, захватили Кабилию (ряд горных массивов в Алжире с населением, говорящим по-арабски). Журнал публикует ряд статей А.Беренса "Кабилия в 1857 году"¹⁸.

В первой же статье читаем: "...В последнее время Россия на Кавказе, отчасти Франция в Алжире, Англия в Индии ведут войны с горными племенами с единственной, но вместе с тем и с самой трудной для достижения целью подчинить совершенно своей власти эти племена, дабы открыть к ним новые пути для современной цивилизации"¹⁹.

Говоря о Кабилии, автор не случайно упомянул и о России, которая в это же время вела войну с горными племенами Северного Кавказа. Так же, как в России племена во главе с Шамилем, алжирские племена под предводительством эмира Абд аль-Кадера оказывали упорное сопротивление. Алжир, как известно, стал первой ступенью во французской экспансии в Северной Африке. А.Беренс прослеживает борьбу алжирских племен против французских колонизаторов с самого начала до захвата Кабилии в 1857г., особо выделяя, что французский провозвел не знал границ - захватчиками поприслались всеяческие права местного населения.

В первую очередь автора интересует процесс создания повстанческой армии во главе с Абд аль-Кадером (который, как и Шамиль, был провозглашен предводителями священной войны), предпринявшим последнюю попытку

соединить в одно целое разделенные племена и воскресить арабскую национальность.

На усмирение более двухсот племен горных кабиллов была брошена армия во главе с маршалом Бюжо и генералом Рандоном, которые оставили в истории алжирского народа прямо-таки кровавый след: военные действия, предпринятые ими, ужасали всех размахом жестокости. Захват Кабиллии французами - всего лишь один эпизод из многолетней войны алжирского народа за свою независимость, которая еще долго, вплоть до начала нового, двадцатого столетия, оставалась одной из злободневных проблем.

Будучи глубоким знатоком истории, Чернышевский, исходя из характера войн, классифицировал их по той роли, которую они играли в жизни общества. Он осуждал захватнические войны и считал, что "человеку трудящемуся разорительна всякая война". Война, по Чернышевскому, направлена против человека, она антигуманна по своей сути, сталкивая людей, делает их жестокими по отношению друг к другу. Теме войны и положения человека, попавшего в плен, посвящены воспоминания А. Розелдон-Сошальского "Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828-1829 годах"²⁰, помещенные в трех номерах журнала (литературный раздел).

Русско-турецкая война (1828-1829) была вызвана борьбой за раздел владений Османской империи, переживавшей острый внутренний кризис. Русскими войсками были взяты в Закавказье Карс и Эрзрум (вспомним "Путешествие в Эрзрум" А.С.Пушкина), разгромлены турецкие войска в Болгарии. И вот в августе 1828г. небольшой отряд русских офицеров и солдат отправился с депешами в главную квартиру армии, находившуюся тогда под Шумлою.

Отряд попал в окружение и был пленен турками, которые, будучи жестокими и бессердечными на полях сражений, отнеслись к пленникам весьма терпимо. Русских переправили на остров Халки, где они оказались поставленными в тяжелые жизненные условия - раненых не было возможности перевязывать, продовольствие поставлялось плохо, дозорные постоянно напоминали невольникам об их зависимом положении²¹. Однако мужество и стойкость русских солдат и офицеров вскоре заставили турок обращаться к ним с почтительным уважением. Появившийся же в лагере бим-баш (очевидно, "мин-баш" - тысячник - З.Р.) Гафиз-яга, умный и образованный турок, во многом содействовал и помогая пленным²². Автор называет его "несравненным", "благородным мусульманином"²³ и подчеркивает неоднократно, что турки относились к русским в общем-то сносно, особо никого не притесняя. Однако сам факт пребывания в плену, постоянно действовал угнетающе...

Воспоминания заканчиваются описанием жизни и быта турок, к которым автор относится с явной симпатией. Он пишет, что турецкий народ не пытался скрыть своих поражений и начинал уже проявлять недовольство правительством, упорствовавшим в продолжении войны. Любому народу чужда война, ибо она несет не созидание, а разрушение и смерть. Идея "Записок русского офицера..." звучит в унисон с мыслями Н.Г.Чернышевского, главного редактора журнала "Военный сборник", опубликовавшего их.

Со страниц "Военного сборника", который должен был верно служить паризму, звучала, однако, острейшая критика. Цензура была особо обеспокоена тем, что направлена она была на главную опору самодержавия - армию. Он

поднимал в журнале такие вопросы, о которых правительство предпочитало умагивать (о грамотности солдат, о казнокрадстве, о телесных наказаниях, о беззаконии и т.д.). За время пребывания на должности редактора Чернышевский проводил большую и очень серьезную работу по "демократизации сознания русского офицерства"²⁴. Публикация на страницах журнала статей с восточной тематикой и было одним из направлений этой масштабной работы.

Программа Чернышевского-редактора и "кригический пафос" сборника оказались неприемлемыми для властей. Становилось ясно, что правительство не позволит Чернышевскому поддерживать прежнее направление, а без этого работа в редакции не имела для него смысла. В конце 1858г. Чернышевский был вынужден покинуть журнал, который он редактировал всего восемь месяцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по кн.: Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. Научная биография Саратов, 1984. Ч.2. С.252.

² Там же. С.257.

³ Кавказ.(Тифлис) 1846. №1.

⁴ Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: В 16т. М., 1953. Т.16. С.83.

⁵ Военный сборник. (СПб.), 1858. №1. Ч.1. С.272.

⁶ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России М., 1957. С.432.

⁷ Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. С.259.

⁸ Военный сборник. №3, Ч.1. С.525-527.

⁹ Военный сборник. №4, Ч.2. С.359-402.

¹⁰ Обручев Н. Изнанка Крымской войны. (Статья 1) //Военный сборник. Т.1, Ч.2. С.545-586; То же. Ст.2 //Там же Т.2, Ч.2. С.429-476; Заметки на вторую часть статьи "Изнанка Крымской войны". Т.2, Ч.2. С.199- 218; Затлер. Изнанка налицо //Там же. Т.4. Ч.1. С.219-238; Обручев Н. Изнанка Крымской войны. (Ст.3) // Там же. Т.4. Ч.1. С.239-306.

¹¹ Военный сборник. Т.1, Ч.2.

¹² Там же. Т.2, Ч.2. С.429.

¹³ Там же. С.333-380.

¹⁴ Военный сборник. Т.2. Ч.2, С.430.

¹⁵ Там же. С.435.

¹⁶ Там же. Т.4, Ч.1. С.238.

¹⁷ Военный сборник. Т.2, Ч.1. С.107-138.

¹⁸ Военный сборник. Т.2. Ч.2. С.247-274; Т.3, Ч.1. С.121-172; Т.3, Ч.2, С.352-382.

¹⁹ Там же. Т.2, Ч.2. С.247.

²⁰ Военный сборник. Т.3. Ч.1. С.173-220; Т.3, Ч.2. С.352-386; Т.4, Ч.1. С.17-34.

²¹ Военный сборник. Т.3, Ч.2. С.352.

²² Там же. С.385.

²³ Там же. Т.4. Ч.1. С.31.

²⁴ Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский. С.257.

КОРРЕСПОНДЕНТ “СОВРЕМЕННОИКА” А.Ф. фон ФРИКЕН

Имя Алексея Федоровича фон Фрикена - искусствоведа, публициста, интернационалиста-демократа - практически неизвестно широкому кругу любителей истории, хотя оно нередко встречается в специальной исторической литературе рядом с именами А.Н.Герцена, И.А.Добролюбова, И.Г.Чернышевского, М.А.Бакунина, Д.Гарibaldi. До настоящего времени в печати не появилось ни одной работы, посвященной его жизни и деятельности. Это, по-видимому, объясняется тем, что большая часть его жизни прошла за границей, многие годы его деятельность проходила в условиях конспирации, личный архив его не найден, а имеющиеся в отечественных архивах материалы разрознены и систематически не изучены. В данной работе делается попытка дать биографическую канву для проведения последующих, более скрупулезных исследований общественных связей и роли А.Ф.фон Фрикена в общественно-политической жизни России и Европы того времени.

Алексей Федорович фон Фрикен происходил из небогатых дворян новгородской губернии. Его отец, Федор Карлович фон Фрикен (1781¹-1849) 16-ти лет поступил на военную службу унтер-офицером. Участвовал в наполеоновских войнах и войне со шведами за Финляндию, был дважды ранен, контужен, награжден многими орденами и золотой шпагой “За храбрость”. С 1815г. служил в гренадерском графа Аракчеева полку. В 1816г. именно батальону под командованием майора Ф.К.фон Фрикена было приказано выступить из Петербурга в Высокую волость Новгородской губернии, положив тем самым начало созданию военных поселений². В дальнейшем вся жизнь Ф.К.фон Фрикена (за исключением периода 1830-1822гг.) была связана с военными поселениями.

Биография Ф.К.фон Фрикена представляет большой интерес и заслуживает самостоятельного исследования. Поэтому добавим только, что он умер генерал-лейтенантом, начальником округов пахотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губерний.

Мать Алексея Федоровича - Анна Григорьевна (1803-1892) была дочерью полковника суворовской армии Г.И.Зоммера и правнучкой известного сановника Екатерины II В.Г.Шкурча³.

Алексей был третьим ребенком в семье. Он родился в Новгороде в 1830 году и был назван в честь своего крестного - графа А.А.Аракчеева⁴. Первый год жизни маленького Алеша был ознаменован кровавым “холерным бунтом” в военных поселениях, в ходе которого были убиты многие офицеры и генералы-аракчеевцы и члены их семей. Однако Фрикены во время бунта не пострадали: генерал в это время находился в Польше; а его жена с детьми успела уехать сначала в Тихвин, а затем в Петербург⁵. После усмирения бунта она выехала к мужу (по его настоянию), а Алеша с братом Александром и сестрой Елизаветой были осгавлены ею в Грузино на попечение бонны и крестного, где дети пробыли целый год⁶.

Вернувшись из Польши в начале 1833г., Фрикены поселились в Старой Руссе, центре северных военных поселений. К этому времени поселения были преобразованы в “округи пахотных солдат”, а Федор Карлович был назначен их начальником. Здесь у Алексея появились еще две сестры - Анна и Оля а.

В 1842 году, вслед за братом, он поступает в Пажеский корпус в Петербурге. Среди соучеников Алексея оказались многие будущие знаменитости: будущие

министры Л.С.Маков и граф П.А.Шувалов, будущий флигель-адъютант граф П.Я.Ростовцев, будущий герой русско-турецкой войны генерал И.В.Гурко, будущий генерал Г.А.Пушкин - сын великого поэта⁸.

Учился Алексей хорошо. В годы учебы входил в литературный кружок, сложившийся в корпусе. Об этом кружке писал в своих мемуарах другой участник кружка, художник Лев Жемчужников, брат известных литераторов А.М. и В.М.Жемчужниковых, создавших вместе с А.К.Толстым Козьму Пруткову⁹.

Весной 1850г. Алексей Федорович окончил Пажеский корпус вторым учеником выпуска и поступил корнетом в лейб-гвардии Кирасирский его Величества полк. В 1856г., получив длительный отпуск для лечения, Фрикен выехал за границу¹⁰. Посетив несколько стран, он приезжает в 1857 году в Италию. Знакомство с этой страной произвело на него большое впечатление. Позднее он писал о ней как о стране, "которую оставляешь с тоской, в которую возвращаешься с восторгом, которую, увидев раз, вечно потом сохраняешь желание увидеть снова, но которой тоскуют, как по второму отечеству..."¹¹

Но не только красоты итальянской природы, картинные галереи и архитектурные памятники городов Италии привлекали его внимание. В это время в Италии усиливалось народное движение за свободу и объединение страны. Положение итальянского народа, его борьба вызывали горячий интерес А.Ф.фон Фрикена. "Путешествующие по Италии замечали, что они находятся в стране, покоренной и подавленной ее врагом", - писал он, вспоминая 1857 год. "Но, продолжал он, - под внешним спокойствием слышалось тайное движение, готовое проявиться и снова вступить в борьбу с силами реакции"¹². Однако время открытого выступления тогда еще не пришло.

В начале 1858г. А.Ф.фон Фрикен вернулся в Россию. Прослужив еще около года, Алексей Федорович в чине штаб-ротмистра вышел в отставку. Это было время, когда общественное внимание было занято предстоящим освобождением крестьян, когда во всю мощь звучал герценовский "Колокол" и когда "Современник" во главе с Н.Г.Чернышевским и Н.А. Добролюбовым стал центром приятия демократических сил России. Н.В.Шелгунов писал, что "идея свободы, охватившая всех, проникла повсюду (...) Офицеры выходили в отставку, чтобы завести лавочку или магазин белья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательством или основать журнал". К добавляет: "Любопытно, что офицеры дали наибольшее число освободившихся людей и принимали очень деятельное участие в движении идей и даже в "поступках"¹³. Одним из таких офицеров был и Алексей Федорович фон Фрикен.

Какие обстоятельства повлияли на формирование прогрессивных убеждений А.Ф.фон Фрикена - сына генерала-аракчеевца, воспитанника Пажеского корпуса, офицера одного из самых привилегированных полков - этот вопрос еще требует дополнительного изучения. Но так или иначе, летом 1860г. Фрикен едет в Ашлию, к А.Н.Герцену¹⁴. Нетрудно предположить, что беседы, состоявшиеся между ними, касались предстоящего освобождения крестьян и итальянских событий, внимание к которым всей Европы было привлечено походом Д.Гарibaldi и его "тысячи", начавшимся в мае 1860года. Фрикен намеревался отправиться в Италию, чтобы принять участие в борьбе за освобождение и объединение Италии. А.Н.Герцен дал Фрикену рекомендательное письмо к издателю газеты "Мовименто" в Генуе М.Куадрио¹⁵, сподвижнику вождя итальянских республиканцев Джузеппе Мадзини. Этим письмом Алексей Федорович вскоре воспользовался. Но перед

отъездом из Англии Фрикен принял участие в совещании видных представителей русской интеллигенции, состоявшемся в Вентноре, на острове Уайт. На этом совещании обсуждалась программа "Общества для распространения грамотности и первоначального образования", составленная И.С. Тургеневым при участии П.В. Анненкова и Н.П. Огарева. Помимо Фрикена и авторов, в совещании приняли участие В.П. Боткин, Н.А. Боборыкин, В.И. Касаткин, А.С. Корсаков, В.Ф. Крузе, Н.А. Мордвинов, Н.Я. и М.Я. Ростовцевы, А.А. Слепцов, А.К. Толстой¹⁶. По словам Н.М. Пирумовой, это общество пыталось "объединить радикалов с либералами"¹⁷. В нем, по словам Огарева, должно было явиться "воспитание общественного мнения", привлечение внимания общественности к положению народа. И хотя замысел создания общества не осуществился, проект сыграл свою положительную роль.

Затем А.Ф. фон Фрикен прибыл в Италию. М. Куадрио, с которым он познакомился, в молодости жил в Одессе и был знаком с некоторыми из декабристов. От пребывания в России он сохранил приятные воспоминания и некоторое знание русского языка¹⁸. Узнав, что Фрикен намерен провести зиму во Флоренции, Куадрио дал ему рекомендательное письмо к Джузеппе Дольфи, булочнику, лидеру флорентийских революционеров, организатору восстания 27 апреля 1859 года. Приехав во Флоренцию, Фрикен познакомился через Дольфи и с другими руководителями партии действия, вступил с ними в тесный контакт, а также познакомился с известным русским революционером Михаилом Бакунным. Однако вступить в ряды гарibaldiйцев или хотя бы увидеться с Д.Гарibaldi Фрикену тогда не удалось, так как "поход тысячи" к этому времени уже закончился, а сам Гарibaldi находился на острове Капрера.

Во Флоренции Фрикен сблизился также с искусствоведам и публицистом В.П. Боткиным, автором знаменитых "Писем об Испании". Фрикен писал впоследствии, что именно Боткин "дал направление" его знаниям, пробудил в нем "любовь к изучению памятников искусства"¹⁹. Встречи и беседы с Боткиным, большим знатоком и тонким ценителем искусства, оказали существенное влияние на профессиональное становление А.Ф. фон Фрикена как искусствоведа. В то же время именно Боткин привлек его к журналистской работе. В это время Боткин писал корреспонденции в еженедельник "Век" и, когда некоторое время спустя был вынужден по болезни уехать из Флоренции, передал Фрикену свои дела по журналу²⁰. Фрикен начинает регулярно посылать корреспонденции о политических событиях в Италии, в которых с большой симпатией писал о борьбе итальянского народа, вождях этой борьбы, о решающей роли народных масс (и, в частности, рабочего класса) в обеспечении успеха дела освобождения и объединения Италии²¹.

В декабре 1860г. в Италию приехал для лечения Н.А. Добролюбов. Фрикен познакомился с ним, между ними установились дружеские отношения. Они регулярно встречаются в разных городах Италии, а между встречами поддерживают связь друг с другом перепиской. 18 апреля 1861г. они присутствовали в "камере" на выступлении Д.Гарibaldi и провозглашении Итальянского королевства. Об этом писал Добролюбов в "Современнике" и вспоминал Фрикен в своей неопубликованной статье "Перед Аспромонте"²². Затем Добролюбов уехал в Рим, а Фрикен отправился в Милан, Турин, Геную и Неаполь, где, видимо, по просьбе Добролюбова, устанавливает контакт с представителями оппозиции пьемонтскому правительству. 25 апреля Фрикен сообщает Добролюбову из Неаполя, что ждет его²³. После встречи в Неаполе

Фрикен переезжает во Флоренцию, где получает письмо Добролюбова, оставшееся в Неаполе (письмо это, к сожалению, не найдено). 25 мая в ответном письме Фрикен удивляется, что Николай Александрович не получил его письма "до востребования" в Неаполь. "Правда, - замечает он, - почта бывает не только у нас, в России, но и в Италии капризной хорошенькой женщиной - и любопытной..."²⁴. В том же письме Алексей Федорович сообщал о том, что книги и письма, пришедшие на имя Добролюбова во Флоренцию, он пересылает ему в Неаполь, писал, что через неделю едет "в Лондон на свадьбу Росговецова"²⁵ и потом в Петербург", куда он рассчитывал прибыть раньше Добролюбова. Он выражал надежду снова встретиться с ним в Петербурге и просил прислать ему в Париж рекомендательные письма к приятелям Добролюбова в Петербурге. Письма от Добролюбова Фрикен получил и среди них - рекомендательное письмо к Н.Г.Чернышевскому²⁶. В связи с этим в конце мая Добролюбов писал Чернышевскому в Петербург: "На днях к Вам явится, а может уже и явился, некто Фрикен, которому я дал записочку к Вам, по его просьбе. Это не орел (как выражается Некрасов), но человек хороший и расположенный поправить недостатки воспитания, полученного им в Пажеском корпусе. Отчасти он уж и успел в этом. В Италии он был мне действительно полезен своими знакомствами. Не сбивайте его с толку своей проницей: он такого характера, что способен принимать ее за чистую монету"²⁷.

Однако обстоятельства сложились так, что поездка Фрикена в Петербург состоялась позднее, чем он первоначально предлагал. Об этом он написал 15 августа письмо Добролюбову в Петербург из Нормандии. Говоря об обстоятельствах, задержавших его приезд в Россию, он сообщает, что он во Флоренции чуть было не женился. Далее пишет, что был в Лондоне, где, в частности, виделся с Н.Н.Обручевым²⁸ (надо думать, что сообщает об этом он Добролюбову не случайно). Прощаясь, Фрикен выражал надежду на встречу в Петербурге в сентябре.

Когда Алексей Федорович приехал в Петербург, Добролюбов был уже тяжело болен. Вероятно, их встреча так и не состоялась. Фрикен воспользовался рекомендацией Добролюбова и несколько раз за короткое время посетил Н.Г.Чернышевского. Это было время, когда, по словам М.А.Антоновича, "приходили к нему очень немногие, а большинство сторонилось от него как от опасного человека, одного из главарей ингилистов"²⁹. Между Фрикеном и Чернышевским состоялось несколько обстоятельных бесед, особое место в которых занимали события в Италии.

Во второй половине сентября и октябре Фрикен совершил поездку по селам Новгородской и Петербургской губерний. Во время поездки он изучал отношения крестьян к недавно объявленному "освобождению". В статьях, которые велел за этим появляться в "Веке", он приветствовал отмену крепостного права, писал, что "слово ПРАВА в первый раз произнесено русским крестьянином", не имевшим до тех пор вообще каких-либо прав. В то же время он указывает, что "освобождение" "не удовлетворило ожиданиям крестьян". Условия этого "освобождения" таковы, - писал Фрикен, - что "природный смысл народа будет постоянно пассивно протестовать против них"³⁰.

Затем пароходом Фрикен вновь отбывает в Италию, и в начале декабря 1861г. прибывает в Геную, откуда продолжает посылать свои статьи в "Век", а также в газету "Современное слово". Из Италии Фрикен направился в Париж. Эта поездка была связана с выполнением какого-то поручения Н.Г.Чернышев-

ского. Поручение было выполнено, о чем Алексеем Федоровичем сообщил Чернышевскому письмом из Флоренции 11(23)марта 1862 года³¹. В этом весьма обширном письме Фрикен сообщает, что смерть Добролюбова (он умер 17 ноября 1861г.) "глубоко огорчила здешних друзей", имея в виду, по-видимому, итальянских революционеров. С этим же письмом он послал Чернышевскому свою статью "Пьемонтское правительство и Партия действия современной Италии", которую подготовил для "Современника". "Современник" - единственный журнал, в который можно помещать статьи подобного направления". - констатирует Фрикен. В этой статье, которую Г.В.Бердников, известный советский ученый, член-корреспондент АН СССР назвал "одним из наиболее интересных документов", освещающих взгляды радикально настроенных русских на национально-освободительное движение в Италии³², говорится, в частности, о том, что "итальянское движение из национального (...) делается (...) буржуазным и совершенно теряет свой народный характер". В этой же статье Фрикен отмечал большую роль рабочего класса в развитии событий в Италии, который, по его словам, "одарен большим гражданским смыслом" и, "делая движение, проявляя себя, берет инициативу из самого себя, а не из высшего и более образованного класса". выдвигает из своей среды "замечательных личностей". Он писал также о том, что с большим удовольствием стал бы работать для "Современника". Однако 7 июня 1862г. Чернышевский был арестован, а "Современник" закрыт. Статья Фрикена, найденная у Чернышевского, была конфискована, и когда в 1865г. ее возвратили Н.А.Некрасову, печатать ее было запрещено. Она увидела свет лишь сто лет спустя³³. Несмотря на произведенные царским правительством аресты М.И.Михайлова, В.А.Обручева, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Серно-Соловьевича, Д.И.Писарева, Фрикен продолжает активное участие в революционно-демократическом движении. Он по-прежнему сотрудничает с итальянскими радикалами, в частности, с Д.Дольфи, выполняет их поручения. Узнав, что Гарибальди готовит поход для освобождения Рима, Фрикен совершает поездку в Рим с поручением "партии действия", а по возвращении во Флоренцию принимает новое поручение лидеров "партии действия" - на сей раз связанное с поездкой к Гарибальди. 24 мая 1862г. во Фрескоре близ Бергамо Фрикен встретился с Гарибальди и имел с ним дружескую беседу. Об этой встрече Алексей Федорович рассказал на склоне лет в воспоминаниях, написанных в 1908 году для журнала "Вестник Европы" и оставшихся неопубликованными³⁴. Во время беседы Гарибальди очень тепло отзывался о русских "гарибальдийцах", сражавшихся в его войсках. При прощании он просил Фрикена считать его своим другом.

Известно также обращение Фрикена к Герцену с предложением своих услуг. В письме от 3 декабря 1862г. А.И.Герцен сообщил, что "очень и очень благодарен" ему за предложение. Кроме того, он обратился к Алексею Федоровичу с просьбой. "Я Вас знаю за очень серьезного человека и потому верю, что Вы захотите мне помочь..." - писал он. Герцен сообщал, что его дочери переезжают в Италию, и просил Фрикена взять их под свою опеку, особенно старшую - Наталью (или Тату, как ее звали в семье), - с тем, чтобы помочь ей сосредоточиться на деле, для которого она едет в Италию: занятиях живописью. Кроме того, Александр Иванович просил Фрикена помочь дочерям в смысле устройства на новом месте, подобрать квартиру, советовался по части уроков музыки и французского языка³⁵. Фрикен горячо откликнулся на просьбу Герцена.

24 декабря 1862г. дочери Герцена с воспитательницей М.Мейзенбург прибыли во Флоренцию, а через день Н.А.Герцен писал отцу, что Фрикен нашел для них

“премилую” квартиру. “Удивительно, как он все для нас устроил”, - добавляет она³⁶. С ними Фрикен встречал и Новый год. “Пили за ваше здоровье, за русскую пропаганду и за мою живопись”, - сообщала отцу Тата. - “Разговаривали (...) особенно о русском, крестьянском деле. Он нам рассказывал, что большая часть крестьян желают и надеются, что общину abolirуют, все хотят себе купить особые клочки земли”³⁷.

В соответствии с волей А. И. Герцена, круг знакомств его дочерей ограничивался скульптором П. П. Забелло, певцом Г. П. Кондратьевым и Н. Н. Ге. Как писал Тата, последнего “серьезно рекомендовал” Фрикен. “как очень порядочного художника, серьезного человека, готового мне советовать, помогать, уступать даже ателье”³⁸.

Приезд в Италию дочерей Герцена придал занятиям Фрикена историей искусства новый импульс. Он выступает в роли чичероне во время их экскурсий по музеям и архитектурным памятникам. В марте они уезжают на два месяца в Рим. “Фрикен все знает”, - сообщает отцу Н. А. Герцен³⁹. Алексей Федорович серьезно увлекся ею (об этом он сам писал в письме к товарищу по Пажескому корпусу Л. Е. Кривошапкину⁴⁰), но его чувства не получили отклика. Как писал с горечью Герцен Огареву, “Тата играла и шалила с десятью почитателями, начиная с Фрикена и Тхоржевского до разных других”⁴¹. Это обстоятельство вызвало определенную натянутость во взаимоотношениях Фрикена с семьей Герцена. Тем не менее Фрикен продолжает активно помогать Герцену в его деятельности.

В это время Герцена особенно занимал польский вопрос. Как известно, в январе 1863г. в Польше вспыхнуло восстание. Герцен стремился организовать международную поддержку польским революционерам. Фрикен был одним из немногих русских, поддержавших позицию Герцена в польском вопросе. В связи с этим ему часто приходится отстаивать свою точку зрения в спорах с русскими эмигрантами⁴². В вышеупомянутом письме к Кривошапкину от 13.04.1863 он писал: “Польский вопрос вызвал головокружение, но это и подвигнет наше дело”. В феврале через Фрикена Д. Дольфи обратился в Герцену с просьбой содействовать флорентийскому комитету помощи Польше в установлении связей с представителями польского Центрального национального комитета в Лондоне. В марте Фрикен послал Герцену 100 франков в общий фонд “для польского дела”⁴³.

Герцен нуждался в надежных связных для распространения “Колокола” (в январе 1863г. Герцен послал “Колокол” Фрикену). 23 апреля 1863г. он писал в одном из писем: “...Сношения с Россией у нас еще правильно не устроены. Дружкой, кажется, во Флоренции, а Фрикен в Риме (...) Что же касается Пашкова и Кривошапкина, то на них вполне полагаться нельзя”⁴⁴. (Следовательно, на Фрикена Герцен полагался вполне). Дважды он писал дочери о том, что, по его мнению, Фрикену нужно срочно ехать в Россию. “Зачем Фрикен живет в Италии (...) в России страшно нужны люди”⁴⁵. 31 мая через Париж Фрикен едет к Герцену в Лондон. В связи с этим Герцен пишет дочери, что с “нетерпением” ждет его⁴⁶. Сам Фрикен писал об этой поездке, что едет “для окончательного устройства дел”⁴⁷. К сожалению, известные до настоящего времени материалы не позволяют определить цель этой поездки. В то же время ясно, что речь шла о каком-то серьезном, рискованном, возможно, щекотливом деле, так как в том же письме к Л. Е. Кривошапкину от 13.04.1863 (кстати, перлюстрированному царской охранкой) он писал, что другое поручение, “подобное этому, я никогда не

приму"⁴⁸. Восемь дней (с 11 по 19 июня) Фрикен пробыл в Лондоне, в течение которых вел переговоры с Герценом. Из Лондона Алексей Федорович вновь едет в Париж - теперь с поручением Герцена, связанным с выяснением обстоятельств появления подложного документа, порочащего Герцена в глазах польских революционеров и их русских друзей. "Теперь если не само дело, то нить его в моих руках", - писал Герцен, получив письмо Фрикена из Парижа⁴⁹. Затем Фрикен возвращается во Флоренцию, где в ноябре того же года вновь встречается с А.И.Герценом, приехавшим к детям. 11 ноября 1863г. группой русских, проживавших во Флоренции, в честь Герцена был дан обед, на котором вместе с А.И.Герценом и его сыном были А.Ф. Фрикен, Л.И.Мечников и другие⁵⁰.

Деятельность А.Ф.Фрикена не могла пройти незамеченной для агентов царского правительства. Переписка Фрикена перехватывается и перлюстрируется (как это было с письмом Герцена к нему от 3.12.1862 и с его письмом к Кривошапкину от 13.04.1863), и о многих обстоятельствах его жизни мы узнаем именно по сохранившимся в архивах копиям, снятым охранкой, тогда как его подлинники письма тех лет не сохранились.

Шаткость его положения как русского подданного заставляет Фрикена проявлять все возрастающую осторожность. В том же письме Кривошапкину он писал: "Положение мое ухудшилось в отношении к нашей полиции, и пройдет много времени, пока она забудет меня совершенно, если предположить, что я ей не подам больше повода обращать на себя внимание". Ему, конечно, было известно об арестах ряда лиц, связанных с Герценом, при их возвращении из-за границы. Поэтому Фрикен опасался возвращения в Россию в то время. Однако поводы "обращать на себя внимание" охранки он продолжал давать. Помимо встреч с Герценом, он продолжал с ним переписку, активно обращался с итальянскими радикалами, с политическими эмигрантами разных стран (М.Бакунным, Н.Серно-Соловьевичем, Д.Танарки⁵¹ и др.) Летом 1864г. Фрикен опять в Лондоне. Здесь он встречался с Д.Мадзини, к которому он имел поручение "от его флорентинских друзей"⁵². В конце 1864г. А.И.Герцен переезжает в Женеву, где (как и во Флоренции) многократно встречался с Фрикеном на протяжении ряда лет.

Последовавшие за покушением Д.Каракозова на Александра II 4 апреля 1866г. репрессии и усиление реакции сделали возвращение Фрикена в Россию особенно опасным. В то же время, в 1866г. истек срок его заграничного паспорта. В связи с этим в декабре 1866 года он обратился к министру внутренних дел П.Валуеву с просьбой о продлении заграничного паспорта еще на 5 лет. Валуев препроводил прошение Фрикена шефу жандармов графу П.Шувалову, а тот отказал "за совершенною политическою неблагонадежностью"⁵³. Через посольство во Флоренцию Фрикену было предписано вернуться в Россию, о чем Герцен с возмущением писал из Флоренции Огареву в январе 1867 года⁵⁴.

Предписание вернуться в Россию Фрикен не выполнил. Помимо причин, о которых шла речь выше, этому способствовала женитьба Фрикена (май 1867г.) на дочери шведского консула во Флоренции⁵⁵. Это, казалось бы, сугубо личное событие. А.И.Герцен встретил с некоторым сожалением⁵⁶. Тем не менее, испытывая к нему личное расположение, он по-человечески желал ему счастья (об этом он писал в мае 1867г. М. Мейзенбур)⁵⁷.

Спустя полгода после встречи во Флоренции, Герцен и Фрикен встретились в Женеве. Алексей Федорович, как и прежде, с готовностью выполняет личные просьбы Герцена и Огарева, но, судя по всему, от политической деятельности он отходит. Да и обстановка к тому времени кардинальным образом изменилась:

уток "Колокол", ликвидирована "Земля и воля", польское восстание подавлено, поход Гарибальди на Рим окончился неудачей, Чернышевский на каторге, некоторые из бывших друзей по эмиграции "раскаялись" и с покаянием вернулись в Россию. Круг людей, поддерживавших в России революционеров, резко сократился, надежды на крестьянскую революцию, существовавшие после объявления "освобождения", не оправдались. В этих условиях Фрикен, видимо, считал бесмысленным дальнейшее участие в политической борьбе. Да и положение зятя шведского дипломата накладывало на него известные обязательства.

В это время он упорно работал над книгой о римских катакомбах - книгой, которой он отдал более двадцати лет труда! Работа над книгой требовала продолжения его пребывания в Италии. Однако в России у него оставались мать, брат, сестры, друзья, да и сама мысль навечного отчуждения от родины казалась ему неприемлемой.

17 сентября 1868г. Фрикен послал из Парижа письмо шефу жандармов графу П.А.Шувалову с просьбой позволить ему вернуться весной 1869 года. Понимая, сколь он скомпрометирован в глазах правительства своей деятельностью за границей, он не отрицал хорошо известных фактов дружбы с Д.Гарибальди и А.И.Герценом, но старался их представить лишь как чисто человеческие отношения, не имеющие политического характера. При этом он умалчивал о своих отношениях с Добролюбовым, Чернышевским, Бакуниным и другими политическими противниками царизма, о своем участии в итальянских делах и утверждал, что "в последние три года" он вовсе "не занимался политикой" и что взгляды его изменились.

Чувствуя, что его объяснения недостаточно убедительны, Фрикен предвидел, что в случае возвращения в Россию ему не только "не в скором времени было бы снова возможно выехать из России, но даже выбрать там место жительства по своему желанию". Поэтому он просил разрешения поселиться на юге России, например, в Одессе, мотивируя это тем, что его жена "едва ли будет в состоянии переносить наши северные зимы", а также состоянии своего здоровья. Наконец, обращаясь к П.А.Шувалову, он напомнил ему, что был его соучеником по Пажескому корпусу. "Может быть, прочитав эти строки, вы вспомните старое время, во многих случаях лучшее время жизни, и сделаете для меня, что можно".

"Я возвращусь во всяком случае, даже и тогда, если получу от вас самый неутешительный ответ; я вернусь потому, что мысль полного отчуждения от своего отечества невыносима для всякого русского; но от вас зависит облегчить мне мою судьбу и уменьшить искупление моих прежних грехов". - писал он.

На сей раз просьба Фрикена была удовлетворена. В мае 1869 года Алексей Федорович выехал на родину. Герцен письмом через сына пожелал ему счастливого пути⁵⁹.

Прибыв в Петербург, Фрикен сообщил Шувалову, что жена его не могла ехать с ним и просил его принять для объяснения своего положения. При этом было приложено ходатайство П.Валуева⁶⁰, который писал о Фрикене, что, "заявившись наукой, он отказался от своих прежних увлечений". Шувалов принял Фрикена и разрешил ему съездить в Италию за женой⁶¹. В сентябре 1869г. Алексей Федорович выехал из России и, по-видимому, надолго.

О некоторых впечатлениях от его поездки в Россию, которыми Фрикен поделился с сыном Герцена Александром, мы узнаем из письма А.И. Герцена

Н. П. Огареву от 17 октября 1869 года; "Фрикен, пишет Саша, с ужасом рассказывает о голоде в России и о том, что богатые крестьяне, пользуясь им, скупают землю бедняков"⁶².

Встречаясь в Петербурге со знакомыми литераторами. Фрикен не мог не узнать о гнусной роли в деле Н. Г. Чернышевского графа П. А. Шувалова, умевшего прикинуться либералом. Это вызвало у Фрикена недоверие к его жандармской снисходительности. Алексей Федорович серьезно опасался, что разрешение возвратиться - ловушка для него. В этом плане представляется характерным письмо другого русского политического эмигранта, хорошего знакомого А. Ф. Фрикена Л. И. Мечникова, написанное им своей матери в 1869 году: "Возвращения на родину я желал бы страстно и пламенно (...) Могу (...) просить амнистии, но она может иметь серьезное значение только для тех, которые, подобно, например, Кельснееву, решились давать осязательные доказательства своего раскаяния - то есть, попросту говоря, доносить на всех и каждого, не щадя ни своих бывших приятелей, ни своей честности. Для человека, не желающего прибегать к таким проделкам, пользование амнистией - вещь крайне опасная: по приезде его могут забрать под самым ничтожным предлогом - и даже без предлога - и наказать по суду и без суда не только за все прежние поступки, но еще и за нераскаянность"⁶³.

Думается, ход рассуждений Алексея Федоровича мог быть таким же. Его подозрения относительно намерений III отделения высказаны в письме, которое он направил из Флоренции управляющему III отделения генералу Н. В. Мезенцеву⁶⁴. В нем Фрикен писал, что "неожиданно для себя находится под надзором, и, прося снять с него это ограничение", прилагал письмо В. П. Поггенполя, русского дипломата в Тоскане, который удостоверял "благонадежность" Фрикена. Генерал Мезенцев пометил на письме Фрикена: "Господин фон Фрикен и его светло-серые перчатки мне известны: я только не понимаю, с какой стати он во Флоренции чувствует себя под надзором III отделения"⁶⁵.

Работа над книгой, опасения за судьбу своей семьи (есть сведения, что около 1869 года у него родился ребенок), ухудшение состояния здоровья заставили Фрикена остаться в Италии. Но в последующие годы он приезжал на родину, поддерживал переписку с родными и друзьями в России, в Москве одна за другой выходили его книги. Первая книга Фрикена вышла в 1872 году в издательстве К. Т. Солдатенкова. Это была первая часть четырехтомного труда "Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства"⁶⁶. Книгу автор посвятил памяти В. П. Боткина, умершего в 1869 году в Петербурге, а весной того же года слушавшего чтение рукописи во Флоренции и помогавшего ему советами. Работая над книгой, Фрикен вел переписку с великим русским художественным критиком В. В. Стасовым. В одном из писем к нему Алексей Федорович писал, что "должен быть также благодарен покойному И. С. Тургеневу, который давал мне советы относительно слога"⁶⁷. Последующие части этой книги вышли в 1877, 1880 и 1885 годах⁶⁸. Издание книги осложнилось необходимостью проходить духовную цензуру, которая вымарала из книги несколько страниц текста. Изъятые ею куски свидетельствуют, что Фрикен не изменил своим убеждениям. Для примера приведем хотя бы два следующих:

1. "Можно положительно сказать, что почти всегда власть абсолютная, самодержавие, тирания основываются на религии, и если не прямо выходят из нее, то ищут в ней опоры".

2. "Когда власть самодержавна утверждена на покорности масс, вызванной религиозным чувством, она остается неприкосновенной многие века"⁶⁹.

Этот главный труд А.Ф.фон Фрикена явился важным вкладом в отечественное искусствоведение и встретил благожелательные отклики в русской прессе⁷⁰. Высоко оценил эту работу В.В.Стасов Журнал "Вестник Европы" назвал его "классическим трудом"⁷¹. За это сочинение Совет императорской Академии художеств 2 ноября 1887 года постановил считать Алексея Федоровича фон Фрикена Почетным вольным общником Академии⁷². Уже в наше время отмечалось, что "такие книги, как "Римские катакомбы" (...) свидетельствовали (...) о росте русской художественной культуры"⁷³.

Окончив один труд, Фрикен начал работу над другим, продолжавшуюся около пятнадцати лет. Его работа осложнилась тем, что, начиная с 1870 года, он страдал болезнью глаз, не позволявшей ему читать и писать. В связи с этим он был вынужден прибегать к услугам секретаря. Для этого он обучил русскому языку свою свояченицу - итальянку, которой затем диктовал свои книги⁷⁴.

Первый том его "Итальянского искусства в эпоху Возрождения" вышел также у К.Соддатенкова в 1891г. с посвящением издателю. В последующие годы вышли еще три тома этого сочинения⁷⁵. С 1891 года Алексей Федорович в течение некоторого времени жил в Мюнхене, затем вновь вернулся во Флоренцию. Еще одна книга Фрикена, посвященная искусству эпохи Возрождения, вышла во Франции (на французском языке) в начале XX века⁷⁶. Кроме указанных книг, он написал ряд статей по вопросам искусства и по вопросам политической истории Италии XIX века, оставшихся, по-видимому, неопубликованными⁷⁷.

Умер Алексей Федорович после 1908 года (дату его смерти пока установить не удалось).

Его славный жизненный путь, прошедший через многие памятные события отечественной и европейской истории, надо полагать, еще не раз будет привлекать внимание исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уточнено Э.Амбургером (ФРГ); в "Русском биографическом словаре" М.: Спб. 1901. Т.21. и послужных списках Ф.К.фон Фрикена в РГИА и РГВИА указан 1780г.

² Полное собрание Законов Российской империи, 1-е изд. Т.XXXIII. №26.

³ РО. ИРЛИ. Ф.265. Оп.2. №2972. Л.15.

⁴ РО. РИБ. Ф.29. №34; РО. ИРЛИ. Ф.265. Оп.2. №64.

⁵ РО. ИРЛИ. Ф.265. Оп.2. №64.

⁶ РО. ИРЛИ. Ф.294. Оп.1. №558.

⁷ Там же.

⁸ Миторадович Г.А. Материалы для истории Пажевского е.п.в. корнуса. 1711-1875. Киев, 1876.

⁹ Жемчужникова Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971, С.59-60. В комментариях к книге ошибочно указано, что в кружке состоял Александр фон Фрикен.

¹⁰ РО. ИРЛИ. Ф.294. Оп.1. №558.

¹¹ Фрикен А.Ф. Из Флоренции //Век. 1862. №16. С.558.

¹² РО. ИРЛИ. Ф.293. Оп.3. №147.

¹³ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего //Штурмы будущей бури. Л., 1983. С.55-56.

- ¹⁴ Имеются веские основания полагать, что именно он привез Герцену письмо Л. Д. и В. И. Филипповичей (см.: Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 692)
- ¹⁵ РО. ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 147.
- ¹⁶ Рудницкая Е. Л. Н. П. Сгарев в русском революционном движении. М., 1969. С. 226.
- ¹⁷ Пирумова Н. М. Александр Герцен - революционер, мыслитель, человек. М., 1939. С. 161.
- ¹⁸ РО. ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 147.
- ¹⁹ Фрикен А. Ф. фон. Римские кагакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М., 1872. Т. 1. С. 3.
- ²⁰ РО. ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 558.
- ²¹ Век. 1861. №№ 16, 19, 23, 49; 1862. №4-6, 7-8, 9-10, 11. 13-14, 15.
- ²² РО. ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3.
- ²³ РО. ИРЛИ. Ф. 289. (2117). ХС. Л. 1.
- ²⁴ РО. ИРЛИ. Ф. 289. (2117). ХС. Л. 2-3.
- ²⁵ Речь идет о Н. Я. Ростовцеве, полковнике Генерального штаба, приятеле Фрикена по Пажескому корпусу.
- ²⁶ Письмо Добролюбова неизвестно.
- ²⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 9. С. 471.
- ²⁸ РО. ИРЛИ. Ф. 289. (2117). ХС. Л. 4-5. Н. Н. Обручев (1830-1904) - один из организаторов тайного общества "Земля и воля".
- ²⁹ Антонович М. А. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбова // Штурмы будущей бури. Л., 1983. С. 236.
- ³⁰ Фрикен А. Ф. фон. Из села Седловщина... Век. 1861. № 44. С. 1270-1271.
- Фрикен А. Ф. Из села Поречья... // Век. 1861, № 47. С. 1346-1347.
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 491. Л. С. 1-7.
- ³² Бердников Г. В. Революционные демократы России эпохи первой русской революционной ситуации и национально-освободительное движение в Италии (1859-1863) // Сб. науч. трудов аспирантов ВГУ, Воронеж, 1965. Вып. 1. С. 6.
- ³³ См.: Объединение Италии в оценке русских современников. М., 1961. С. 256-265.
- ³⁴ РО, ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 147.
- ³⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. С. 266.
- ³⁶ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859-1864. М., 1933. С. 413.
- ³⁷ Там же. С. 423.
- ³⁸ Там же. С. 422.
- ³⁹ Там же. С. 460.
- ⁴⁰ ЦГАОР. Ф. 109. 3 экзп., 1866. Ед. хр. 148.
- ⁴¹ Литературное наследство. М., 1953. Т. 61. С. 445.
- ⁴² См. письмо Д. В. Друцкого-Соколинского В. П. Боткину от 13.04.1863 // Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1920. Т. 16. С. 225.
- ⁴³ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 27. С. 748
- ⁴⁴ Там же. С. 313.
- ⁴⁵ Там же. С. 289, 336-337.
- ⁴⁶ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 37. С. 337.
- ⁴⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859-1864. С. 521.
- ⁴⁸ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 27. С. 736.
- ⁴⁹ Там же. С. 347.
- ⁵⁰ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859-1864. С. 575.
- ⁵¹ Дюла Танарки - венгерский политический эмигрант, личный секретарь

- ⁵² РО. ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 147.
- ⁵³ ЦГИАМ. Ф. 109. 3 экзп., 1866. Д. 148.
- ⁵⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 24.
- ⁵⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 216.
- ⁵⁶ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 100.
- ⁵⁷ Там же
- ⁵⁸ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 214-216.
- ⁵⁹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 30. С. 95.
- ⁶⁰ П. Валуев к тому времени ушел в отставку и жил во Флоренции.
- ⁶¹ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 216.
- ⁶² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 30. С. 220.
- ⁶³ Лишина А. Лев Мечников и Николай Жуковский // Прометей. М., 1967. Т. 3. С. 467 (ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 1. Д. 407).
- ⁶⁴ В 1878 г. Н. В. Мезенцев был убит С. Степняком-Кравчинским.
- ⁶⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 217.
- ⁶⁶ Фрикен А. Ф. фон. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М., 1872-1885. Т. 1-4.
- ⁶⁷ РО. ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 558.
- ⁶⁸ Книги были изданы К. Т. Солдатенковым за его счет.
- ⁶⁹ РО. ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 558.
- ⁷⁰ Исторический вестник. 1883, ноябрь. С. 410; Записки имп. русского археологического общества. Т. 2. Вып. 3. Нов. сер., 1886. С. 321-328; Вестник Европы. 1873. Т. 1. № 2. С. 910-913; Т. 4. № 8. С. 747-750 и др.
- ⁷¹ Вестник Европы. 1886. Т. 3. № 5. С. XVII.
- ⁷² РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Ед. хр. 171.
- ⁷³ История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века. М., 1966. С. 235-236.
- ⁷⁴ РО. ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. № 558.
- ⁷⁵ Фрикен А. Ф. фон. Итальянское искусство в эпоху Возрождения. М., 1891-1901. Т. 1-4.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ РО. ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 147.

А. Л. Фокеев

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЗМА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В НАСЛЕДИИ А. Н. ПЫПИНА Концепция развития литературы из народного быта

В многообразии проблем историко-литературного наследия А. Н. Пыпина вопросы этнографизма русской литературы представляют и сейчас важную страницу развития отечественной науки.

Пыпин не только воспроизвел в своем труде историю русской этнографии, проследив последовательный путь ее развития и становления от первых попыток изучения народных обычаев, преданий, собирания народных песен в XVIII веке до массового краеведческого фольклорно-этнографического движения 50-60-х годов XIX века, но и исследовал концепцию развития литературы из народного быта¹.

Пыпин впервые обозначил в литературе целое "народное направление" и рассмотрел его возникновение в связи с возросшим интересом к проблемам быта и жизни народа, нашедшим отражение в рассказах и очерках из "народного быта".

Исследователь выделяет особый поток этнографической литературы в русле демократической прозы 50-60-х годов XIX века, справедливо связывая возросший интерес к проблемам жизни и быта простого народа с ожиданием крестьянской реформы.

Пыпин очерчивает целый круг беллетристов-пятидесятников и писателей-шестидесятников, которых он относит к этому разряду.

"К чистой этнографии присоединяется особая литературная разновидность - рассказа или очерка " из народного быта", которая распространилась у нас до целого обширного отдела новейшей беллетристики".

Ожидание крестьянской реформы в 50-х годах дало новый толчок "размножению" рассказов из народного быта, которые после первых опытов В.И.Даля и известных произведений И.С. Тургенева и Д.В.Григоровича привлекают силы беллетристов пятидесятых годов, таких как А.А.Потехин, А.Ф.Писемский, П.И.Мельников, И.Т.Кокорев, потом шестидесятых, таких как Глеб Успенский, А.И.Левитов, В.А.Слепцов, Ф.М.Решетников, Н.И.Златовратский, Н.И.Наумов до самого Льва Толстого.

Эта литература, по мнению исследователя, не давала непосредственных результатов для этнографии, но, несомненно, имела для нее немалое косвенное значение, распространяя интерес к народному быту, раскрывая иные его стороны, именно нравственно-бытовое настроение народа, так как этого еще не сделала этнографическая наука².

По существу Пыпин намечает концепцию развития литературы из народного быта, придавая ей значение почти этнографическое в раскрытии сторон народной жизни, в возбуждении интереса к народному быту. В концепции обозначаются истоки направления и эволюция его в 50-70-е годы. У истоков направления - творчество Даля 40-х годов, интерес к изучению и освещению народного быта характерен для Тургенева, Григоровича, Писемского, Мельникова - 50-х годов. Однако, признавая за Казаком Луганским приоритет в разработке темы, критик отмечает, что в то время "все это была невинная копировка внешности" и общественный вопрос оставался еще непонятым. И только в 60-е годы изображения общественного быта стали осязаемыми, реальными картинами тех или других слоев народа"³.

Несмотря на то, что писатели, избравшие предметом своего изображения быт народа, весьма несхожи между собой, Пыпин выделяет общие черты их творчества - этнографическую верность их рассказов описываемому быту. В этом он видит достоинство нового литературного направления, которое в 60-е годы определяет как "общественно-этнографическое". Безусловно, круг авторов, названных критиком, весьма широк (от Даля, писателей "натуральной школы", Григоровича, Тургенева - автора "Записок охотника", Писемского и Островского 50-х годов, шестидесятников-демократов, до народных рассказов Толстого и народнической беллетристики). Однако он свидетельствует о целенаправленном процессе в развитии литературы. В этом видится, с одной стороны, фундаментальность направления, и, с другой, - устойчивая тенденция литературы вообще, особенно в 60-е годы, к разработке крестьянской темы. Очевидно также, что творчество писателей "хронологического ряда" далеко выходит за пределы

этнографизма и лишь соприкасается с "этнографическим направлением" на определенных этапах.

Пыпин делает особо значимый вывод: как художественная литература овладевает реально-правдивым изображением народной жизни, этнография впервые вступает на правильную научную дорогу. Исторически не случайно, что художественное творчество и наука в своих требованиях к изучению жизни и быта народа едины⁴.

Вхождение новой литературы с ее "этнографическим направлением" в литературный процесс конца 50-х начала 60-х годов Пыпин характеризует исторически и эстетически верно. Исследователь отмечает, что во второй половине пятидесятых годов задачи повествовательной литературы становились глубже и серьезнее. Она стремилась познакомиться с внутренним миром крестьянства. Требовалось точное наблюдение и изображение нравственных явлений народной жизни в параллель к тому, что в то время разъяснялось публицистикой и этнографией. Труд художественного творчества в этой области усложнился и затруднился до чрезвычайности: теперь раскрывался перед ним целый быт, который несравненно труднее было свести в художественную картину.

... "Можно было предугадать, что народной повести предстояла новая пора. Повесть должна была ближе подойти к народу, отбросить "литературные выдумки", начать более серьезное изучение - какова бы ни выработалась их форма и каково бы ни было художественное достоинство новых произведений"⁵.

Видоизменения "народной повести" в 60-70-е годы Пыпин считает закономерным процессом и называет это явление "переворотом в самом складе литературной формы", который перерождался, "он захватывал все новый материал; сама народная жизнь, которая была его предметом, потеряла устойчивость и менялась на глазах наблюдателя так, как перед тем не менялась целую сотню лет"⁶.

Исследователь считает, что не явилось первостепенного таланта, который охватила бы характер эпохи и пришлось медленно, разрозненными усилиями создавать новую форму, характерную для новой литературы.

Пыпин пишет о проникновении в художественную ткань произведений этнографии и публицистики. И чем дальше развивался, по мнению учёного, рассказ из народного быта, тем более сказывалось в нем этнографическое знание и вместе стремление точнее передать общественные стороны народного быта. "У первых рассказчиков, которые выступали в литературе накануне реформы (Григорьевич, Потехин, Писемский), и нового ряда их, который начал действовать одновременно с нею (Слепцов, Н.Успенский, С.Славутинский и пр.) было несравненно меньше того знания народной жизни, какое мы видим теперь не только у таких специалистов народной повести, как Г.Успенский, Златовратский, Эртель, Паумов и др., но даже у второстепенных и третьестепенных писателей этой категории"⁷.

Исследователь отмечает, что в условиях, в которых отсутствует знакомство сословий между собой, при неизвестности подробностей народного быта - "этнографическая литература получила особенный смысл". Цель этой литературы Пыпин видит в возможности для широкого общества познакомиться с разнообразными условиями народной жизни, причем изучение этой жизни сделавшись для писателей серьезной потребностью. Исследователь приходит к выводу: в литературе этнографическая беллетристика заняла такое место, какого еще не занимала никогда. Этнографы-беллетристы сделали свое полезное дело в литературе: они помогли утвердиться в ней здравому пониманию народа, потому

что умели, не приукрашивая, изображать его жизнь и с тем, что они могли представить поэтического, и особенно с тем, что в ней было и есть тяжелого и невыносимого, требующего внимания и участия. Они разъясняли этот быт, столь многим неизвестный и непонятный: даже простая фотография, какою очень часто были их произведения, была полезна тем, что устраняла иллюзии о народном быте³.

Концепция развития литературного процесса 50-70-х годов XIX века, данная в работах Пыпина, позволяет заметить целенаправленное стремление литературы к всестороннему изучению народного быта и выделению на определенном историческом этапе "этнографического направления", появление которого носило закономерный характер: определялось общественно-историческими условиями жизни России 50-60-х годов, приходом в литературу писателей из таких слоев общества, "где изучение было близко, где писатель иногда сам делил этот быт и мог говорить о вещах, знакомых по опыту"⁴. Это явление влекло за собой изменение характера литературы, и в частности, прозы, появление новых художественных форм и жанров. Однако искания ученого в этом направлении незаслуженно мало исследованы в современной науке, "этнографическое направление" не вошло в круг проблем типологии реализма.

Литературная критика 40-60-х годов XIX века (П.В.Анненков, С.С.Дудышкин, А.В.Дружинин, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов) также заметила это явление и указала на связь крестьянской темы с этнографическим бытописанием, однако в дальнейшем в литературоведческих трудах "этнографическое направление" не исследовалось.

В современном литературоведении нет специальных монографических работ, посвященных "этнографическому направлению", в отдельных из них встречается лишь упоминание о нем. Так, в "Истории русской литературы", говоря об этнографизме в И.Даль, А.М.Горький отмечает, что такая фигура, как Даль, повторяется в русской литературе в лице Решетникова, Глеба Успенского, Наумова, Нефедова, имеющих немало общего с ним⁵. Именами этих беллетристов Горький очерчивал круг писателей "этнографической школы". Упоминание об "этнографической школе" содержится в статьях и монографиях Г.Виноградова, М.Канкавы, В.Базанова, В.Соколовой⁶.

Обращение к наследию Пыпина и сопоставление его воззрений о развитии литературного процесса 50-70-х гг. убеждает в исторической и эстетической достоверности подмеченного ученым процесса вхождения "этнографического направления" в русскую литературу второй половины XIX века и создает перспективы исследования в области типологии реализма 60-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии: В 2 Т. Спб., 1890-1891. В дальнейшем ссылки на это издание с указанием тома и страницы.

² Пыпин А.Н. Т.2 С.72.

³ Современник. 1864. №9. С.54.

⁴ Пыпин А.Н. Т.2 С.424.

⁵ Пыпин А.Н. Т.2 С.361.

⁶ Пыпин А.Н. Т.2 С.363.

⁷ Там же.

Пыпин А.Н. Новейший этнографический стиль // Вестник Европы 1877. №8.

⁹ *Пытин А. Н.* Т.2 С.362.

¹⁰ *Горький А. М.* История русской литературы. М. 1939.

¹¹ См.: *Виноградов Г.* Этнография в кругу научных интересов. Н Г Чернышевский//Советская этнография. 1940. №3. С.55; *Канкава М. В.* О влиянии В.И.Даля на стиль писателей этнографической школы//Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С.178; *Базанов В. Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С.81; *Соколова В. Ф.* Русский роман 60-70-х годов XIX века и народознание//Русская литература. 1986. №6. С.77-89.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

Зельдович М.Г. Самообоснование литературной критики и творческий опыт Чернышевского.	4
Гусакова О.Я. Две статьи о В.А. Жуковском. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Полевой.	15
Черемисинова Л.И. А.А. Фет - критик Н.Г. Чернышевского.	21
Алдонина Н.Б. А.В. Дружинин о Гоголе. По новым материалам.	28
Свердлина С.В. Чернышевский читает "Степь" А.П. Чехова.	36
Грачев А.П. "Русский реформатор" в романе Л.Н. Толстого "Война и мир". К генезису образа М.М. Сперанского.	45
Варганова Н.А. Н.Г. Чернышевский в повести Д.Л. Мордовцева "Новые русские люди".	49
Китаев В.А. Журнал "Вестник Европы" и славянофильство 1860-1870 гг.	55
Краснов Г.В. А.Н. Пыпин в полемике о народничестве на рубеже 70-80-х годов.	61
Муренина Е.К. Литературно-юбилейная статья как социокультурный факт и литературный жанр.	63

СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Демченко А.А. "История 18 столетия" Ф. Шлоссера в русском переводе, 1858-1860гг. По неопубликованным цензурным материалам.	78
Дудко В.И. Источники статьи П.А. Грабовского о Н.Г. Чернышевском.	85
Тугушева М.З. Писатель-саратовец Михаил Воронов. По новым архивным материалам.	94
Порох В.И. Из переписки шестидесятников. Письма Д.Л. Мордовцева к М.И. Семевскому.	102
Ямпольский И.Г. Уличные листки 1862 года.	113
Еремин Г.В., Студенский В.П. Студенские - семья деда Н.Г. Чернышевского.	119
Чернышевская Н.М. А.Н. Пыпин и его старшая дочь.	122
Озерянский А.С. Н.Д. Россов о А.П. Пыпине. По архивным материалам.	132
Рустомова З.И. Восточная тематика на страницах "Военного сборника".	137
Рыхляков В.Н. Корреспондент "Современника" А.Ф. фон Фрикен.	145
Фокеев А.Л. Проблемы этнографизма, русской литературы второй половины XIX века в наследии А.П. Пыпина Концепция развития литературы из народного быта	156

Научное издание

Н.Г.Чернышевский

Статьи, исследования и материалы

Сборник научных трудов

12

Редактор М.П.Ларина

Подписано к печати 22.IV.97. Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская №2. Печать офсетная.
Усл.-изд. л.13. Тираж 500. Заказ 586.

Издательство Саратовского педагогического института.
410071, г.Саратов, Мичурина, 92.

Типография №6, Верхний рынок, 13.